

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)**

**ЧИКАГСКАЯ ШКОЛА
ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
(1920–1940-е годы)**

сборник переводов
под ред. Д.В. Ефременко

**МОСКВА
2023**

ББК 66.1
УДК 321.01
Ч 60

Печатается по решению ученого совета ИНИОН РАН

Ч 60 Чикагская школа политической мысли (1920–1940-е годы): сборник переводов / под ред. Д.В. Ефременко ; ИНИОН РАН, Отд. социологии и социал. психологии, Отд. политической науки / пер. с англ. В.Г. Николаева. – Москва, 2023. – 284 с.

ISBN 978-5-248-01071-4

В сборник включены статьи и классические работы ведущих представителей Чикагской школы политической мысли 1920–1940-х годов – Ч. Мерриама, Г. Лассуэлла, Г. Госнелла, Л. Уайта, чьи исследования оказали значительное влияние на дальнейшее развитие политологии. Большинство текстов переведены на русский язык впервые, несколько переводов публикуются в новой редакции.

Для политологов, социологов, специалистов государственного управления, преподавателей вузов, аспирантов и студентов.

ББК 66.1
УДК 321.01

СОДЕРЖАНИЕ

Д.В. Ефременко. «Новая наука о политике», чикагская версия. Вступительная статья	5
Чарльз Эдвард Мерриам (1874–1953)	53
Ч.Э. Мерриам. Современное состояние изучения политики	54
Ч.Э. Мерриам. Урбанизм.....	66
Гарольд Дуайт Лассуэлл (1902–1978)	77
Г.Д. Лассуэлл. Политика: кто достигает чего, когда и как? От переводчика (В.Г. Николаев).....	78
Предисловие	80
Часть I. Элита	82
Глава 1. Элита.....	82
Часть II. Методы	94
Глава 2. Символы.....	94
Глава 3. Насилие	106
Глава 4. Блага	118
Глава 5. Практики	132
Часть III. Результаты.....	144
Глава 6. Навыки и мастерство	144
Глава 7. Класс	158
Глава 8. Личность.....	172
Глава 9. Установка	186
Часть IV. Заключение	199
Глава 10. Заключение	199
Библиографические примечания	209
Г.Д. Лассуэлл. Гарнизонное государство	222

Гарольд Фут Госнелл (1896–1997)	237
Г.Ф. Госнелл. Политическая партия versus политическая машина.....	238
Г.Ф. Госнелл. Статистики и политические ученые	251
Г.Ф. Госнелл. Символы национальной солидарности.....	265
Леонард Дюпи Уайт (1891–1958)	275
Л.Д. Уайт. Политика и гражданская служба	276

Д.В. Ефременко¹

«НОВАЯ НАУКА О ПОЛИТИКЕ», ЧИКАГСКАЯ ВЕРСИЯ

Вступительная статья

Известный американский политолог Дэвид Истон, чья научная карьера началась в Гарварде и достигла расцвета в Чикагском университете, так сравнивал две alma mater:

«Мое впечатление об их различиях побуждало уподобить Гарвард широкому, медленному, извилистому потоку большой мощи, достигнутой не за счет силы течения, а только благодаря своей ширине и расстоянию, которое он преодолел, тогда как Чикаго казался рекой Тибр – стремительной, бурлящей, увлекающей, полной приключений и кипящей идеями. <...> Несомненно, первые пять или десять лет в Чикаго были одним из самых захватывающих интеллектуальных периодов в моей жизни. Это было просто огромное интеллектуальное наслаждение. Я познакомился с совершенно новым диапазоном не просто идей, но фундаментальных гипотез, и мог сопоставить их с теми, которыми неосознанно проникся в интеллектуальной атмосфере Гарварда. Наиболее захватывающим в Чикаго было многообразие самых различных, если не сталкивающихся друг с другом гипотез, которые постоянно подвергались рассмотрению. И огромное внимание уделялось не только содержанию этих идей, но процедурам и способам, использовавшимся для их получения, или, проще говоря, методам»².

---

¹ **Ефременко Дмитрий Валерьевич** – доктор политических наук, главный научный сотрудник, заместитель директора Института научной информации по общественным наукам РАН.

² Political Science in America: Oral Histories of a Discipline / Baer M.A., Jewell M.E., Sigelman L. (eds.). – Lexington : The University Press of Kentucky, 1991. – P. 200.

Истон начал работать в Чикагском университете в 1947 г., в момент смены поколений политологической школы, когда по разным причинам лидер и ключевые фигуры первого поколения покинули университет или отошли от активной работы. Истону даже «достался» кабинет Чарльза Мерриам – человека, который, собственно, и создал Чикагскую школу политических исследований.

За четверть века до прихода Истона Мерриам сформулировал принципиально новую программу¹, которая фактически была программой становления «новой науки о политике» не только в Чикагском университете, но и во всей Америке. Ее суть состояла в развороте социальных исследователей к изучению политического поведения, междисциплинарности и широкому внедрению эмпирических методов. Это была весьма амбициозная декларация целей и задач трансформации политических исследований, особенно если принять во внимание, что в 1920-е годы Соединенные Штаты были еще далеки от лидерства в этой области знания. Но, как и во многих других областях, американцы действовали уверенно, с осознанием своего мощного потенциала и готовностью преодолевать барьеры, возникавшие на пути социального познания. А в самих США, возможно, наилучшим местом для прорыва в сфере общественных наук являлся Чикаго – настоящая лаборатория американских «ревущих двадцатых», соединявшая в себе финансовое могущество и классовые конфликты, предпринимательский и технический гений, социальную критику и дух нового урбанизма.

На протяжении первых четырех десятилетий XX в. Чикагский университет, основанный в 1890 г., был центром становления и бурного роста новых научных школ в экономике, философии, филологии, социологии. Благодаря выдающемуся научному и организационному таланту Мерриам появилась и получила признание и Чикагская школа политических исследований. Сам Мерриам, его лучшие ученики и молодые коллеги – Гарольд Госnell, Гарольд Лассуэлл, Леонард Уайт – в 1920–1930-е годы совершили настоящий прорыв в политическом познании, не только реализовав саму программу «новой науки о политике», но и постоянно расширяя тематический диапазон исследований.

Попробуем рассмотреть историю становления и развития первого поколения Чикагской школы политических исследований через призму биографии сотворивших ее людей и их идей.

---

¹ Мерриам Ч.Э. Современное состояние изучения политики // Полития. – 2021. – № 1 (100). – С. 183–192.

«Шеф»

Чарльз Эдвард Мерриам родился 15 ноября 1874 г. в крошечном городке Хопкинтон в штате Айова в семье почтового служащего и школьной учительницы. Отец мечтал, чтобы Чарльз стал юристом, однако, начав обучение в Школе права Университета Айовы, тот быстро разочаровался в юриспруденции и сделал выбор в пользу новой для того времени дисциплины – политической науки. В то же время он на всю жизнь сохранил интерес к естественным наукам, в чем, по всей видимости, сказалось влияние его старшего брата Джона, впоследствии – известного палеонтолога. Поступив в 1897 г. в Колумбийский университет, Чарльз Мерриам испытал сильное влияние таких профессоров, как Уильям Даннинг, Джон Берджесс, Эдвин Селигмен, Джеймс Робинсон, что позволило ему в полной мере овладеть историческим и сравнительным методом изучения политических феноменов. Но хотя на рубеже XIX и XX вв. именно Колумбийский университет занимал лидирующие позиции в области политических исследований, Мерриам, защитив в 1900 г. докторскую диссертацию, посвященную исторической эволюции идеи суверенитета¹, решил продолжить научную и преподавательскую карьеру в Чикаго. По всей видимости, решение это было продиктовано не только финансовыми соображениями (Чикагский университет пользовался щедрой поддержкой Джона Рокфеллера и ряда других крупных меценатов), но и возможностью быстрее выйти из тени колумбийских корифеев, к которым (особенно к Даннингу) Мерриам относился с искренним почтением. Известность в профессиональном сообществе Мерриаму принесла книга «История американских политических теорий»², опубликованная в 1903 г. Эта монография может рассматриваться как первое обстоятельное исследование американской политической мысли³, в котором была предпринята попытка ее периодизации и классификации. Мерриам впервые на систематической основе стал анализировать высказывания американских общественных и политических деятелей колониального

---

¹ Merriam C.E. History of the Theory of Sovereignty since Rousseau. – New York : Columbia University Press, 1900. – 233 p.

² Merriam C.E. A History of American Political Theories. – New York ; London : Macmillan, 1903. – 394 p.

³ Баталов Э.Я. Американская политическая мысль XX века. – Москва : Прогресс-Традиция, 2014. – С. 12.

периода, эпохи борьбы за независимость и первой половины XIX в. с точки зрения их вклада в развитие политической теории.

Успешно начав университетскую карьеру, Мерриам одновременно принимал все более активное участие в политической жизни Чикаго. Поначалу он сотрудничал с городскими властями в качестве эксперта; его вклад в разработку проблем городского планирования, коммунальных услуг, предпринимательства, землепользования, водного транспорта получил признание в крупнейшем индустриальном центре американского Среднего Запада. Вместе с тем Мерриам смог на деле познакомиться и с пороками местной политики, включая практики незаконного обогащения за счет муниципальных подрядов и прямую коррупцию. В 1909 г. он был избран в городской совет Чикаго. Работая в его составе, он инициировал учреждение комиссии по городским расходам, которую сам и возглавил. Под его руководством комиссия стала эффективным инструментом разоблачения многочисленных фактов мошенничества при закупках. Как известно, борьба с коррупцией была одной из основных установок прогрессивизма – мощного движения, охватившего в конце XIX – начале XX в. широкие слои американского общества, прежде всего средний класс, а также обе ведущие партии. Каденции республиканцев Теодора Рузвельта (1901–1909) и Уильяма Тафта (1909–1913), а также демократа Вудро Вильсона (1913–1921), обычно рассматриваются в историографии как президентства эры прогрессивизма¹. Сторонники прогрессивистского движения видели в государственных институтах орудия социальных изменений, подготовленных развитием науки, техники и промышленности. На этой волне Мерриам в 1911 г. впервые принял участие в выборах на пост мэра Чикаго, баллотировавшись от республиканцев. Выборы он проиграл, лишь немного уступив сопернику от Демократической партии (не увенчались успехом и две последующие его попытки добиться избрания на этот пост). Вскоре после выборов Мерриам поддержал инициированный Т. Рузвельтом раскол в Республиканской партии и создание Прогрессивной партии, чей выход на американскую политическую сцену едва не привел к краху двухпартийной системы. Однако в самой Прогрессивной партии Мерриам не проявлял особой активности. До вступления США в Первую мировую войну он воздерживался и от сотрудничества с федеральным правительством, отклоняя

---

¹ Buenker J.D., Boosham J.C., Crunden R.M. Progressivism. – Cambridge, Mass. : Schenkman, 1986. – 152 p.

предложения Тафта и Вильсона о работе в экспертных совещательных органах, создававшихся администрациями этих президентов.

Неудачи на политическом поприще не отразились на академической карьере Мерриам. В 1911 г. он фактически возглавил департамент политической науки Чикагского университета. Однако его старт в новой должности не привел к немедленным переменам. Тогдашний президент Чикагского университета Гарри Пратт Джадсон не был склонен поддерживать радикальные инициативы Мерриам. Сам Мерриам сохранял политические амбиции и неоднократно ради них надолго отвлёкся от преподавательской и исследовательской работы.

После вступления Америки в мировую войну Мерриам в звании капитана был зачислен в состав корпуса связи армии США. Оставаясь в Чикаго, он занимался вопросами подготовки военных летчиков и принимал участие в информационном и пропагандистском обеспечении военной кампании, для координации которого администрация Вудро Вильсона создала независимое агентство – Комитет общественной информации (известный также как Комитет Крила). Весной 1918 г. Мерриам принял предложение возглавить представительство Комитета в Риме, где развернул бурную деятельность. Прилагая максимум усилий, чтобы добиться поддержки боевых действий со стороны итальянского общественного мнения и основных политических сил (по некоторым данным, он даже использовал средства Фонда Рокфеллера для стимулирования провоенных выступлений Бенито Муссолини¹), Мерриам мало заботился о согласовании своих действий с американской дипломатической миссией. Итогом стал конфликт с посольством и Государственным департаментом, завершившийся отзывом Мерриам из Рима в сентябре 1918 г.

Возвращение в Чикаго сопровождалось новыми неудачами на поле практической политики. Однако известность Мерриам в качестве политика и общественного активиста начала способствовать тому, что многие его идеи (особенно после отставки Джадсона в 1923 г.) получили поддержку руководства и спонсоров Чикагского университета. Как отмечал биограф Мерриам Барри Карл, «его карьера стала примером нового прагматичного голоса академии, говорящего не только об историческом понимании политиче-

---

¹Costigliola F. Awkward Dominion: American Political, Economic, and Cultural Relations with Europe, 1919–1933. – Ithaca ; New York : Cornell University Press, 1984. – P. 94.

ской структуры, но и об открытии полезных методов улучшения политической деятельности»¹.

Насколько можно судить, в начале 1920-х годов Мерриам добился максимально широкой свободы рук в организации исследований и преподавании, какой не обладали деканы других факультетов. Его лидерство стало неоспоримым; коллеги и сотрудники департамента уважительно называли его «шефом». Мерриам стремился к достижению нового качества политических исследований и преподавания дисциплины, к выходу ее за рамки сугубо теоретической рефлексии и превращению в практическую науку, позволяющую повысить эффективность функционирования демократических институтов. В результате в 1920-е и 1930-е годы пальма первенства в американской политологии перешла к Чикагскому университету. Лучшие выпускники департамента политической науки составили когорту исследователей, осуществивших, по образному выражению Гэбриела Алмонда, «чикагскую революцию» в американской политологии². В их числе – Гарольд Госнелл, Гарольд Лассуэлл, Леонард Уайт. Весьма показательно, что в отношении своих учеников старшего поколения Мерриам добился отмены запрета на «академический инбридинг» – правила, согласно которому выпускники какого-либо университета, избравшие по его окончании научную и преподавательскую карьеру, должны продолжить ее в другом университете.

Сочетание Мерриамом организационных усилий и педагогической активности дало свои плоды, о которых образно писал Алмонд:

«У Мерриама были навыки, обаяние и формы пассивной агрессии, которые позволяли ему лепить профессионалов в области статистики, психоанализа и социальной психологии из неуклюжих аспирантов, набранных из детей провинциальных священников, мелких розничных торговцев и иммигрантов из Восточной Европы»³.

В результате в момент провозглашения новой программы исследований и преподавания политической науки Мерриам уже знал, на кого он сможет опереться в ближайшие годы.

---

¹ Karl B.D., Charles E. Merriam and the Study of Politics. – Chicago : University of Chicago Press, 1974. – P. 129.

² Алмонд Г.А. Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления / Гудин Р., Клингеманн Х.-Д. (ред.). – Москва : Вече, 1999. – С. 86.

³ Almond G.A. Who Lost the Chicago School of Political Science? // Perspectives on Politics. – 2004. – Vol. 2, N 1. – P. 92.

Публикация в 1921 г. статьи «Современное состояние изучения политики» стала резонансным событием и в общем социально-политическом контексте того времени, и в плане определения основных принципов и направлений будущих исследований возглавляемой Мерриамом научной школы. Программные установки этой статьи – своеобразная лебединая песня эры прогрессивизма, которую в 1921 г. уже сменила консервативная волна во внутренней и внешней политике Соединенных Штатов. Предлагая новую повестку политических исследований, Мерриам видел свою миссию в преобразовании дисциплины в соответствии с прогрессистскими идеалами, подобном тому, которое Джон Дьюи осуществил в философии и педагогике, а Торстейн Веблен – в экономической науке и социологии. Парадоксальность положения Мерриама в начале 1920-х годов, как полагает его биограф, заключалась в том, что, приближаясь к вершине своей профессиональной карьеры, он испытывал глубокую фрустрацию как политик¹. Вместе с тем лидер Чикагской школы, по его собственному признанию, ощущал сильную неудовлетворенность доминирующими методами политического анализа². Обновление методического инструментария (включая широкое заимствование методов естественных наук, особенно биологии), продуктивное взаимодействие с другими отраслями знания и общая переориентация на систематическую экспертную поддержку государственного управления должны были обеспечить превращение политологии в подлинно научную дисциплину.

Мерриам и его молодые коллеги энергично приступили к реализации этой программы, продвигаясь сразу в нескольких направлениях. В сотрудничестве с Госнеллом Мерриам дал старт широкому применению эмпирических и статистических методов исследования электорального поведения³. Опросы проводили студенты-старшекурсники. Использовалось контрольное квотирование, позволившее при анализе установок избирателей учесть их демографические характеристики. В фокусе исследования 1924 г.

---

¹ Karl B.D. Charles E. Merriam and the Study of Politics. – Chicago : University of Chicago Press, 1974. – P. 154.

² Merriam C.E. The Education of Charles E. Merriam // The Future of Government in the United States / White L.D. (ed.). – Chicago : University of Chicago Press, 1942. – P. 9.

³ Merriam C.E., Gosnell H.F. The American Party System: An Introduction to the Study of Political Parties in the United States. – New York : Macmillan, 1922. – vii, 530 p.

были причины отказа избирателей от участия в голосовании¹. Наряду с содержательными выводами особую ценность этой работе придавала подробная экспликация методологии и техники опросов избирателей, проведение которых стало неотъемлемой частью процесса выборов на федеральном уровне лишь со второй половины 1930-х годов. Мерриам и Госнелл опирались на данные опросов чиновников и активистов избирательных кампаний, а также сведения из материалов избирательной комиссии, касающиеся пола, возраста, продолжительности проживания и гражданства (страны происхождения) 5 тыс. избирателей. Вслед за этим было проведено 6 тыс. (!) интервью с не голосовавшими, отобранными методом случайной выборки. Интервью проводили студенты-старшекурсники. Тем самым реализовывалась установка на активное вовлечение студентов в исследовательскую практику. Данные интервью фиксировались на перфокартах Холлерита и затем обрабатывались при помощи считывающего устройства, позаимствованного из офиса городского контролера². Стоит отметить, что работа с перфокартами открывала путь к использованию в социальных науках более совершенных систем автоматизированной обработки информации.

Мерриам предопределил выбор темы диссертационного исследования и наиболее известного представителя Чикагской школы – Гарольда Лассуэлла. Диссертация была посвящена изучению методов военной и политической пропаганды, т.е. той самой деятельности, которой занимался Мерриам в ходе своей яркой, но непродолжительной миссии в Риме. Работая над «Техникой пропаганды в мировой войне»³, Лассуэлл фактически реализовал еще одну установку Мерриама – использование в целях политического анализа возможностей других дисциплин, прежде всего социальной психологии. «Техника пропаганды» с полным основанием может претендовать на первое место в рейтинге трудов, раскрывающих сущность и основные механизмы целенаправленного воздействия на сознание и эмоции массовой аудитории. В следующей

---

¹ Merriam C.E., Gosnell H.F. Non-Voting: Causes and Methods of Control. – Chicago : University of Chicago Press, 1924. – 287 p.

² Karl B.D. Charles E. Merriam and the Study of Politics. – Chicago : University of Chicago Press, 1974. – P. 286.

³ Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне : перевод с англ. / РАН. ИНИОН ; сост. и переводчик В.Г. Николаев ; отв. ред. Д.В. Ефременко. – Москва, 2021. – 237 с.

монографии Лассуэлла¹ рассматривалась взаимосвязь психологии и психопатологии с политическим поведением.

Мерриам нередко называют «отцом бихевиористского движения» в политической науке², хотя его собственные труды в рамках этого подхода (в первую очередь работа 1931 г. о гражданском воспитании, где он сочувственно отзывался о соответствующем опыте фашистской Италии и коммунистического СССР, одновременно критикуя политические режимы этих стран за их репрессивный характер³) теряются на фоне более глубоких и всесторонних исследований того же Лассуэлла. Новаторские эмпирические методы, к широкому применению которых призывал Мерриам, систематически использовались главным образом его учениками и последователями, тогда как сам он оставался генералистом старой формации (что, впрочем, благоприятствовало успешному развитию Чикагской школы⁴). Однако именно Мерриам дал толчок развороту американского политологического сообщества к изучению политического поведения, междисциплинарности и внедрению эмпирических методов. Помимо оригинального научного вклада и даже в большей мере, чем сам этот вклад, успеху его инициативы способствовали систематическая организационная и педагогическая работа, а также неустанная пропаганда новых подходов среди американских исследователей политики. Именно им была адресована книга «Новые аспекты политики»⁵, включавшая переработанные и дополненные версии статей и выступлений Мерриама 1920–1924 гг. и представлявшая собой своего рода проспект обновленной науки о политике и государстве. Несомненным свидетельством высокого признания программы Мерриама стало избрание его в 1924 г. президентом Американской ассоциации политической науки (APSA). Правда, в APSA у Мерриама было немало оппонентов; к их числу относился, в частности, его непосредственный пре-

---

¹ Lasswell H.D. *Psychopathology and Politics*. – Chicago : University of Chicago Press, 1930. – vii, 285 p.

² Karl B.D. Charles E. Merriam and the Study of Politics. – Chicago : University of Chicago Press, 1974. – P. VIII.

³ Merriam C.E. *The Making of Citizens: A Comparative Study of Methods of Civic Training*. – Chicago : University of Chicago Press, 1931. – 371 p.

⁴ Wilde J.H. de. *Saved from Oblivion: Interdependence Theory in the First Half of the 20 th Century. A Study on the Causality between War and Complex Interdependence*. – Aldershot : Dartmouth Publishing Company, 1991. – P. 145.

⁵ Merriam C.E. *New Aspects of Politics*. – Chicago : University of Chicago Press, 1925. – xvi, 253 p.

емник на посту президента Ассоциации Чарльз Бирд, придерживавшийся антисциентистских установок.

В 1923 г. по инициативе возглавляемого Мерриамом исследовательского комитета APSA был учрежден Исследовательский совет по общественным наукам (Social Science Research Council / SSRC) – базирующаяся в США независимая международная организация, ориентированная на поддержку научных проектов в различных отраслях знания об обществе и аккумулирующая в этих целях средства, предоставляемые частными благотворительными фондами. Тем самым Мерриам не только добивался признания своей программы, но и получал доступ к действенным механизмам влияния на организацию и финансирование исследований.

В середине 1920-х годов в развитие идей «Современного состояния изучения политики» и «Новых аспектов политики» Мерриам выступил с проектом создания на базе Чикагского университета новой суперструктуры, призванной обеспечить прямую связь науки, образования и государственного управления путем переориентации социальных исследований на нужды практической политики. Школа политики (так чаще всего называл эту суперструктуру сам Мерриам), объединяющая ряд факультетов и департаментов, а также исследовательские подразделения и фонды, должна была стать центром экспертной поддержки политических решений и вместе с тем школой подготовки кадров для государственной службы¹. Насколько можно судить, эта амбициозная инициатива была вполне просчитана с точки зрения перспектив фандрайзинга. Однако поддержка со стороны университетского руководства оказалась недостаточной, а с приходом в 1929 г. на пост президента Чикагского университета Роберта Хатчинса и вовсе сошла на нет.

Вместе с тем амбициозные планы Мерриама получили физическое воплощение в виде построенного в 1929 г. корпуса, в котором разместились почти все подразделения Чикагского университета социально-гуманитарной направленности. Это был первый университетский кампус в Америке, в котором философы, социологи, экономисты, политологи и антропологи работали на одной площадке. Мерриам не просто стремился к объединению представителей этих наук в одном здании – он полагал, что в конечном счете ему удастся выстроить единое здание социального знания. Дэвил Истон описывает связанный с этим показательный эпизод:

---

¹ Heaney M.T. The Chicago School That Never Was // Political Science and Politics. – 2007. – Vol. 40, N 4. – P. 753–758.

«Мерриам сыграл важную роль в получении финансирования для строительства. В тот день, когда был заложен краеугольный камень, Мерриам отсутствовал в городе. Вернувшись, он посмотрел на закладной камень с выгравированным на нем названием здания и вышел из себя. Источник его ярости можно увидеть и по сей день. Если вы внимательно посмотрите на закладной камень, то увидите выбитые на камне слова “общественная наука” [social science], но с правого края от этих слов вы заметите, что буква “s” стерта. На краеугольном камне, когда он был первоначально заложен, были слова “общественные науки”, концепция, которая была анафемой для Мерриама, полагавшего, что должен быть только единый свод социального знания, а не совокупность различных социальных наук. В этом междисциплинарном духе была организована программа по разработке общего курса для всех поступающих в Департамент общественных наук под названием “Область и метод общественных наук”. Стоящая за этим философия заключалась в том, что то, что объединяет социальные науки, явно не может быть их предметом. Действительно, то, что объединяет все социальные науки – если не все науки, – это используемые ими методы. По моему убеждению, этот коллективный курс был катастрофой для студентов, но бесценным опытом для участвовавших в нем преподавателей. Мы регулярно встречались на длительных сессиях, чтобы выработать программу курса. Мы вели продолжительные дебаты о предмете и методах, а также различиях между общественными науками. В этом едином курсе нас призывали отменить три столетия растущей специализации знаний. Это было слишком тяжелое бремя, чтобы взвалить на плечи дюжины очень молодых преподавателей, которые сами были свежими продуктами трехсотлетней эволюции. Хотя это было слишком тяжелым бременем, каждому из нас было приятно разделить его, потому что оно открыло нам глаза на некоторые из основных эпистемологических и онтологических проблем в социальных науках и укрепило междисциплинарную атмосферу университета в целом»¹.

Выстраивая свою «научную империю»², в 1920-х годах Мерриам остро переживал недостаток обратной связи между возглав-

---

¹ Political Science in America: Oral Histories of a Discipline / Baer M.A., Jewell M.E., Sigelman L. (eds.). – Lexington : The University Press of Kentucky, 1991. – P. 202.

² Wilde J.H. de. Saved from Oblivion: Interdependence Theory in the First Half of the 20th Century. A Study on the Causality between War and Complex Interdependence. – Aldershot : Dartmouth Publishing Company, 1991. – P. 145.

ляемой им школой политических исследований и федеральным правительством. Республиканские администрации «ревуших двадцатых» не испытывали сколько-нибудь выраженной потребности в опоре на экспертное знание, особенно на советы тех специалистов, которые разделяли политические и социальные установки прогрессивизма. Исключением был Герберт Гувер, вскоре после своей инаугурации в 1929 г. учредивший Президентский комитет по социальным трендам. Вице-председателем комитета стал Мерриам, а почти все участвовавшие в его работе эксперты имели тесные связи с SSRC. Главный итог этой работы – доклад «Текущие социальные тренды» объемом в 1,5 тыс. страниц – был опубликован в начале 1933 г. И хотя этот доклад (основной вклад в подготовку которого внес Уильям Огборн¹ при достаточно активном участии Мерриама) не содержал предложений относительно социальных и политических реформ, необходимых для преодоления последствий Великой депрессии, он сформировал ценную информационную базу, использованную при разработке мероприятий Нового курса.

Мерриам не входил в рузвельтовский «мозговой трест» 1933–1936 гг.², однако, будучи членом Комитета по национальным ресурсам федерального Министерства внутренних дел, он имел возможность влиять на подготовку и реализацию правительственных программ в рамках Нового курса. Будет не лишним отметить, что Гарольд Икес – министр внутренних дел в администрации Рузвельта, в 1919 г. был менеджером кампании Мерриама по выборам в мэры Чикаго.

В 1936 г. Мерриам был включен в состав Президентского комитета по административному управлению, которым руководил его близкий друг Луи Браунлоу. Опубликованный в начале 1937 г. отчет Комитета содержал резонансное заявление «Президенту нужна помощь» и предлагал комплекс мер, направленных на реорганизацию правительственных агентств в единый президентский офис³.

---

¹ Ефременко Д.В. Уильям Огборн и идея культурного лага. К столетию гипотезы // *Философия науки и техники*. – 2022. – Т. 27, N 2. – С. 58–71.

² Rosen E.A. Roosevelt and the Brains Trust: An Historiographical Overview // *Political Science Quarterly*. – 1972. – Vol. 87, N 4. – P. 531–57; Edwards S. Gold, the Brain Trust and Roosevelt // *History of Political Economy*. – 2017. – Vol. 49, N 1. – P. 1–30.

³ Report of the President's Committee on Administrative Management with Studies of Administrative Management in the Federal Government. – Washington : United States Government Printing Office, 1937. – v, 47 p.

Мерриам оставался сторонником проводимых Франклином Рузвельтом преобразований, даже несмотря на то, что к реализации принималась лишь малая часть его инициатив (например, в Законе о реорганизации 1939 г. были учтены только два предложения из 53-страничного отчета Комитета Браунлоу). Однако для Мерриама было важно активное участие представителей научного сообщества в разработке Нового курса, что полностью отвечало его представлениям об идеальной модели взаимоотношений власти и экспертов. Казалось, в 1930-е годы эта модель была близка к воплощению: восемь его коллег по департаменту политической науки Чикагского университета участвовали в работе 20 различных комитетов, экспертных групп и комиссий, сформированных федеральными органами власти. Для сравнения: в 2006 г. в аналогичные структуры было включено всего лишь четыре эксперта, представлявших факультеты и департаменты политологии всех (!) американских университетов¹.

В 1930-е годы Мерриам продолжал публиковать произведения, неизменно вызывавшие интерес политологического сообщества. Но в функционировании возглавляемого им департамента нарастали трудности. Отношения между Мерриамом и новым президентом Чикагского университета Хатчинсом развивались по нисходящей. Сказывались и разница в жизненном опыте и возрасте (Хатчинс возглавил университет в 30 лет), и столкновение амбиций, но главное – принципиальное различие во взглядах на миссию науки и образования. Хатчинс, сыгравший в дальнейшем выдающуюся роль в организации образования, философском осмыслении его задач и защите академических свобод, был убежденным противником сциентистских установок и ориентации процесса преподавания на решение практических задач в ущерб формированию ответственного гражданина.

О принципиальном характере расхождений между этими двумя незаурядными деятелями свидетельствуют их высказывания по поводу возможностей и перспектив эмпирически ориентированной политической науки. В предисловии к книге «Политическая власть» Мерриам писал:

«В последние годы появились огромные массы нового материала в области экономики, антропологии, истории, социологии, государственного управления, и эти факты бросают вызов тем, кто озабочен политической властью. Новые доктрины социальной среды,

---

¹ Heaney M.T. The Chicago School That Never Was // Political Science and Politics. – 2007. – Vol. 40, N 4. – P. 756.

социального наследия, личности, похоже, опровергают старые концепции и выводы. Новые психиатрические данные, психологические, психобиологические факты, касающиеся природы человеческой личности, тесно связаны с комплексами власти и установками»¹.

Хатчинс напрямую полемизировал с этим оптимистическим видением:

«Власть становится главным словом в политической науке; и предсказание того, что будут делать суды, заменяет справедливость как цель юриста и правоведа. Научный дух побуждает нас накапливать огромные массивы данных о преступности, бедности и безработице, политической коррупции, налогообложении и Лиге Наций в нашем стремлении к так называемому социальному контролю. Существенная часть того, что мы называем социальными науками, – это большие массивы данных, неосвоенных, несвязанных и бессмысленных»².

На фоне сложных отношений Мерриам с университетским руководством к концу 1930-х годов начал распадаться кадровый костяк Чикагской школы политических исследований. Наиболее болезненным был уход Лассуэлла и Госнелла, решивших, что Чикагский университет уже не является оптимальной площадкой для их профессионального и карьерного роста. В 1940 г. подал в отставку со своего поста и сам Мерриам. Уйдя на пенсию в 66 лет, он сохранял научную активность, много публиковался, выступал с лекциями в разных университетах, участвовал в работе благотворительных структур семейства Рокфеллеров. Мерриам умер 8 января 1953 г. после продолжительной болезни. В его архиве сохранилось несколько неоконченных рукописей научных работ, а также автобиографии.

Вклад Мерриам в развитие политической науки пользуется в настоящее время в Соединенных Штатах и других странах несомненным признанием, но при этом его труды чаще всего рассматриваются как достояние прошлого. На наш взгляд, это не совсем справедливо. По крайней мере, такие его книги, как «Новые аспекты политики» и «Политическая власть», заслуживают того, чтобы их читали и в XXI в.

Переводы, включенные в данный сборник, – лишь самый первый подход к знакомству с научным наследием основателя Чикагской

---

¹ Merriam C.E. Political Power: Its Composition and Incidence. – New York : McGraw-Hill, 1934. – P. 4.

² Hutchins R.M. The Higher Learning in America. – New Haven : Yale University Press, 1936. – P. 101.

политологической школы, который, конечно, не может дать достаточного представления о его творчестве. Статья «Современное состояние изучения политики», как уже было отмечено выше, имела программный характер. Ее актуальное значение можно суммировать следующим образом.

Во-первых, эта статья стимулирует к новому осмыслению критериев научности политического знания, которые сегодня, разумеется, во многом отличаются от идеала столетней давности. Дихотомия «факты vs ценности», две составляющие которой в 1930-е годы в кампусе Чикагского университета олицетворяли Мерриам и Хатчинс, неизбывна, и постоянные усилия все новых поколений исследователей проложить внутри нее верный курс направлять развитие научного знания в ту или иную сторону.

Во-вторых, спустя 100 лет после публикации статьи Мерриам вопрос о научно-информационной основе политических исследований обретает новую остроту. Да, по сравнению с теми массивами данных, к работе с которыми призывал Мерриам, использование big data для исследования электорального поведения и протестной активности, для выявления политических предпочтений и т.п. сопоставимо с квантовым скачком. Но, как и в те времена, овладение адекватными методами анализа и обработки таких данных, а также интерпретации получаемых результатов относится к числу насущных задач, стоящих перед политологами.

В-третьих, хотя междисциплинарность, казалось бы, должна считаться успешно реализованной установкой Мерриама, на деле частота призывов к междисциплинарности или к восстановлению дисциплинарных иерархий отражает определенную цикличность в развитии знания. В этом контексте вопрос о степени актуальности нового дисциплинарного синтеза важен для науковедческого анализа общественных наук и места в них политологии, в частности для понимания того, как в этих отраслях знания работают механизмы инклюзии и эксклюзии¹.

В-четвертых, по-прежнему сохраняет свою остроту проблема взаимодействия между экспертами-политологами и структурами власти на локальном, национальном и международном уровнях. Не секрет, что сообщества политологов и международников практически никогда не бывают полностью удовлетворены качеством и результативностью такого взаимодействия. Впрочем, и со стороны власти отношение к экспертам и их рекомендациям нередко оказыва-

---

¹ Moran J. Interdisciplinarity. – London : Routledge, 2002. – 214 p.

ется амбивалентным. Весьма симптоматично в этом плане предостережение Вудро Вильсона, чья политическая карьера, служившая своеобразным эталоном для Мерриاما, начиналась в академическом сообществе: «Чего я опасюсь, так это правительства экспертов. Бог запрещает, чтобы в демократическом обществе мы отказывались от решения какой-либо задачи в пользу экспертов, ставя их выше правительства. Что мы есть, если передоверяем научную заботу о нас небольшой группе джентльменов, которые являются единственными, кто понимает суть дела? Поскольку мы не понимаем суть дела, мы не являемся свободными людьми»¹. В сущности, отношения «власть – экспертное сообщество» также уместно рассматривать как дихотомию, сегодня ничуть не менее актуальную, чем в начале XX в. При этом консолидированность экспертного сообщества на разных уровнях, наличие многочисленных и диверсифицированных каналов внутридисциплинарной коммуникации, а также успешное взаимодействие политологов с гражданским обществом (от локального до глобального) в значительной степени влияют на то, насколько власть будет готова слушать и воспринимать рекомендации политических экспертов.

Второй из публикуемых текстов Мерриاما – доклад «Урбанизм», прочитанный на торжественных мероприятиях в декабре 1939 г. в честь десятилетия открытия Корпуса социально-научных исследований в Чикагском университете, – далеко не столь масштабен, но тем не менее важен для понимания постоянного интереса его автора к социально-политическим исследованиям городских сообществ. В этом тексте также явно дает о себе знать диалог двух школ Чикагского университета – политологической и социологической – относительно изучения того, что Мерриам называл «избыточной витальностью» большого города, «прорывающейся наружу под колоссальным давлением».

Хотелось бы надеяться, что в обозримом будущем на русском языке появятся и другие произведения Чарльза Мерриاما.

Гарольд Госнелл, хранитель метода

Гарольд Фут Госнелл родился 24 декабря – в рождественский сочельник – 1896 г. в Локпорте (штат Нью-Йорк) в семье методистского проповедника. Детство, школьные годы и часть сту-

---

¹ Цит. по: Lapp R.E. The New Priesthood: The Scientific Elite and the Uses of Power. – New York : Harper and Row, 1965. – P. 1.

денческих лет он провел в Рочестере (штат Нью-Йорк), откуда, после получения степени бакалавра в местном университете, в 1918 г. был ненадолго призван в армию. По окончании военной службы Госнелл продолжил образование, поступив в Чикагский университет, в департамент политической науки, где в тот момент он оказался единственным аспирантом. Под руководством Чарльза Мерриама он подготовил и блестяще защитил диссертацию, которая в 1924 г. была опубликована¹ и произвела большой эффект в политологическом сообществе. «Антигероем» этой книги был политический босс республиканской партии в штате Нью-Йорк Томас Платт (1833–1910), дважды избиравшийся в Палату представителей и трижды – в Сенат. Уникальность феномена Платта состояла отнюдь не в его длительном пребывании в стенах Конгресса. Благодаря отлаженной до совершенства механике внутрипартийного клиентелизма, Платт, по его собственной оценке, выступил в качестве «политического крестного отца»² для целой когорты губернаторов штата, в числе которых был и будущий президент Теодор Рузвельт. Госнелл не был пионером изучения «политических машин», но его исследования (включая и более позднее, посвященное функционированию политической машинерии в Чикаго³) позволили раскрыть с максимальной полнотой суть этого феномена. Важное достоинство уже первой его книги состояло в комбинированном использовании техник опроса и сравнительного анализа, статистики и психологии⁴. Впрочем, в части обращения со статистическими данными это был, скорее, первый и не самый убедительный опыт, тогда как более зрелые исследования Госнелла выгодно отличались мастерским использованием методов статистического анализа.

Сразу после защиты диссертации (1922) Госнелл начал преподавательскую и научную карьеру в департаменте политической науки. Следуя в русле заявленной Мерриамом программы обновления дисциплины, Госнелл одновременно активно использовал

---

¹ Gosnell H. Boss Platt and his New York Machine; A Study of the Political Leadership of Thomas C. Platt, Theodore Roosevelt, and Others. – Chicago : The University of Chicago Press, 1924. – xxiv, 370 p.

² Platt T.C. The Autobiography of Thomas Collier Platt. – New York : B.W. Dodge & Company, 1910. – 584 p.

³ Gosnell H. Machine Politics: Chicago Model. – Chicago : University of Chicago Press, 1937. – x, 229 p.

⁴ Brooks R.C. Boss Platt and His New York Machine. By Gosnell Harold F. (Chicago: University of Chicago Press. 1924. P. xxiv, 370) // American Political Science Review. – 1924. – Vol. 18, N 3. – P. 627–629.

инновационные подходы коллег, работавших на других факультетах, в частности Л. Тёрстоуна (факторный анализ), С. Стауффера (методика опросных исследований), У. Огборна (статистический анализ социальных и политических данных), Р. Парка (изучение расовых отношений)¹. Новые подходы были реализованы в исследованиях электорального поведения американцев (первое из них подготовлено в соавторстве с Мерриамом), опубликованных в 1924 и 1927 г.² Две эти книги уместно рассматривать как дебют Чикагской политологической школы с ее бихевиоралистскими установками и ставкой на использование количественных методов.

Стоит особо остановиться на исследовании 1927 г. «Отказ от голосования», в рамках которого впервые в истории политической науки был поставлен эксперимент. Группа Госнелла опросила 6 тыс. жителей 12 районов Чикаго, собрав информацию о возрасте, материальном положении и политических предпочтениях. С учетом места жительства опрошенных Госнелл разделил выборку на экспериментальную и контрольную группы. Избирателям из экспериментальной группы было направлено большое количество разного рода уведомлений о необходимости зарегистрироваться на избирательном участке и проголосовать; члены контрольной группы таких уведомлений не получили. Затем Госнелл и его помощники собрали данные относительно электорального поведения избирателей каждой из групп на президентских выборах 1924 г. и на выборах муниципальных советников (олдерменов) 1925 г., используя записи избирательных комиссий о явке и отчеты наблюдателей. В экспериментальной группе были зафиксированы лишь незначительный рост явки на президентских выборах и существенно большая активность на выборах муниципальных советников. По оценке Госнелла, информационные материалы и призывы голосовать оказали наибольшее воздействие на наименее образованных и информированных избирателей, в частности на чернокожих, женщин иностранного происхождения и белых с низким уровнем дохода. Эти выводы для своего времени были весьма ценными, но поистине инновационным был метод исследования. Согласно Дж. Хансену, данное исследова-

---

¹ Hansen J.M., Harold F. Gosnell // PS: Political Science & Politics. – 1997. – Vol. 30, Issue 3. – P. 583.

² Merriam C.E., Gosnell H.F. Non-voting: Causes and Methods of Control. – Chicago : University of Chicago Press, 1924. – 287 p.; Gosnell H.F. Getting Out the Vote: An Experiment in the Stimulation of Voting. – Chicago : University of Chicago Press, 1927. – xi, 128 p.

ние даже по прошествии многих десятилетий остается «одним из самых элегантных во всей политической науке»¹.

В 1930 г. Госнелл опубликовал сравнительное кросс-национальное исследование «Почему Европа голосует»² – одно из первых в своем роде, – в котором проанализировал данные по явке избирателей на выборы в Великобритании, Франции, Германии, Бельгии и Швейцарии. Он уделял особое внимание выявлению взаимосвязи между пропорциональным представительством и активностью избирателей, аргументируя гипотезу, согласно которой именно система пропорционального представительства стимулирует явку. В то же время за скрупулезным анализом статистических данных и погружением в особенности электоральных систем каждой из стран у Госнелла стояло стремление осмыслить существенные проблемы внутренней и внешней политики государств постверсальской Европы. Этот интерес, очевидно, сыграл свою роль в том, что со второй половины 1940-х годов он вплотную занялся международной аналитикой в качестве эксперта Государственного департамента.

Вне всяких сомнений, Госнелл внес выдающийся вклад в разработку и использование количественных методов в социальных исследованиях. При этом он занимал твердую позицию в дискуссиях 1920–1940-х годов об уместности и релевантности таких методов в познании политических феноменов. Описывая суть разногласий, Дэвид Истон называл ориентированных на работу с фактическими данными последователей программы Мерриама «гиперфактуалистами», которым противостояли те, кто отстаивал решающее значение социальной и политической теории³.

В этом контексте статья Госнелла «Статистики и политологи» (1933), перевод которой публикуется в настоящем сборнике, вполне может рассматриваться как своеобразная апология количественных методов. Разумеется, Госнелл избегает того, чтобы напрямую полемизировать с критиками и – тем более – в чем-то оправдываться. Напротив, в информационно насыщенном тексте он стремится показать, что движение квантитативного анализа политических процессов набирает силу и ширится, его потенциал

---

¹ Hansen J.M. Harold F. Gosnell // PS: Political Science & Politics. – 1997. – Vol. 30, Issue 3. – P. 583.

² Gosnell H.F. Why Europe Votes. – Chicago : The University of Chicago Press, 1930. – xiii, 247 p.

³ Political Science in America: Oral Histories of a Discipline / Baer M.A., Jewell M.E., Sigelman L. (eds.). – Lexington : The University Press of Kentucky, 1991. – P. 201.

очень велик, а эвристическая значимость получаемых данных позволяет говорить о новых горизонтах политического познания.

В 1935 г. вышла новая книга Госнелла «Негритянские политики: подъем негритянской политики в Чикаго»¹, к которой до сих пор активно обращаются исследователи расового измерения политической жизни Соединенных Штатов. Даже в XXI в. она включается в студенческие syllabus во многих американских университетах. В этой работе Госнелл обстоятельно рассмотрел особенности политической организации и лидерства в афроамериканском сообществе «города ветров», проследил его взаимодействие с политическими машинами двух основных партий и проанализировал опыт афроамериканцев, занятых в структурах городского управления, а также избранных в федеральные органы законодательной власти². Госнелл сумел убедительно показать, что фактор расовой солидарности является ключевым в процессе политического самоопределения афроамериканского сообщества, причем важнейшую роль в мобилизации электората играют церкви, чьими прихожанами являются главным образом чернокожие, а также негритянская пресса. Исследователь зафиксировал важные изменения в политических предпочтениях афроамериканцев, до начала 1930-х годов составлявших электоральный ресурс Республиканской партии. Однако благодаря мероприятиям Нового курса наметился явный сдвиг в политической лояльности афроамериканского сообщества в пользу демократов. Одновременно Госнелл зафиксировал и явный рост расового самосознания белых чикагцев, проявившийся на фоне растущей вовлеченности афроамериканцев в политическую жизнь города.

Исследование участия афроамериканцев в политических процессах способствовало росту популярности Госнелла в качестве преподавателя. В частности, Роберт Мартин – первый чернокожий в американском политологическом сообществе – целенаправленно стремился к подготовке докторской диссертации именно под руководством Госнелла как единственного в то время специалиста в Соединенных Штатах, в чью сферу научных интересов входила «черная политика»³. Другой выпускник департамента,

---

¹ Gosnell H.F. Negro Politicians: The Rise of Negro Politics in Chicago. – Chicago : University of Chicago Press, 1935. – xxv, 403 p.

² Точнее, в фокусе внимания Госнелла оказалась фигура О. де Приста – первого в истории афроамериканца, избранного в палату представителей от одного из штатов американского Севера.

³ Political Science in America: Oral Histories of a Discipline / Baer M.A., Jewell M.E., Sigelman L. (eds.). – Lexington : The University Press of Kentucky, 1991. – P. 159.

Дэвид Трумэн, впоследствии – президент Американской ассоциации политической науки, известный своим вкладом в развитие теории политического плюрализма, в письме Госнеллу (1980) вспоминал:

«Это была замечательная группа студентов, во многом учившихся друг у друга, но реальные стимулы и творческая атмосфера были созданы Вами и Вашими коллегами. <...> С тех пор не было другого подобного департамента политической науки ни в Чикаго, ни где-либо еще»¹.

Как мы отметили чуть ранее, Госнелл продолжал разрабатывать тематику политических машин и в 1930-е годы. Обновленная постановка исследовательской проблемы представлена в его статье «Политическая партия vs политическая машина» (1933; перевод публикуется в настоящем сборнике), а книга «Машинная политика: модель Чикаго» (1937) стала принципиальным продвижением в плане методологии по сравнению с «Боссом Платтом». Анализируя эффективность действия политических машин демократической партии в Чикаго, Госнелл стремился выявить их влияние на различные группы избирателей с теми или иными характеристиками (пол, образование, материальный статус, занятость). Для решения этой задачи исследователь применял методы частичной корреляции и факторного анализа, осуществляя расчеты с использованием пяти регрессоров. Уильям Огборн – несомненный лидер той эпохи в использовании статистических данных и количественных методов в социальных науках, оказавший на Госнелла значительное влияние, писал в предисловии к «Машинной политике»: «Вероятно работа доктора Госнелла станет сигналом к общему движению вперед, которое, безусловно, окажется однажды неизбежным в перспективной области политической науки»².

Огборн оказался прав. Но прогресс в использовании количественных методов в политических исследованиях нельзя связать только с индивидуальным вкладом Госнелла. Бихевиоралистский поворот – центральное направление усилий адептов Чикагской школы политической науки 1920-х – начала 1940-х годов – поставил в центр внимания исследователей политическое поведение массовых групп и тем самым актуализировал поиск измеримых показателей этого поведе-

---

¹ Цит. по: Bulmer M. The Chicago School of Sociology. Institutionalization, Diversity and the Rise of Sociological Research. – Chicago : University of Chicago Press, 1984. – P. 204.

² Gosnell H.F. Machine Politics: Chicago Model. – Chicago : University of Chicago Press, 1937. – P. XXIV.

ния, связанных, прежде всего, с участием в электоральных процедурах. Впоследствии подобным образом и лингвистический поворот в социальных науках дал мощный толчок развитию перспективных исследовательских методологий. И даже когда Истон в 1970 г. заявил об исчерпании программы бихевиоралистской революции¹, имея в виду усвоение политологическим сообществом ее основных принципов и одновременно преодоление установки на перестройку политической науки на основе модели естественно-научного знания, ценность сформированного при активном участии Чикагской школы методического инструментария под сомнение не ставилась. Другое дело, что этот инструментарий (*техника* в терминах Исто́на) не должен подменять сущность политического.

Насколько можно судить, наиболее значимые исследования Госнелла, опубликованные во второй половине 1930-х годов, отразили и его практическую вовлеченность в избирательные кампании на уровне города. Госнелл несколько раз выступал в качестве политического консультанта и даже фактического руководителя избирательных штабов ряда чикагских политиков, баллотировавшихся в олдермены (муниципальные советники). Его опыт политтехнолога по большей части удачным не был, но зато Госнелл во всех деталях смог познакомиться с реальной силой местных политических машин Демократической и Республиканской партий (к последней он формально принадлежал, хотя на практике очень часто действовал вразрез с партийной линией).

Однако достигнув расцвета как исследователь, Госнелл столкнулся с тем, что его достижения не находят соизмеримого признания в Чикагском университете. Гэбриел Алмонд так рассказывал об этом:

«Гарольд Госнелл был очень застенчивым и скромным человеком, которого в то время явно недооценивали. Тот факт, что он был столь погружен в количественный анализ, рассматривался как чисто техническое достижение, несравнимое с теми видами исследований, которые проводились другими членами департамента. Он был просто очень продуктивен, одна книга за другой, но на самом деле его не воспринимали всерьез. На самом деле его не считали фигурой большого творческого и фундаментального значения»².

---

¹ Easton D. The New Revolution in Political Science // Acta Politica. – 1970. – Vol. 5, N 2. – P. 208–221.

² Political Science in America: Oral Histories of a Discipline / Baer M.A., Jewell M.E., Sigelman L. (eds.). – Lexington : The University Press of Kentucky, 1991. – P. 125.

Госнелл так и не получил в Чикаго профессорскую должность. Казалось, что в Департаменте политической науки ему (особенно после отъезда из Чикаго Лассуэлла) все же предстояло стать преемником Мерриама. Однако конфликт между Мерриамом и президентом университета Робертом Хатчинсом, нараставший на протяжении 1930-х годов, сделал этот естественный ход событий крайне маловероятным. Хатчинс весьма неделикатно упрекал Мерриама в том, что он заполнил департамент «монументами своим преходящим капризам»¹, характеризуя таким образом эмпирические исследования Лассуэлла и Госнелла. В результате, вслед за Лассуэллом, Госнелл стал рассматривать варианты продолжения карьеры за пределами Чикагского университета. В 1941 г. он взял продолжительный отпуск, чтобы получить возможность работать в структурах федерального правительства. Сначала это было Бюро по управлению ценообразованием (Office of Price Administration). Спустя год, уже после вступления США во Вторую мировую войну, Госнелл принял решение окончательно перейти на государственную службу (с 1942 по 1946 г. – в Бюро по бюджету) и подал в отставку с преподавательской должности в Чикаго. Но даже работая в федеральных ведомствах, он продолжал публиковать значимые исследования², подготовка которых была начата еще в Чикагском университете.

В 1942 г. Госнелл опубликовал статью «Символы национальной солидарности», которая стала реакцией ученого на нападение Японии на Перл-Харбор 7 декабря 1941 г. и вступление США во Вторую мировую войну. Он рассмотрел в этой статье ключевые проблемы сплочения американского общества в условиях военного кризиса. Принимая во внимание базовые идеи символического интеракционизма, Госнелл относит к символам национальной солидарности вербальные и невербальные репрезентации, формирующие у граждан чувство лояльности к их государству. Госнелл выстраивает свой анализ вокруг провозглашенных президентом США Франклином Рузвельтом «четырех свобод» – свободы выражения мнений, свободы вероисповедования, свободы от нужды и свободы от страха. Сфокусировав внимание на «проблемных» с точки зрения национального сплочения расовых и

---

¹ Karl B.D. Charles E. Merriam and the Study of Politics. – Chicago : University of Chicago Press, 1974. – P. 286.

² Gosnell H.F. Grass Roots Politics. – Washington, D.C. : American Council of Public Affairs, 1942. – 195 P.; Gosnell H.F. Democracy: The Threshold of Freedom. – New York : The Ronald Press Company, 1948. – 336 P.

этнических группах – афроамериканцах, эмигрантах – выходцах из стран, с которыми США находились в состоянии войны, Госнелл показал, что значимой составляющей военного и политического успеха является способность правительства объяснить различным группам, что будут означать для них победа или поражение в войне.

В том же 1942 г. Госнелл подготовил конфиденциальный доклад для администрации Рузвельта «Третий Интернационал об изменениях в его политике». Текст доклада можно найти в архиве Госнелла (box 69, folder 11), хранящемся в библиотеке Чикагского университета¹. Для исследователей, изучающих подоплеку решения И.В. Сталина распустить Коминтерн в качестве жеста, направленного на укрепление доверия между союзниками по антигитлеровской коалиции, данный доклад может иметь немалую ценность. Еще больше внимания отношениям с СССР Госнелл стал уделять во второй половине 1940-х годов, перейдя на службу в историко-аналитическое подразделение Госдепартамента и одновременно – в особое подразделение Американского университета в Вашингтоне – исследовательский офис специальных операций, чей тематический профиль включал ведение психологической борьбы, изучение опыта партизанских войн и антиповстанческой стратегии.

В 1960 г. Госнелл оставил государственную службу, а в 1962 г. принял приглашение своего бывшего докторанта Роберта Мартина занять профессорскую должность в университете Говарда в Вашингтоне. Там он вернулся к изучению участия афроамериканцев в политической жизни США, что было чрезвычайно актуальным в условиях развертывания массового движения за гражданские права чернокожих. Свою преподавательскую деятельность Госнелл завершил в 1970 г.

Последними крупными научными трудами Госнелла стали политические биографии президентов Франклина Рузвельта² и Гарри Трумэна³, хотя между публикацией первой и второй прошло почти 30 лет. Через обе книги красной линией проходит тема работы этих лидеров с избирателями, отражающая давний исследовательский приоритет автора. Но в биографии Рузвельта, которого

---

¹ Guide to the Harold F. Gosnell Papers 1886–1997 // The University of Chicago Library. – URL: <https://www.lib.uchicago.edu/e/src/findingaids/view.php?eadid=ICU.SPCL.GOSNELLHF#idp152126792> (accessed: 24.03.2023).

² Gosnell H.F. *Champion Campaigner. Franklin D. Roosevelt*. – New York : The Macmillan Company, 1952. – 252 p.

³ Gosnell H.F. *Truman's Crises: A Political Biography of Harry S. Truman*. – Westport, Conn. : Greenwood Press, 1980. – 656 p.

Госнелл представляет чемпионом электоральных кампаний, эта тема абсолютно доминирует, тогда как мероприятия «Нового курса» предстают лишь фоном, хотя именно их содержательные результаты имели определяющее значение для президентских выборов 1936 г. (в значительной степени – для выборов 1940 г.), а также выборов в Конгресс 1934 и 1938 гг. Опубликованная в 1980 г. биография Трумэна, в 2,5 раза превышающая по объему книгу о Рузвельте, выглядит более сбалансированной. Глава о втором президентском сроке Трумэна содержит много ценной фактологической информации и наблюдений, отразивших, очевидно, инсайдерский опыт Госнелла в Госдепартаменте.

В 1995 г., еще при жизни Госнелла, Секция политической методологии Американской ассоциации политической науки учредила в его честь специальную премию (Harold F. Gosnell Prize of Excellence). Премия Госнелла ежегодно присуждается тем исследователям, которые на конференции APSA представили лучший доклад с точки зрения методологии. Такая оценка вклада Госнелла стала признанием его выдающихся достижений в практическом применении количественных методов анализа в политических исследованиях.

Гарольд Госнелл умер 8 января 1997 г., за две недели до смерти отметив свою столетнюю годовщину.

«Политика» и «Гарнизонное государство» Гарольда Лассуэлла

Выдающийся исследователь американской политической мысли Э.Я. Баталов в 2013 г. сетовал на то, что на русский язык до сих пор не переведены многие классические труды американских политологов, в числе которых – «Политика: кто получает что, когда и как» Гарольда Лассуэлла¹. Спустя 10 лет мы восполняем этот пробел. Наряду с новым полным переводом «Техники пропаганды в мировой войне», выдержавшим в 2021–2022 гг. два издания, и статьей «Гарнизонное государство», эта действительно знаменитая книга дает импульс современному раунду знакомства российских читателей с той частью наследия Лассуэлла, которая оказывается очень актуальной в свете политических событий начала третьего десятилетия XXI в.

---

¹ Баталов Э.Я. Американская политическая мысль XX века. – Москва : Прогресс-Традиция, 2014. – С. 10.

Не считая необходимым воспроизводить здесь полный очерк биографии и научного творчества Лассуэлла¹, остановимся на том, что связано с двумя публикуемыми в настоящем сборнике работами.

Лассуэлл до сих пор входит в первую десятку рейтинга наиболее цитируемых американских политологов и социологов. Он сумел придать мощный импульс развитию целого ряда исследовательских направлений. Но, возможно, более яркими штрихами к его портрету будут отзывы о воздействии Лассуэлла и его научных трудов на индивидуальный выбор многих исследователей. Например, политолог Ричард Мерельман о своих впечатлениях после прочтения в студенческие годы книги «Политика: кто получает что, когда и как» писал следующее:

«Эффект от моего первого чтения был электрическим. Благодарная краткость, язвительная отстраненность, многообещающее освобождение от претензий на выведение законов, презрение к морализаторству, проект бихевиоралистской науки о политике – все это сосредоточилось в одном кратком параграфе. Я впервые задумался о том,² что, пожалуй, есть смысл всерьез заняться изучением политики»².

У столь впечатлившей Мерельмана книги есть важная особенность – ее текст адаптирован под довольно широкую аудиторию, она одновременно рассчитана и на образованных неспециалистов, и на тех, кто профессионально занимается политической наукой. Из-за этого Гэбриел Алмонд полагал возможным рассматривать ее как учебное пособие³, которое составляет единый ансамбль с двумя другими работами, а именно – «Психопатологией и политикой» (1930)⁴ и «Мировой политикой и личной небезопасностью» (1935)⁵. Вместе эти книги, написанные в первой половине

---

¹ Ефременко Д.В., Богомолов И.К. Анатомия пропаганды, или «Война идей по поводу идей». Вступительная статья. // Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне : перевод с англ. / РАН. ИНИОН ; сост. и переводчик В.Г. Николаев ; отв. ред. Д.В. Ефременко. – Москва, 2021. – С. 4–43

² Merelman R.M. Harold D. Lasswell's Political World: Weak Tea for Hard Times // British Journal of Political Science. – 1981. – Vol. 11, Issue 4, October. – P. 471.

³ Almond G.A. Harold Dwight Lasswell. 1902–1978. A Biographical Memoir. – Washington, D.C. : National Academy of Sciences, 1987. – P. 259.

⁴ Lasswell H.D. Psychopathology and politics. – Chicago : The University of Chicago Press, 1930. – 367 P.; русский перевод: Лассуэлл Г.Д. Психопатология и политика : монография : пер. с англ. – Москва : Издательство РАГС, 2005. – 352 с.

⁵ Lasswell H.D. World Politics and Personal Insecurity. – New York : McGraw-Hill Book Company, Inc., 1935. – vii, 307 p.

1930-х годов, конституируют, по оценке Алмонда, наиболее значимый вклад Лассуэлла в политическую теорию¹.

В монографии «Психопатология и политика» Лассуэлл наметил основные контуры бихевиоралистского подхода, ставящего в центр исследования живого человека со всеми особенностями и противоречиями его внутреннего мира. Заявив, что «политическая наука без биографии есть форма набивания чучел»², Лассуэлл показывает, что становление *человека политического* проходит стадии кристаллизации частных мотивов индивида в период его детства и воспитания в семье, переноса частных мотивов от семейных объектов к социальным и рационализации этого переноса в категориях общественного интереса³. Лассуэлл впервые в политической науке использовал психоанализ для изучения политических феноменов, прежде всего для идентификации бессознательного на уровне личностей и ситуаций. Применительно к политическим и государственным деятелям такой подход позволяет выявить определенные типы ролей («агитатор», «администратор», «теоретик»), которые они способны воплощать в своей деятельности.

Последние главы «Психопатологии и политики» во многом формируют теоретико-методологическую основу для двух следующих книг Лассуэлла – «Мировая политика и личная небезопасность» и «Политика: кто получает что, когда и как». Говоря о соотношении исследований человека и общества, Лассуэлл указывает на градацию ориентиров:

«События, представляющие общий интерес, всегда имеют индивидуальное местоположение, и эти события могут изучаться в их отношении к последовательности событий “внутри человека” или по отношению к событиям “среди людей”. Характерное событие, которое служит ориентировочной формой для политического исследования, – это признание принадлежности к сообществу с системой высших требований и ожиданий. Это явление, когда оно достаточно широко распространено среди людей, которые проживают на данной территории в определенный временной период, обозначает государство, которое, таким образом, является многообразием событий. Исследование, которое изучает порядок собы-

---

¹ Almond G.A. Harold Dwight Lasswell. 1902–1978. A Biographical Memoir. – Washington, D.C. : National Academy of Sciences, 1987. – P. 259.

² Лассуэлл Г.Д. Психопатология и политика : монография : пер. с англ. – Москва : Издательство РАГС, 2005. – С. 7.

³ Там же. – С. 258.

тий “внутри человека” или “среди людей”, в равной степени подходит для понимания государства; разница – в отправной точке, но не в конечном результате»¹.

Уже в первой главе «Мировой политики и личной небезопасности» Лассуэлл уточняет и развивает подход, который он называет конфигуративным анализом. Конфигуративный анализ предполагает рассмотрение политического процесса как конфликта по поводу определения и распределения доминирующих социальных ценностей – дохода, уважения и безопасности, – разворачивающегося внутри элит и между ними. Из этого выводится максима: «Кто, что, когда и как получает – таков коренной вопрос при анализе политических действий и политического процесса»². В этом ракурсе политическое исследование должно фокусировать внимание на социальном происхождении, навыках, личных качествах, установках, ценностях и активах представителей мировых элит и их трансформациях с течением времени, сочетать в себе оптимальный баланс динамики и статики.

Достаточно сложная теоретико-методологическая схема и не вполне ясная экспликация отдельных ее составляющих вызвали недопонимание даже у тех, кто осознал масштаб и инновационный характер этого труда Лассуэлла³. Что же говорить о радикальных оппонентах, не преминувших вволю поиронизировать над громоздкими смысловыми и стилистическими конструкциями лассуэлловского текста. Вот характерный образчик язвительной рецензии:

«...Д-р Лассуэлл прыгает по космосу социологическо-психобиологическо-акушерско-психиатрической политической науки с непринужденностью стайки воробьев на лошадиных бегах. Может показаться, что заголовок включает в себя все что угодно, от начала до конца, но книга на самом деле таковой и является, сопровождаемая грохочущими залпами частично связанных сносок... Что привносит эта книга, так это авторскую модернистско-кубистскую запутанность диалектической метафизики. Трудно понять, как наши университеты могут помочь нашей работающей, неуклюжей демократии, рассказывая людям то, что они знают, на языке, кото-

---

¹ Лассуэлл Г.Д. Психопатология и политика : монография : пер. с англ. – Москва : Издательство РАГС, 2005. – С. 262.

² Lasswell H.D. World Politics and Personal Insecurity. – New York : McGraw-Hill Book Company, Inc., 1935. – P. 3.

³ Almond G.A. Harold Dwight Lasswell. 1902–1978. A Biographical Memoir. – Washington, D.C. : National Academy of Sciences, 1987. – P. 258.

рого они не понимают, отягощенном избыточной универсальностью случайных аллюзий»¹.

Очевидно, Лассуэлл осознавал, что для успешного продвижения выдвинутых им идей понадобится еще одна книга, с более стройной (пусть и несколько упрощенной) аргументацией и формулировками, адаптированными для понимания более широкой читательской аудиторией. В результате свет увидела работа, титул которой составила отчеканенная в предыдущей монографии формула исследования политических действий и политического процесса.

Основное внимание автора «Политики» сосредоточено на группах элит и их борьбе за ключевые ресурсы, или, говоря словами Лассуэлла, на «изучении влияния и влиятельных»². Участники этих конкурентных отношений используют для достижения своих целей широкий набор институциональных практик, различных средств символического воздействия, материальных стимулов и санкций вплоть до открытого применения насилия. В этой оптике элитой выступает та часть общества, которая получает большую часть существующих благ. Остальное – масса. Согласно Лассуэллу, успех в конкурентной борьбе за блага и за право быть включенным в состав элиты, определяют следующие факторы:

- 1) способности;
- 2) классовая принадлежность;
- 3) индивидуальные качества;
- 4) установки (различные типы реакций на вызовы социального окружения).

Данный подход, в отличие от марксистских представлений о классовой борьбе, принимает во внимание и значимые личностные характеристики, оказывающие влияние на успех тех или иных акторов с точки зрения интеграции в состав элиты, внутри- и межэлитной борьбы. Вместе с тем, как отмечал еще Дэвид Истон, подход Лассуэлла, сфокусированный преимущественно на олигархической перспективе борьбы за власть и влияние, а также на психоаналитическом объяснении действий индивидуальных акторов, ведет к недооценке роли массовых групп³.

---

¹ Whittlesey W.L. Review of H.D. Lasswell "World Politics and Personal Insecurity" // American Political Science Review. – 1935. – Vol. 29. – P. 500–501.

² Lasswell H.D. Politics: Who Gets What, When, How. – New York : McGraw-Hill Book Co, 1936. – P. 13.

³ Easton D. The Political System. An Inquiry into the State of Political Science. – New York : Alfred A. Knopf, Inc., 1953. – P. 121.

Истон также делит научное творчество Лассуэлла на два этапа с точки зрения отношения к демократии¹. Датируя первый этап 1934–1940 гг. (на него, соответственно, приходится публикация «Политики»), Истон характеризует его содержание как «элитистскую аморальную фазу». В этот период Лассуэлл строго придерживается веберовской традиции свободного от ценностей социального исследования, не позволяющего отдавать предпочтение демократии или иной форме правления в силу морального выбора. Второй период, согласно Истону, начинается в годы Второй мировой войны, он детерминируется нравственным выбором и социальным запросом, в соответствии с которым политические науки должны предоставить свои данные, методы и практические рекомендации для сохранения демократического общества.

Это деление едва ли назовешь бесспорным, особенно если рассматривать вклад не только Лассуэлла, но и всей Чикагской школы (прежде всего, ее основателя – Чарльза Мерриам) в изучение и интерпретацию проблем демократии². Но даже если принять классификацию Истона, исследование, подходы и выводы которого изначально не предопределены ценностными предпочтениями, может быть даже более ценным для развития политологического воображения. Пожалуй, в этом, в эвристической полезности для профессионалов и дидактической значимости для тех, кто еще только изучает основы политической науки, и состоит основной резон публикации перевода книги Лассуэлла.

В рамках классификации Истона самая знаменитая статья Лассуэлла – «Гарнизонное государство» – может считаться текстом, знаменующим переход от первого этапа ко второму. Переходным «Гарнизонное государство» может считаться и потому, что замысел и первоначальная подготовка статьи относятся еще к чикагскому периоду, а публикация состоялась уже в то время, когда автор приступил к работе в Вашингтоне. Сам термин «гарнизонное государство» Лассуэлл ввел в 1937 г. в статье, фактическую основу которой составили события китайско-японской войны³. Логика автора строилась на противопоставлении гарнизонного

---

¹ Easton D. Harold Lasswell; Policy Scientist for a Democratic Society // The Journal of Politics. – 1950. – Vol. 12, N 3. – P. 459–460.

² См.: Баталов Э.Я. Американская политическая мысль XX века. – Москва : Прогресс-Традиция, 2014. – С. 242–263.

³ Lasswell H.D. Sino-Japanese Crisis: The Garrison State Versus Civilian State // China Quarterly. – 1937. – Vol. 11. – P. 643–649.

государства и гражданского государства, причем здесь Лассуэлл использовал, прежде всего, градацию Огюста Конта, описывавшего социальную эволюцию как переход от военного государства к феодальному, а от него – к индустриальному. В трактовке Лассуэлла гарнизонное государство, в свою очередь, становится результатом трансформации индустриального государства под влиянием технологической революции.

Статья «Гарнизонное государство»¹, опубликованная в 1941 г., представляет собой своеобразный конструктивистский эксперимент, в котором сочетались анализ тенденций, в полной мере проявившихся в разгар Второй мировой войны, их экстраполяция в будущее и дополнение за счет силы воображения социального исследователя. В обсуждаемом Лассуэллом варианте будущего ключевую роль в системе государственной власти играют специалисты по насилию. В отличие от первой ступени эволюции социального организма, описанной Контом, верховенство специалистов по насилию в модели «Гарнизонного государства» обеспечивается их высокой технической компетенцией, позволяющей им контролировать все прочие социальные группы в условиях постоянной угрозы войны. Фактическая власть концентрируется в руках немногих, а значение демократических институтов и влияние гражданских руководителей систематически подрываются.

Идея гарнизонного государства имела парадоксальный эффект, сравнимый разве что с эффектом оруэлловской антиутопии «1984» для более широкой читательской аудитории. Обсуждаемые Лассуэллом перспективы деформации социальной жизни и демократии настолько значимы и тревожны, что к ним приходится возвращаться снова и снова. Но в то же время обзор положения в ключевых странах мира показывает, что хотя важные характеристики гарнизонного государства начинают проявляться все более отчетливо, при этом фактическое состояние дел нигде в полной мере описанной Лассуэллом модели не соответствует.

Если говорить о нарастании тенденции к укреплению позиций «силовой» элиты за счет перманентного страха войны, непрерывного совершенствования технологической составляющей средств массового уничтожения или подавления протеста, то в тех же США после Второй мировой войны происходили трансформации, побуждавшие вновь и вновь вспоминать о предостережениях Лассуэлла.

---

¹ Lasswell H.D. The Garrison State // American Journal of Sociology. – 1941. – Vol. 46, N 4. – P. 455–468.

В этом контексте «Властвующую элиту» Чарльза Миллса¹ можно рассматривать как развитие идей «Гарнизонного государства», по крайней мере в части анализа переплетения интересов военных, экономических и политических элит Америки и способности этого конгломерата навязать свою волю массовым группам. Призрак гарнизонного государства появляется и в знаменитом предупреждении президента Дуайта Эйзенхаура перед его уходом из Белого дома:

«В правительственных комитетах мы должны остерегаться концентрации неправомочного влияния, гласного или негласного, военно-промышленного комплекса. Потенциал для пагубного роста ненадлежащей власти существует, и будет существовать в будущем. Мы не должны позволить мощи этого комплекса создать угрозу нашим свободам или демократическим процессам... Сегодня отдельный изобретатель, работающий в своей мастерской, оказывается в тени команд ученых из лабораторий и с испытательных полигонов. Подобным образом и свободный университет, исторически призванный быть источником свободных идей и научных открытий, переживает революцию в сфере исследований. Отчасти благодаря огромным привлеченным средствам правительственный контракт становится виртуальным замещением интеллектуальной любознательности. На каждую старую классную доску теперь приходится сотни новых электронных компьютеров. Перспектива доминирования федеральной власти над учеными страны, распределение проектов и власть денег уже налицо – и они должны рассматриваться со всей серьезностью. Однако, отдавая наш долг уважения научным исследованиям и открытиям, мы должны быть в равной степени готовыми иметь дело с противоположной опасностью подчинения публичной политики научно-технической элите. Задачей государственного деятеля должны быть формирование, уравнивание и интеграция этих и других сил, новых и старых, в рамках принципов нашей демократической системы – и даже их использование для достижения высших целей нашего свободного общества»².

Но в то же время фантом гарнизонного государства, уже на протяжении нескольких поколений вызывающий опасения и у власть имущих (таких, например, как Эйзенхауэр), и у внеэлитных сил, и у

---

¹ Миллс Ч.Р. Властвующая элита : пер. с англ. – Москва : Иностранная литература, 1959. – 453 с.

² Dwight G. Eisenhower // Public Papers of the Presidents of the United States (1960–1961). – Washington, D.C. : US Government Printing Office, 1961. – P. 1038.

социальных исследователей, постоянно ускользает при попытках локализовать его на политической карте мира. Одну из таких попыток предпринял в 1978 г. Раймон Арон¹. Он констатировал общее изменение расстановки глобальных сил по сравнению с 1941 г. – исчезновение с исторической арены нацистских и фашистских режимов, переход мирового порядка к биполярности, полюсами которой, соответственно, являются США и СССР. Но при этом, по оценке Арона, военные и полицейские элиты не доминируют ни там, ни там. В США костяк политической элиты составляют специалисты по разного рода торгу (прежде всего, политическому), юристы и администраторы, а в СССР доминирующую позицию занимает партийная номенклатура. Западные общества в целом, согласно Арону, движутся в направлении, противоположном милитаризации. При этом ядерное оружие парадоксальным образом способствует тому, что обладающие им страны и военно-политические блоки, находящиеся в состоянии конфронтации, избегают тотальной мобилизации и милитаризации. С точки зрения Арона, наиболее близко к реализации модели гарнизонного государства подошли Китай периода культурной революции (впрочем, в 1978 г. под руководством Дэн Сяопина уже начался демонтаж этого наследия Мао) и Вьетнам после победы над американцами.

В современном мире, максимально приблизившемся к порогу новой мировой войны, фантом гарнизонного государства, как может показаться, вот-вот материализуется. Правда, попытки искать ему прямое соответствие на карте мира по-прежнему остаются недостаточно убедительными. Но есть по меньшей мере один аспект, заслуживающий особого внимания в рамках аналитики текущего международного кризиса. Это сближение и переплетение силовых и информационных элит в решении общей задачи – достижения военной и политической победы над противником. Метафорически можно сказать, что к концу первой четверти XXI в. ласуэлловские «Технику пропаганды» и «Гарнизонное государство» надо читать как единый текст. Основная проблема и опасность состоит здесь в том, что комбинированная элита (ее можно назвать инфомилитократией) не является внешним демиургом ситуации, ведущей к военному и информационно-психологическому поражению противника. Эта элита находится внутри формируемой ситуации, она зависит от дальнейшего развития событий и особенно от

---

¹ Aron R. Remarks on Lasswell's "The Garrison State" // *Armed Forces & Society*. – 1979. – Vol. 5, N 3. – P. 347–359.

порожденных ею страхов и ожиданий, причем свобода ее маневра ограничивается предыдущими действиями. К сожалению, в таком контексте идеи Лассуэлла остаются чрезвычайно актуальными.

Леонард Уайт: преемник без преемственности

Леонард Дюпи Уайт родился 17 января 1891 г. в Эктоне, штат Массачусетс. После получения магистерской степени во входящем в Лигу плюща Дартмутском колледже, с 1915 по 1918 г. Уайт работал инструктором в Университете Кларка, а затем снова в Дартмуте в качестве помощника профессора. Его исследовательские приоритеты были связаны с государственным управлением. Судя по всему, выбор этой области политических исследований был обусловлен теми вызовами, с которыми столкнулось государственное администрирование в США и других странах в годы Первой мировой войны¹. В 1920 г. он познакомился с Чарльзом Мерриамом, который пригласил его в свой департамент в Чикагском университете, где Уайт продолжил научную и преподавательскую деятельность начиная с 1921 г. При этом Мерриам, сам мало интересовавшийся деталями государственного управления, настоятельно рекомендовал Уайту познакомиться на практике с предметом его исследований. Следуя этому совету, Уайт активно участвовал в работе комиссий, осуществлявших гражданский контроль за деятельностью городских служб, в том числе чикагской полиции.

В 1922 г. Уайт, только что защитивший докторскую диссертацию, организовал неформальный ужин на полях ежегодной конференции Американской ассоциации политической науки, проходившей в Чикаго. Во встрече приняло участие очень небольшое количество исследователей, в чью сферу научных интересов входило государственное управление². Однако несмотря на скромные масштабы мероприятия, Уайту удалось главное – сформировать ядро будущей исследовательской сети. Она в дальнейшем достаточно быстро разрасталась, причем в немалой степени – за счет учеников Уайта.

В 1926 г. Уайт выпустил учебное пособие «Введение в исследование государственного управления», которое для своего

---

¹Gaus J.M. Leonard Dupee White 1891–1958 // Public Administration Review. – 1958. – Vol. 18, N 3. – P. 231.

²Gaus J.M. – Op.cit. – P. 232.

времени считалось эталонным и выдержало на протяжении 30 лет четыре издания (каждое последующее – с исправлениями и дополнениями). Рассматривая государственное управление как распоряжение «людьми и материалами для достижения целей государства», Уайт фиксировал следующие принципы разработки темы:

– государственное управление представляет собой целостный процесс, содержательно единый в своих базовых характеристиках, в связи с чем нет необходимости жестко разделять его на муниципальное управление, управление на уровне штатов и федеральное управление;

– его изучение должно начинаться с рассмотрения основ самого управления, а не его юридических аспектов (в том числе решений судебных инстанций)¹;

– государственное управление по-прежнему является искусством, но при этом необходимо стремиться к его трансформации в науку;

– управление стало и будет оставаться впредь центральной проблемой деятельности современных правительств².

Уайт не стремился в данной работе к созданию оригинальной теории государственного управления, но видел свою задачу в «выстраивании упорядоченной системы взаимосвязей», позволяющей «представить проблему» и найти продуктивные способы ее решения³. Признавая необходимость отделить политику от управления, автор констатировал, что администратор в любом случае действует в политическом окружении и испытывает на себе влияние многих политических факторов. Данные вопросы Уайт обсуждает и в статье «Политика и гражданская служба» (1933), перевод которой публикуется в этом сборнике.

Следует отметить, что знакомство со статьей требует известного погружения в американский политико-административный контекст последней трети XIX – первой трети XX в. Уайт начинает с упоминания о юбилее Акта Пендлтона, принятого конгрессом в 1883 г. Акт Пендлтона вводил принцип опоры на заслуги при назначении на административные должности. Тем самым наносился удар по одной из опор политической коррупции – клиентелизму,

---

¹ Тем самым Уайт выступил решительным оппонентом Вудро Вильсона, который рассматривал государственное управление как «детальное и систематическое исполнение публичного права» (Wilson W. The Study of Administration // *Political Science Quarterly*. – 1887. – Vol. 2, N 2. – P. 214).

² White L.D. *An Introduction to the Study of Public Administration*. – Macmillan, 1926. – P. vii-viii.

³ White L.D. *Op.cit.* – P. viii.

сопровождаяшему доминирование политических машин в системе власти¹. Уайт положительно оценивает результаты действия Акта Пендлтона, полагая, что меритократический подход позволил освободить от политического вмешательства и порочного круга покровительства целые сектора административных работников. В итоге, по крайней мере, лучшие образцы американской государственной службы стали в полной мере соответствовать мировым стандартам, а масштаб происшедших изменений автор охарактеризовал как революцию. При этом он отмечал, что по состоянию на начало 1930-х годов наиболее престижной считается федеральная служба, тогда как престиж службы в органах власти штатов и особенно городов оказывается ощутимо ниже. Последнее, по мнению Уайта, связано с тем, что меритократические принципы утверждались в разных штатах далеко не равномерно, а в крупных городах с их мощными политическими машинами все еще ведется «окопная война» с покровительством. В частности, Уайт обращал внимание на тревожные попытки отмены или ревизии в отдельных штатах законодательства о заслугах, предпринимавшиеся Демократической партией.

Рассматривая далее перспективы укрепления меритократической системы, Уайт фокусировал внимание на группах интересов, выступающих за или против принципа назначения на административные должности в соответствии с заслугами. Очевидными сторонниками этой системы являются существующие организации гражданских служащих и профессиональные группы государственных чиновников. Последние не действуют напрямую, но вполне способны формировать благоприятные условия для укрепления меритократической системы, задавая стандарты профессиональной квалификации.

В то же время позиция ведущих американских партий относительно окончательного искоренения патронажа оставалась противоречивой, поскольку это означало отказ от одного из наиболее эффективных инструментов партийного влияния. Итоговый вывод статьи, однако, не слишком оптимистичен: Уайт уверен, что ведущие партии будут стремиться сохранить систему покровительства и лояльности чиновников-назначенцев до тех пор, пока это допус-

---

¹ Отметим, что статья Л. Уайта была опубликована в том же выпуске «Анналов Американской академии политических и социальных наук», что и статья Г. Госнелла «Политическая партия versus политическая машина». Тема выпуска была заявлена как «Кризис демократии».

кает закон, терпят избиратели, а сами партии не найдут альтернативных инструментов политического влияния.

С начала 1930-х годов Уайт, подобно Мерриаму и другим ключевым фигурам чикагской политологической школы, активно участвовал в экспертной деятельности на федеральном уровне. Он был включен президентом Гербертом Гувером в состав Комитета по изучению социальных трендов, где отвечал за подготовку аналитических материалов по проблематике государственного управления. По оценке Уайта, американская система государственного управления, подобно всем другим административным системам, отражает собственную окружающую среду. Однако американская система, в отличие от административных систем ведущих европейских стран, не претерпела значительных изменений, хотя ее социальное окружение изменилось очень сильно¹. Тем самым Уайт обосновывал необходимость дальнейших реформ, включая более решительное избавление от наследия политического патронажа.

В 1932 г. Уайт в течение нескольких месяцев находился в Великобритании, где изучал опыт работы советов Уитли (Whitley Councils). В 1917 г. под председательством члена Палаты общин Джона Генри Уитли (в 1921–1928 гг. – спикер этой палаты) был сформирован комитет для изучения взаимоотношений между трудящимися и работодателями. В соответствии с рекомендациями комитета, под влиянием роста социальной напряженности и примера большевистской революции в России, с 1919 г. начали создаваться так называемые советы Уитли – органы социального партнерства, позволяющие поддерживать устойчивый диалог между сторонами трудовых конфликтов. Принцип работы этих советов был распространен и на другие сферы, в частности на гражданскую службу (с 1919 г.), что, разумеется, представляло для Уайта особый интерес. Он стал убежденным сторонником британского опыта, обеспечившего институционализацию механизмов переговоров, сотрудничества, арбитража и координации между правительством и гражданскими служащими. По оценке Уайта, система Уитли породила «обширную сеть соглашений», определивших условия службы почти 300 тыс. британских административных работников².

---

¹ White L.D. Trends in Public Administration // President's Research Committee on Social Trends. – York, PA : Maple Press Company, 1932. – P. 3.

² White L.D. Whitley Councils in the British Civil Service. – Chicago : The University of Chicago Press, 1933. – P. 334.

По возвращении в США Уайт получил весьма лестное предложение от Гарольда Икеса, министра внутренних дел в администрации Франклина Рузвельта, занять вакантную должность члена Комиссии по гражданской службе от Республиканской партии. Приняв предложение и вступив в должность в начале февраля 1935 г., Уайт должен был выработать определенную тактику в отношении действий президента и Демократической партии, касающихся закрепления меритократического подхода при назначении на административные должности. Достаточно мощные группы влияния в Демократической партии стремились к возврату к патронажной системе, сам президент явно колебался. Уайт предпочел не критиковать Рузвельта, но акцентировать те высказывания президента, в которых он заявлял о поддержке меритократического принципа. Пытаясь таким способом представить FDR в качестве своего единомышленника, Уайт развернул целую кампанию в поддержку профессиональной государственной службы. Его усилия способствовали тому, что в 1938 г. Рузвельт своим указом перевел 100 тыс. административных должностей на федеральном уровне из патронажной в меритократическую систему.

Во второй половине 1930-х годов, как мы уже отмечали выше, обстановка в Чикагском университете становилась все более неблагоприятной для возглавляемого Мерриамом научного направления. Прошли времена, когда он в наступательной манере мог предлагать руководству университета и меценатам стратегически ориентированные проекты; теперь ему все больше приходилось обороняться. К тому же неумолимо приближался срок, когда Мерриам должен был сложить с себя полномочия руководителя Департамента политической науки. После фактического выдавливания из университета Лассуэлла и Госнелла Леонард Уайт оставался практически безальтернативным преемником «шефа». В свою очередь, руководством университета Уайт мог рассматриваться в качестве наименее неприемлемого из учеников Мерриама. Тем не менее, как рассказывает Х. Притчетт, президент университета Хатчинс отказался утвердить Уайта в должности руководителя департамента. Хатчинс настоял на том, чтобы департаментом руководила «тройка», двое членов которой служили бы противовесом Уайту. На деле замысел Хатчинса не вполне удался, и фактическое руководство оставалось за Уайтом¹.

---

¹ Political Science in America: Oral Histories of a Discipline / Baer M.A., Jewell M.E., Sigelman L. (eds.). – Lexington : The University Press of Kentucky, 1991. – P. 110.

Однако в силу ряда объективных и субъективных причин Уайт не сумел обеспечить преемственность в отношении программных установок Мерриам. Лассуэлл и Госнелл уже прервали устойчивую связь с университетом; с началом Второй мировой войны многие сотрудники департамента надолго (в нескольких случаях – навсегда) покинули Чикаго. Лишь четыре преподавателя читали лекции и вели занятия со студентами – сам Леонард Уайт, Херманн Притчетт, Джерри Керри и Ганс Моргентау. Моргентау – «отец политического реализма» в теории международных отношений – начал работать в Чикагском университете в 1943 г. и уже никак не был связан с традицией Мерриам. В дальнейшем кадровая эклектика становилась еще более сильной, особенно если поддержку ей оказывало руководство на уровне университета.

С субъективной точки зрения Леонард Уайт как исследователь проходил эволюционный путь, постепенно уводивший его не столько даже от программы «новой науки о политике», сколько от политической науки как таковой. К Мерриаму он сохранял полный пиетет и даже подготовил в 1942 г. в его честь сборник эссе ведущих авторов Чикагской политологической школы¹. В своей собственной статье в этом сборнике он изложил взгляды на пути трансформации американской системы государственного управления в ближайшие два десятилетия, а также на перспективы формирования структурных элементов мирового правительства после неизбежной победы антигитлеровской коалиции. Но обсуждая возможное будущее, Уайт все более тяготел к исследованию прошлого.

Особый и постоянно возраставший интерес Уайта к истории увенчался созданием *Opus magnum* – четырехтомной «Административной истории» Соединенных Штатов². Он использовал широкий круг источников, в том числе неопубликованные официальные документы, дневники чиновников и государственных деятелей, при-

---

¹ *Essays in Honor of Charles E. Merriam: The Future of Government in the United States* / Edited by Leonard D. White. – Chicago : The University of Chicago Press, 1942. – ix, 274 p.

² White L.D. *The Federalists: A Study in Administrative History*. – New York : Macmillan, 1948. – 538 p.; White L.D. *The Jeffersonians: A Study in Administrative History, 1801–1829*. – New York : Macmillan, 1951. – 572 p.; White L.D. *The Jacksonians: A Study in Administrative History, 1829–1861*. – New York : Macmillan, 1954. – 612 p.; White L.D. *The Republican Era, 1869–1901: A Study in Administrative History*. – New York : Macmillan, 1958. – 420 p.

ватную переписку. Впечатляющий успех этого труда привел к тому, что сегодня Уайта чаще называют историком, чем политологом¹.

Стоит отметить, что первый том – «Федералисты», посвященный истории административного управления в США в период президентств Джорджа Вашингтона и Джона Адамса (1789–1801), был опубликован почти одновременно с выходом двух фундаментальных работ по проблемам административного управления. Автором одной из них был Герберт А. Саймон, представитель младшей когорты Чикагской школы политических исследований, впоследствии – лауреат Нобелевской премии по экономике (1978). Его книга «Административное поведение»², основу которой составила диссертация, защищенная в Чикагском университете в 1942 г., с полным основанием может считаться парадигмальной основой исследовательского подхода, рассматривающего государственное управление в контексте человеческого поведения (и, следовательно, как тесно связанное с социальной психологией). Подход Саймона позволяет выстраивать науку государственного управления вокруг тезиса об ограниченности человеческой рациональности, с учетом которого оптимальной является та стратегия управления, которая ведет к наиболее полному достижению поставленных целей. Однако выбор такой стратегии в любом случае будет происходить в условиях неполного и приблизительного знания об имеющихся альтернативах.

С минимальным временным лагом на прилавках американских книжных магазинов появилась еще одна фундаментальная работа о государственном управлении, ставшая базисом противоположной парадигмы. Речь идет о книге Дуайта Уолдо «Административное государство»³, также основанной на недавно защищенной диссертации (правда, не в Чикагском, а в Йельском университете). Уолдо анализирует противоречия между бюрократией и демократией, отягощенные тем, что в странах, подобных Соединенным Штатам, профессионалы государственной службы

---

¹ Так характеризует Уайта статья в англоязычной Википедии, впрочем, весьма краткая и малоинформативная (URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Leonard_D._White, accessed: 30.03.2023); статья в электронной Британнике представляет Уайта как историка и политолога (URL: <https://www.britannica.com/biography/Leonard-Dupee-White>, accessed: 30.03.2023).

² Simon H.A. Administrative Behavior: A Study of Decision-Making Processes in Administrative Organization. – 1st ed. – New York : Macmillan, 1947. – 258 p.

³ Waldo D. The Administrative State: a Study of the Political Theory of American Public Administration. – New York : Ronald Press Co, 1948. – VIII, 248 p.

обязаны защищать демократические принципы. По мнению Уолдо, эти противоречия разрешимы, если государственные служащие стремятся найти баланс между эффективным управлением, правовыми нормами и общественными интересами. Соответственно, государственное управление качественно отличается от бизнес-менеджмента, поскольку, помимо эффективности, должно учитывать общественное мнение и доминирующие ценности. При этом Уолдо был весьма критичен в отношении работ предшественников, включая и Леонарда Уайта с его фокусировкой на принципах государственного управления.

Ретроспективно можно сказать, что «Административная история» Уайта оказалась в тени работ и последовавших за их публикацией дебатов Саймона и Уолдо (1952)¹. Однако есть достаточно оснований для того, чтобы согласиться с мнением А. Робертса, который ставит труд Уайта в один ряд с книгами Саймона и Уолдо, причем не в силу его бесспорных достоинств как исторического исследования, но благодаря аналитическому методу изучения макродинамики административного развития². Благодаря этому методу историческая реконструкция эволюции государственного управления позволила учесть изменения политической и экономической структуры США с конца XVIII до начала XX в., трансформацию международного порядка, социокультурные факторы, развитие коммуникационных и организационных технологий. Немаловажно, что в тетралогии Уайта можно вычленить аргументацию, близкую к основным аргументам будущих теорий зависимости от пути предшествующего развития (path dependency).

Подготовка Уайтом первого тома «Административной истории» пришлось на период руководства Департаментом политической науки. Когда в 1948 г. после медицинского обследования личный врач настоятельно рекомендовал Уайту значительно сократить нагрузки, он без колебаний отказался от должности руководителя департамента в пользу продолжения работы над «Административ-

---

¹Waldo D. 'Development of Theory of Democratic Administration' // American Political Science Review. – 1952. – N 46, March. – P. 81–103; Simon H.R. 'Development of Theory of Democratic Administration': Replies and Comments // American Political Science Review. – 1952. – N 46, June. – P. 494–496; Waldo D. 'Development of Theory of Democratic Administration': Replies and Comments // American Political Science Review. – 1952. – N 46, March. – P. 501–503.

²Roberts A. The Path not Taken: Leonard White and the Macrodynamics of Administrative Development // Public Administration Review. – 2009, July-August. – P. 764–775.

ной историей». В результате последующие тома тетралогии объемом 2 тыс. страниц выходили с интервалом в 3–4 года.

В октябре 1956 г. Леонард Уайт вышел на пенсию, оставаясь заслуженным профессором Чикагского университета. Несмотря на онкологическое заболевание, он продолжал работать над «Административной историей». Уайт ушел из жизни 23 февраля 1958 г. в возрасте 67 лет. Спустя несколько недель вышел последний том его тетралогии, за который Уайту вместе с помогавшей ему Дж. Шнайдер была присвоена Пулитцеровская премия в области работ по истории.

Вместо заключения: а была ли школа?

Уже в начале XXI в. развернулась дискуссия о судьбе Чикагской школы и ее значении для политической науки. Дискуссию начал Гэбриел Алмонд, заявивший, что влияние школы Мерриама признается повсеместно, за исключением самого Чикагского университета, где даже в дни юбилейных торжеств превозносят достижения социологической и экономической школ, но умалчивают о заслугах политологов¹. По его мнению, такая позиция даже десятилетия спустя отражает болезненную травму, связанную с конфликтом Мерриама и Хатчинса.

Отвечая Алмонду, Кристен Монро, профессор Калифорнийского университета в г. Ирвин, предложила различать два этапа в развитии политологии в Чикагском университете². Первый этап, или Чикаго I, – это эпоха Мерриама, его ближайших учеников и соратников. Несколько сужая интенции Чикаго I, Монро характеризовала ее представителей как сторонников социологического подхода, ориентированного на проведение полевых исследований. Основная заслуга Чикаго I состоит в разработке работоспособной альтернативы доминировавшим ранее историческим и легалистским подходам в политической науке и широком внедрении эмпирических методов исследования. Монро полагала, что завершение этапа Чикаго I можно связать уже с уходом Лассуэлла из департамента политической науки.

---

¹ Almond G.A. Who Lost the Chicago School of Political Science? // *Perspectives on Politics*. – 2004. – Vol. 2, N 1. – P. 92.

² Monroe K.R. The Chicago School: Forgotten But Not Gone // *Perspectives on Politics*. – 2004. – Vol. 2, N 1. – P. 95–98.

Начало нового этапа, или Чикаго II, Монро относит к послевоенному времени, когда департамент стал наполняться учеными и преподавателями, не связанными с традициями Мерриама. Часть из них – так называемые младотурки (Дэвид Истон, Мортон Каплан, Леонард Биндер) – были вдохновлены атмосферой исследовательского поиска Чикаго I и в особенности бихевиоралистской программой, но стремились к радикальному переосмыслению этого аспекта наследия Мерриама. Другая часть новых сотрудников департамента во главе с Лео Штраусом выступала в качестве открытых антагонистов эмпирической направленности политических исследований, характерной для Чикаго I. Появление Штрауса в департаменте, вскоре после ухода со своего поста Леонарда Уайта в 1948 г., можно даже рассматривать как своего рода инвазивную акцию. По словам Херманна Притчетта, возглавившего департамент после Уайта, происходило это так:

«Мы не могли заменить Мерриама как теоретика¹. Но затем до нас стали доходить известия о Лео Штраусе из Новой школы в Нью-Йорке. Было решено, что он должен приехать, и мы должны с ним познакомиться. Он приехал летом 1948 года. Ганс Моргентау, исполнявший обязанности руководителя [департамента] в то лето, отвел Лео в офис Хатчинса и оставил его там. К моменту, когда он вышел оттуда, спустя полчаса, Хатчинс назначил Штрауса членом кафедры, полным профессором с зарплатой, превышающей все остальные на кафедре. Это было довольно неожиданно для нас, так как большинство членов департамента почти ничего не знали о Лео. И в самом деле, Чарльз Мерриам, который все еще занимал свой пост на кафедре в качестве почетного профессора, спрашивал: Кто такой Лео Штраус? Было очень интересно, что человек даже и не слышал о том, кто должен был занять его кафедру. Разумеется, их подходы к теории были совершенно разными. Штраус был теоретиком ценностей и аналитиком классических текстов, тогда как Мерриам был историком и больше интересовался применением теории к текущим проблемам»².

В сущности, как видно из предыдущего изложения, без Лассуэлла и Госнелла Чикаго I предстояла быстрая кадровая и содержательная эрозия, что и произошло в первой половине 1940-х го-

---

¹ Имеется в виду преподавание курса политической теории.

² Political Science in America: Oral Histories of a Discipline / Baer M.A., Jewell M.E., Sigelman L. (eds.). – Lexington : The University Press of Kentucky, 1991. – P. 111.

дов. Становление Чикаго II (если следовать классификации Монро) разворачивалось в позиционном противостоянии между штраусианцами (Алмонд характеризовал их как «секту»¹) и «младотурками», которое дополнительно отягощалось полемикой со сторонниками теории рационального выбора, чьей опорой был департамент экономики Чикагского университета (здесь стоит отметить и примечательный факт «миграции» Герберта Саймона, сформировавшегося в качестве исследователя еще внутри Чикаго I, к проponentам рационального выбора).

Можно сказать, что конструкт Монро позволяет описать судьбу сформированного под влиянием Чарльза Мерриама научного движения в политологии несколько менее драматично, чем это виделось Алмонду. Во всяком случае, в этой оптике между Чикаго I и Чикаго II сохраняется интеллектуальная эстафета, связанная с развитием бихевиорализма, а затем, после своеобразного финального аккорда Истона², с распространением постбихевиоралистских концепций. Монро считала возможным даже движение перестройки (*Perestroika*) в американской политологии, постулирующее методологический плюрализм, соотносить с первоначальным импульсом Мерриама, призвавшего в 1921 г. к созданию «новой науки о политике».

Впрочем, согласно мнению Майкла Небло из университета Огайо, бихевиоралистская политическая наука отнюдь «не выпрыгнула в сформировавшемся виде из головы Мерриама»³. Исключительно важным в этом плане было влияние прагматизма Джона Дьюи, а также общих интенций прогрессивизма. Скорее, Мерриам оказал сильное влияние на конкретные формы развертывания бихевиоралистского движения в политологии, но к этому моменту аналогичные движения уже развертывались в психологии, философии и образовании благодаря Уильяму Джеймсу, Джорджу Герберту Миду и Джону Дьюи⁴.

Наиболее решительную позицию отрицания статуса Чикаго I как «школы» занял Мортон Каплан, пионер системного анализа в исследовании международных отношений, упомянутый Кристен

---

¹ Almond G.A. Who Lost the Chicago School of Political Science? // Perspectives on Politics. – 2004. – Vol. 2, N 1. – P. 92.

² Easton D. The New Revolution in Political Science // Acta Politica. – 1970. – Vol. 5, N 2. – P. 208–221.

³ Neblo M. Giving Hands and Feet to Morality // Perspectives on Politics. – 2004. – Vol. 2, N 1. – P. 99–100.

⁴ Там же.

Монро в числе «младотурков» Чикаго П. Каплан, признавая выдающиеся заслуги Мерриам, Лассуэлла и Госнелла, заявлял, что в их интеллектуальной активности не было органической внутренней связи, а успехи Чикаго I в значительной степени определялись общей инновационной культурой университета¹.

В 2007 г. преподаватель политологии из университета Флориды Майкл Хини опубликовал в электронном бюллетене Американской ассоциации политической науки статью под названием «Чикагская школа, которой никогда не было»². Он обращал внимание на то, что Мерриам вовсе не стремился разработать абстрактную теорию или создать «невидимый колледж» единомышленников. Мерриам стремился к такому обновлению политического знания, которое максимально сократило бы расстояние между этим знанием и практической политикой. Неудача Мерриам в реализации этой задачи на базе Чикагского университета привела, по мнению Хини, к тому, что и сама установка на создание «новой науки о политике» для ее практического использования не смогла продержаться длительное время. Впрочем, не сумев создать Школу политики как образовательный институт, Мерриам, его ближайшие сотрудники и ученики преуспели в том, что можно назвать экспертной вовлеченностью в большую политику и государственное управление, а также в военно-политическое планирование в годы Второй мировой войны.

Но что же в конце концов получилось у Мерриам и его коллег? На наш взгляд, есть все основания одновременно говорить о новом движении в развитии политического знания, импульс которому дал Чарльз Мерриам, и о Чикагской школе политологии как о сложившейся на институциональной базе соответствующего департамента влиятельной группе исследователей, имевших общие представления о предпочтительном направлении развития их научной дисциплины, а также о ее теоретико-методологических основаниях. Политологи Чикагской школы внесли исключительно важный вклад в превращение США из периферийной зоны политического знания в его несомненного лидера.

Помимо новаторских работ Мерриам, Госнелла, Лассуэлла, Уайта и более широкого круга исследователей, воспитанных в

---

¹ Kaplan M.A. A Great University Makes for a Great Department // Perspectives on Politics. – 2004. – Vol. 2, N 4. – P. 803.

² Heaney M.T. The Chicago School That Never Was // Political Science and Politics. – 2007. – Vol. 40, N 4. – P. 753–758.

традициях Чикагской школы и начавших свою карьеру в 1930-е годы, большую роль играла пространственная диссеминация идей, методов и принципов чикагцев. Этому способствовали каналы научной коммуникации, в частности, в рамках Американской ассоциации политической науки, где программа Чикагской школы имела как сторонников, так и решительных противников. Не менее значимым был и фактор грантовой поддержки исследований, поскольку Мерриам обладал серьезным влиянием в разнообразных благотворительных фондах, прежде всего в структурах клана Рокфеллеров. Согласно язвительному замечанию Джаспер Шэннон, профессора политологии из университета Небраски, успешная попытка Мерриама «поженить Маммону и науку трансформировалась в научный Таммани-Холл¹. Щедрость корпоративного мира распределялась среди нуждающихся помощников профессоров, которые поднимались по академической лестнице в погоне за успехом по принципу “публикуйся или умри”. Учеников Мерриама часто вознаграждали в манере, вполне понятной мэру Дейли²»³. Не стоит также забывать и об устойчивых связях ключевых фигур Чикагской школы с официальным Вашингтоном, причем как с республиканцами, так и с демократами. Но действительно устойчивый эффект диссеминации был достигнут за счет возврата к

---

¹ Таммани-холл – штаб-квартира Демократической партии в г. Нью-Йорк – в середине XIX в. стала настоящим символом политической коррупции. Поистине легендарным было влияние на политическую жизнь Нью-Йорка партийного босса демократов Уильяма Твида (1823–1878), вокруг которого сформировалась мощная система клиентелизма, взяточничества и даже организованной преступности – «шайка Твида». Добившись в годы Гражданской войны практически неограниченного контроля над Таммани-холлом, Твид за счет манипуляций с подрядями, многократного завышения сметной стоимости объектов строительства, финансируемых городом и штатом Нью-Йорк, прямого казнокрадства, сколотил огромное состояние, а общий объем аккумулированных «шайкой Твида» средств превышал размер внешнего долга США к исходу Гражданской войны. В результате разоблачения со стороны одного из немногих неконтролируемых им изданий Твид был арестован в 1873 г., но бежал из-под ареста и сумел добраться до Испании. Однако испанское правительство выдало беглеца американским властям. Вплоть до своей смерти от пневмонии он содержался в нью-йоркской тюрьме Ладлоу, на подрядях на строительство которой он ранее неплохо нажился.

² Ричард Дж. Дейли (1902–1978) – мэр Чикаго с 1955 г. до момента смерти, один из самых влиятельных и противоречивых американских политиков 1950–1970-х годов. Его называли «последним из боссов большого города».

³ Shannon J. ‘Charles E. Merriam and the Study of Politics’. By Barry D. Karl. Book Review // The Journal of Politics. – 1976. – Vol. 38, N 1. – P. 189.

правилу недопущения «академического инбридинга». В «эпоху Мерриама» в департаменте политической науки было проведено 80 защит докторских диссертаций (в предшествующие 30 лет – только 13)¹, после которых молодые ученые разъезжались по всей стране в качестве преподавателей и исследователей. Стандартное начало карьеры многих выдающихся американских политологов было таким: подготовка диссертации под руководством одного из мэтров Чикагской школы, непродолжительный период работы в департаменте (обычно в качестве ассистента), публикация в издательстве Чикагского университета первой монографии (чаще всего – доработанного текста докторской диссертации) и переезд в один из других престижных университетов с занятием должности, обещающей успешный карьерный рост. На новом месте начинающий ученый реализовывал те подходы и установки, которые были нормой в Чикаго. И даже когда этот исследователь далеко уходил от тематики, с которой он работал в «городе ветров», он все равно вольно или невольно вносил вклад в «узнаваемость» Чикагской школы. Достаточно отметить, что в период с 1954 по 1974 г. шесть из 20 ежегодно избираемых президентов Американской ассоциации политической науки были выпускниками Чикагской школы². В результате в момент упадка Чикаго I ключевые идеи, исследовательские темы и методология адептов школы были подхвачены и получили дальнейшее развитие в других университетах и исследовательских центрах.

* * *

Представленные в этом сборнике переводы текстов основателя и ведущих адептов Чикагской школы политической науки 1920–1940-х годов дают множество оснований и «зацепок» для дальнейших исследований, теоретической и методологической рефлексии. И один из «вечных вопросов» – это научный характер политического знания. Лассуэлл уже на склоне лет писал, что вклад Мерриама в науку «может быть классифицирован как научный только в самом эластичном смысле этого слова. Мерриам не питал на этот счет никаких иллюзий. Он также не верил, что мето-

---

¹ Almond G.A. Who Lost the Chicago School of Political Science? // *Perspectives on Politics*. – 2004. – Vol. 2, N. 1. – P. 91.

² Almond G.A. *Op. cit.*

ды поиска или решения проблем, доступные профессиональному исследователю того, что обычно именуют “правительством”, “правом” и “политикой”, являются научными¹. Проблема, впрочем, значительно шире и не сводится к оценке научной релевантности вклада Мерриама. Он и вслед за ним другие ведущие деятели Чикагской школы предлагали вполне прагматическое решение, позволяющее обосновать политическую науку в качестве автономной сферы знания, «поскольку и политика представляет собой нечто особое – автономную область совместной жизни людей, которая, с одной стороны, обладает собственной природой, а с другой – испытывает влияния психологических, социальных, экономических и прочих факторов»². За скобками в данном случае остается вопрос об изменяющейся природе политической жизни. Как представляется, заново оценить аналитический потенциал и объяснительные возможности наследия классиков Чикагской политологической школы сможет современный читатель, исходя из актуальных представлений о политике и политическом.

И в заключение – слова благодарности человеку, чей кропотливый труд переводчика сделал возможным появление этой книги. Усилиями Владимира Геннадьевича Николаева российский читатель получил возможность прочитать на родном языке сотни страниц работ классиков чикагской социологической школы. Теперь благодаря ему то же происходит и с трудами чикагских политологов. О том, насколько это сложная, требующая глубокого погружения в текст и историческую эпоху работа, свидетельствует и его предисловие «От переводчика», предваряющее лассуэлловскую «Политику». Хотелось бы пожелать Владимиру Геннадьевичу новых творческих достижений и успехов как исследователю и переводчику трудов, оставивших заметный след в истории социального знания.

---

¹ Lasswell H.D. Charles E. Merriam and the Study of Politics by Barry D. Karl. Book Review // Political Science Quarterly. – 1975. – Vol. 90, N 2. – P. 333.

² Филиппов А.Ф. О политической науке и политической философии // Политика. – 2021. – Т. 100, № 1. – С. 205.

**ЧАРЛЬЗ ЭДВАРД МЕРРИАМ
(1874–1953)**

Ч.Э. Мерриам

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИКИ¹

Первоначальный план этой статьи включал общий обзор и критику ведущих тенденций в изучении политики за последние тридцать-сорок лет. Предполагалось сравнить методы и результаты разных типов политической мысли: рассмотреть в обзоре поочередно историческую школу, юридическую школу, исследователей в области сравнительного изучения форм правления, собственно философов, подход экономиста, вклады, внесенные географом и этнологом, работу статистиков и, наконец, обратиться к психологическим, социологическим и биологическим толкованиям политического процесса.

Это было бы интересное и, наверное, полезное дело – сравнить предмет и метод таких мыслителей, как Еллинек, Гирке, Дюги, Дайси и Паунд, философии Сореля и Дьюи, Ритчи и Расселла, Ницше и Толстого, окинуть взглядом методы Дюркгейма и Зиммеля, Уорда, Гиддингса и Смолла, Кули и Росса и обсудить новшества, находимые в работах Уолласа и Коула.

Возможно, было бы полезно расширить анализ, включив в него важные особенности среды, в которой расцвели эти идеи, и многочисленные тесные связи и переклички между ними. Можно было бы также обсудить влияние социального и промышленного развития, классовых движений и классовой борьбы или, в более широком смысле, групповых конфликтов, рассмотреть влияние урбанизма и индустриализма, капитализма, социализма и синдикализма, милитаризма, пацифизма, феминизма, национализма.

---

¹ Источник: Merriam C.E. The present state of the study of politics // The American political science review. – 1921. – Vol. 15. – N 2. – P. 173–185. Перевод данной статьи был впервые опубликован под ред. Л.А. Галкиной в журнале: Политика. – 2021. – № 1 (100). – С. 183–192. Здесь он публикуется в новой редакции.

Возможно, было бы полезно добавить сюда еще критику описанных методов и результатов и конкретно оценить значимость логических, психологических, социологических, правовых, философских и исторических методологий и их вклады в изучение политического.

Эта задача, однако, была отброшена и оставлена для следующего раза, поскольку стало очевидно, что никакой подобный обзор не удалось бы сжать до разумных объемов. Мне подумалось, что для нашей общей цели лучше бы подошел другой тип анализа, нацеленный на реконструкцию методов политического исследования и получение более масштабных результатов как в теоретической, так и в практической области.

Сравнительно недавно теория политики вошла в соприкосновение с силами, которые со временем должны весьма ощутимо модифицировать ее процедуру. Сложившаяся не так давно доктрина, считающая политические идеи и системы – наряду с другими социальными идеями и системами – побочными продуктами среды, независимо от того, утверждается ли она в виде экономического детерминизма или определяющего влияния социальной среды, бросает вызов всем системам мышления. Пренебречь ею можно лишь ценой утраты наукой ее *locus standi*¹. Системы могут оправдывать себя как рупоры своего времени, но как быть с незыблемостью опорных принципов, провозглашаемых обычно в авторитарном и догматическом духе?

Мерила фактов и сил в наши дни сделались опять же гораздо тоньше и точнее, чем когда-либо в истории человечества. Процесс измерения, сравнения и стандартизации идет своим путем, подгоняемый руками тысяч терпеливых исследователей, стремящихся пробиться к истине в извилистых лабиринтах измеряемых и сопоставимых фактов. Насколько эта возросшая точность измерения и легкость сравнения стандартизированных наблюдений проникли в область политического?

Далее, на границах политики в наши дни появилось много родственных дисциплин. Статистика и психология, биология, география, этнология и социология – все развились и продолжают производить груды фактического материала, интерпретаций и озарений, корреляций и выводов, часто прямо или косвенно влияющих на понимание политического процесса. Мы вправе спросить: в какой степени политика воспользовалась исследованиями и ре-

---

¹ Точки опоры (лат.). – Прим. пер.

зультатами этих новых компаньонов в великом поиске понимания явлений человеческой жизни?

Некоторые предложения касательно способов и средств, позволяющих повысить качество и полезность технических и профессиональных исследований политики, стоит коротко обсудить. Есть вопрос о механизме сбора и классификации политического материала. Политика во многих отношениях отстала в гонке за современную экипировку, обеспечивающую быстрый, всеобъемлющий и систематический сбор и анализ интересующих ее фактов. Сбор некоторых ограниченных классов правовых данных был в интересах дела систематизирован, и результаты его своевременно поступают в распоряжение каждого исследователя права. Из деловых же соображений собираются ныне в больших объемах для нужд бизнесменов некоторые типы промышленных данных. Какую-то часть аналогичной работы выполняют различные правительственные бюро. Оснащенность же политической науки в основном остается прискорбно ущербной. Даже у самого оснащенного исследователя в самом оснащенном учебном заведении мы вряд ли найдем техническую экипировку, сопоставимую с той, какую мы находим у лучшего юриста в его офисе, у лучшего инженера, у эксперта крупной корпорации, у секретаря торговой палаты или в исследовательском отделе «Объединенных портных». По правде говоря, часто у него вообще нет лабораторного оборудования, и он, что в наши дни крупных организаций весьма курьезно, трудится один, голыми руками, даже обсуждая эту характерную черту нашей цивилизации. В этом отношении политические и социальные науки в общем и целом остались позади так называемых «естественных» наук – ныне часто отбрасывающих прилагательное «естественные»; те куда лучше оснащены как персоналом, так и оборудованием для своих исследований.

Если взять больший масштаб, по сравнению с индивидуальным, то мы видим отсутствие своевременно пополняемых и адекватных собраний целых классов законов, указов и правил. Процесс комплектации восхитительной коллекции, хранящейся в библиотеке штата Нью-Йорк, прервался, и этот пробел так и не заполнен. То же самое можно сказать о муниципальных постановлениях, собраниях административных предписаний и, за исключением отдельных сообщаемых случаев, судебных данных. Что касается международного масштаба, то тут ничего еще даже не начиналось. Не следует ожидать, что политические данные для научных целей будут собираться так же быстро, как отчеты об урожаях или пра-

вовые решения, но нужно ли документировать эти данные так скрупулозно и так редко, как это делается в настоящее время?

Далее, разумно полный и своевременный сбор материала, касающегося практической работы политических институтов, остается по большей части неорганизованным и осуществляется лишь урывками, причем зачастую этим занимаются пропагандистские службы, а не научные организации. Как, скажем, добывается в настоящее время материал, относящийся к работе системы пропорционального представительства или к схеме найма городских управляющих? В основном посредством случайного, спорадического и неудовлетворительного процесса наблюдения и компилирования данных, производимого неадекватно оснащенными индивидуальными работниками. Нет ни средств, ни людей для расширенных обследований многих важных областей, в отношении которых политическая наука должна высказываться с некоторой долей авторитетности.

Только организованными и постоянными усилиями множества ученых эту ущербную ситуацию можно превратить в удовлетворительную. Только при сотрудничестве разных правительственных служб, нескольких учебных заведений и, возможно, частных исследовательских фондов труженики политической науки смогут обрести под ногами твердую почву, рассчитывая на необходимые данные и помощь в решении своих специальных задач. Пока этого нет, мы еле ковыляем там, где могли бы бегать.

Нет ничего невозможного в том, чтобы политическое благоразумие было организовано эффективнее, чем сегодня. Под политическим благоразумием имеются в виду выводы из опыта и рефлексии в отношении проблем государства. Этим конституируется корпус знания, который, даже в отсутствие доказуемой технической точности, является ценнейшим активом человечества. Мы, конечно, вовсе не имеем в виду, что все это благоразумие, Боже упаси, создают профессиональные исследователи политики; однако инициатива по научному сбору и анализу указанного материала может быть справедливо названа одной из наших задач. Она определенно не подпадает ни под какую другую область. Представляется желательным, чтобы вся масса информации, анализа, предварительных и догматических выводов, которую аккумулируют профессиональные исследователи политики, стала известна полнее, чем в настоящее время. Все другие группы, профессиональные и прочие, – а в последнее поколение появилось много новых – выражают свои взгляды на все вопросы, находящиеся в ведении

государства. Отчего ж этого не делает исследователь политики, обычно куда более непредвзятый в своей точке зрения, более всесторонний в своих исследованиях и беспристрастный в своих выводах?

Каковы суждения мировых исследователей политики в таких вопросах, как пропорциональное представительство, Лига Наций (в конкретном смысле или вообще), свобода слова в условиях XX века, общественная собственность на коммунальную инфраструктуру, хотя бы навскидку? Во многих случаях советы профессиональных исследователей политики, или политического благоразумия, будут расходиться, особенно когда поднимаются классовые, расовые или националистические вопросы, но во многих других случаях они будут совпадать. Даже их расхождения во мнении будут, предположительно, основываться на по крайней мере внешне научных основаниях и помогать повороту общественного мнения к тщательно исследуемым фактам и кропотливо выстроенному рассуждению, а не к тем групповым интересам, которые неуклюже прячутся под плохо подогнанными одеяниями. Но если профессиональные исследователи политики не могут собраться и обсудить даже самые основы политического благоразумия из страха перед яростным несогласием, то не должно ли уже само это обстоятельство вызывать горькие размышления об их фундаментальных предубеждениях и навести на мысль о необходимости перестройки и реорганизации их методов? Не указывает ли это на слабое место в их процедуре и не приведет ли со временем к ее укреплению?

Желать, чтобы профессиональные исследователи политики по каждому поводу и в связи с каждым сиюминутным вопросом оглашали со всей окончательностью свои теории и выводы, определенно не следует. Однако в вопросах серьезных и долгосрочных, когда были проведены исчерпывающие исследования и здраво рассмотрены все грани проблемы, профессиональное мнение специалистов представляет определенную ценность. Более того, если ученые оснащены всеми ресурсами для исчерпывающих исследований за счет создания тематических экспертных комиссий, такие документированные изыскания и основанные на них взвешенные выводы могли бы оказаться очень полезными. Практический опыт и наблюдение не ведут к выводу, что избиратели, парламентские органы и административные службы ждут, затаив дыхание, заявлений политико-научных ассоциаций; но, с другой стороны, тот же опыт и то же наблюдение наводят на мысль, что во многих случаях они приветствовали бы тот род информации, анализа и предва-

рительных выводов политического благоразумия, который способен предложить серьезные профессиональные организации этого типа.

Чем шире основа такой профессиональной организации, тем она будет эффективнее. Организация в масштабе многих городов лучше, чем в рамках одного; в масштабе множества штатов – лучше, чем в рамках одного штата; в масштабе множества наций – лучше, чем в рамках одной нации. Ведь в более широком объединении есть возможность преодоления влияния локальных, классовых и расовых пропаганд, исторически игравших огромную роль в формировании политической теории.

Наконец, методы политики, как и социальной науки вообще, постоянно нуждаются в тщательном критическом разборе и пересмотре, дабы не попасть в категорию, не являющуюся ни научным знанием, ни практической политикой. О том, в какой степени политическая теория была в услужении у класса, расы и группы, нам восхитительно поведал профессор Даннинг. А вот что говорится об этом у автора, писавшего гораздо раньше:

«В судах нет грязных, низких тяжб, в которых
Нельзя бы было голосом приятным
Прикрыть дурную видимость. В религии –
Нет ереси, чтоб чей-то ум серьезный
Не принял, текстами не подтвердил,
Прикрыв нелепость пышным украшением»¹.

Но старые времена, похоже, уходят. Средний человек обладает теперь лакмусовой бумажкой для тех авторитарных доктрин, которые в иные эпохи ему не позволено было обсуждать или, что вероятнее, не приходило в голову обсуждать. Он начинает понимать, что в пылу расовой, религиозной или классовой борьбы политическая теория легко становится пешкой или фишкой в игре за продвижение военных, денежных или иных групповых преимуществ. Так уж получилось, что мы живем во времена, когда больше, чем когда-либо прежде, систематически используются социальные ухищрения и контроль, но это еще и времена, когда больше, чем когда-либо прежде, оспариваются власть и авторитет. В эпоху, когда политическое регулирование стало наиболее всеобъемлющим, политическое обязательство наименее прочно укоренено.

---

¹ У. Шекспир. Венецианский купец. Акт III. Сцена 2. Приводится в переводе Т. Щепкиной-Куперник. – *Прим. пер.*

Ценнейший материал приносят социология и социальная психология. География, этнология и биология дают нам факты и выводы, незаменимые для правильного понимания политического процесса, что делает знание этого процесса менее зависимым от авторитарной пропаганды и приближает его к области научной технологии.

Статистика повышает дальность и широту обзора наблюдателя, давая ему мириады глаз и возможность изучения ареалов, до сих пор лишь смутно описанных и картографированных. О статистике можно сказать, что она некоторым образом социализирует наблюдение. Она вводит в распоряжение исследователя значительную часть аппарата, столь же важного и полезного для него, если правильно им воспользоваться, как и телескоп, микроскоп и спектроскоп в других областях человеческих изысканий. В том, что политика в полной мере воспользовалась этим новым инструментарием, можно, однако, усомниться.

В более узком смысле, есть стандартные области, где политическая статистика почти полностью отсутствует. Яркими примерами у нас в стране служат судебная и уголовная статистика. Мало что сделано и в сфере оперативной статистики, замеряющей службы по стандартизированным основаниям. Законной функцией политического ученого является содействие развитию систем статистического учета и запрашивание дополнительной информации, которую можно добыть только таким путем. В более широком смысле, мы так и не освоили возможности статистических наблюдений и не приспособили их к росту исследований политики.

Статистика, как и логика, разумеется, может доказать все что угодно. Тем не менее постоянное обращение к статистической основе аргументации оказывает сдерживающее влияние на литературные и логические излишества и, несомненно, ведет к научной трактовке и доказуемым выводам. Практика измерения, сравнения, стандартизации материала – при всех случающихся в ней переборах – вносит в дискуссию отрезвляющий эффект. Правда, глядя вперед, мы не ищем науку о политике, равно как экономику или социологию, которая основывалась бы всецело и исключительно на статистических методах и выводах. Мы знаем, что статистика не содержит всех элементов, необходимых для поддержки научной жизни. Но разве не разумно ожидать в будущем гораздо большего применения этого откалиброванного инструмента социального наблюдения, чем в настоящем? Разве не разумно ожидать, что статистика

принесет нам более ясное знание политических и социальных структур и процессов, чем то, которым мы располагаем сегодня?

Современная психология также дает материалы и методы, необычайно ценные для политической науки, и обещает еще большее. Государственные деятели и политики всегда были стихийными психологами, и политический ученый и экономист часто пытались применить ту психологию, которую им предоставляла их эпоха. «Естественный» человек школы *Naturrecht* и классической политической экономии описывался в свете той информации, которая предлагалась тогдашней психологией. Но Торндайк и другие могут поведать нам о *genus homo*, несомненно, больше, чем дано было знать Томасу Гоббсу и Адаму Смиту. Даже психологи, если верить утверждениям некоторых из них, не всегда были в своем методе строго психологичны. Область, в которой физиолог, бихевиорист, невролог, психоаналитик, биолог и психобиолог все еще заняты разработкой метода, пока еще не добралась до конституционного порядка и правительства. Но в этих новых исследованиях, вероятно, сложатся методы, с помощью которых многие человеческие реакции, до сих пор оцениваемые лишь на глазок, можно будет наблюдать, измерять и сравнивать гораздо точнее.

Скорее всего, они помогут в разработке методов и средств, благодаря которым будут открыты новые связи, изобретены новые способы адаптации и существенно модифицированы процессы социального и политического контроля. Ими уже предлагаются методы, с помощью которых можно проводить гораздо более точное измерение человеческой личности и обеспечить гораздо более глубокое постижение социального процесса. Эта работа, вероятно, будет дополнена исследованиями групповой психологии; и где-то по ходу дела может развиваться изучение политической личности и политического процесса, а также тех аспектов и влияний политической психологии, которые давно существовали в виде имен и практических фактов, но никогда еще не облекались в систематическую форму. Похоже, мы стоим на пороге точного измерения трудноуловимых элементов человеческой природы, до сих пор ускользавших от понимания и контроля посредством научных методов. В некоторых областях, таких как образование и медицина, уже проложены тропы в глубины того, что всегда значилось на картах как Великая Неизвестность. Разумеется, психология, как и статистика, не берется установить стандарты социальной науки, но это инструмент, или метод, который может существенно помочь исследователям в этих областях.

Нет ничего невозможного в том, чтобы, вдобавок к обширному наблюдению нестандартизируемых сил и тенденций, играющих важную роль в политическом благоразумии, мы располагали еще и более основательным изучением измеримых и сравнимых политических реакций, их силы и ограничений, заключенных в них возможностей адаптации и конструктивной организации. Это усиленное исследование может помочь в решении проблем (1) предварительного политического просвещения, (2) общественного просвещения в более широком смысле слова, (3) местной политической координации и организации и (4) научной технологии. Статистическое использование психологического материала открывает перед исследователем политики широкие доселе неизведанные области и позволяет проникнуть в источники политического действия, наблюдение которых до сих пор было далеко от совершенства.

Иногда изучение политики шло в ногу с текущей наукой своей эпохи, как, например, во времена Аристотеля, но иногда вновь впадало в схоластику и легализм самого ограниченного сорта. Такие авторы, как Вольф и Томазий, Суарес и Пуфендорф, Вулси и Сиджвик, оставили нам великие памятники трудолюбия и эрудиции. Как и многие другие, они сыграли огромную роль в общем процессе рационализации своего времени, но оказались бесплодны в производстве живых теорий и принципов политического действия. В наши дни перекрестное опыление политики с так называемой наукой, или, точнее, современными методами изыскания и исследования, не может не пойти ей на пользу.

Разве не можем мы, например, изучая международное право, выйти за рамки договоров и конвенций в сферу более глубокого исследования – не только того, что обычно называют социальными и политическими силами, но и различий среды, языка и культуры, – а также начать систематическое исследование расовых и групповых лояльностей и отвращений, их генезиса, силы, способов адаптации и организации? С точки зрения инстинкта чужой – это враг. Но что может современная политическая наука сказать о природе этого инстинкта, о возможностях его привития, воспитания и реорганизации? Что мировые исследователи в области политической науки и родственных ей наук могут сказать об этой проблеме, решение которой имеет самое прямое значение для мировой организации и мира во всем мире?

Мы изучали городскую проблему в терминах «хорошего» и «плохого» управления, всевластия боссов и реформы, бесчислен-

ных механизмов и тонко продуманных ухищрений, но разве не можем мы погрузиться глубже, в самые основания города, и исследовать точнее и основательнее социальный и политический процесс, неотрывной частью которого является политическое? Действительно ли силы, производящие плохое муниципальное управление, в сущности своей непокорны и неодолимо неуправляемы, или мы просто не до конца понимаем политические реакции в данной среде, и как нам лучше всего их просветить и конструктивно адаптировать к новым образам жизни, складывающимся при формах кооперативного начинания, известного как демократия?

При изучении государственного управления разве нельзя добавить к изучению правил, законов и форм процедуры и контроля чуть более глубокое проникновение в подспудные факторы, затрагивающие и обуславливающие личный состав, организацию и действия больших групп людей? И разве не будут нам полезны при проведении таких исследований методы статистики и психологии?

Короче говоря, не можем ли мы интенсифицировать свои исследования политического человека, политической личности, ее генезиса, среды, реакций и способов адаптации и обучения, а также групп, в которых она входит, и сложно устроенного политического процесса настолько, чтобы предпосылки политической науки обрели гораздо более прочную фактическую основу, а практическое благоразумие вошло в гораздо более надежный деятельный контакт с проблемами государства?

Нам могут напомнить о странной антропологии в политической мысли Бодена и Монтескье, о причудливо сработанной «политической психологии» Блунчли, в которой 16 отобранных частей человеческого тела сопоставлялись с таким же числом органов тела политического, о полной амбиций, но бесплодной социальной физике Конта или о целом сонме организмических теорий, которые всеобъемлющим образом каталогизировал д-р Кокер, – и все это, чтобы указать на опасность выхода за пределы строго авторитетной, целенаправленной и благоразумной политики. Но ведь одновременно можно указать и на множество проницательных исследований социальной и политической организации. Можно обратить внимание на удивительные практические успехи, достигнутые криминологией и педологией, а также на ежедневные практические применения информации и методов, почерпнутых из новейших дисциплин, в сфере социальных и промышленных отношений.

Должны ли мы заключить, что можно интерпретировать, объяснять и до известной степени контролировать так называемые естественные силы, находящиеся вне человека, но невозможно сделать то же самое с силами человеческой природы? Или мы преувеличили в научном плане «природу» и принизили в этом отношении «человека»? Есть ли какая-то фундаментальная граница между культурным, гуманитарным, ученостью, с одной стороны, и научным (в кавычках) – с другой, так что их методы должны были бы быть в корне различными? Пожалуй, что так.

Прошло около тридцати лет с тех пор, как великий натуралист Леконт заметил, что сначала приходит искусство, а потом наука; далее наука как дочь помогает своей матери. До сих пор, говорил он, «социальное искусство продвигалось вперед в слепых блужданиях, нащупывая свой путь в темноте, выявляя свои ошибки, оправляясь от своих падений». Но дальше так быть не может. Он продолжает: «Наука должна быть введена в политику только как предлагающее, советующее, модифицирующее, но все же не направляющее и не контролирующее начало». Наука «должна быть строго подчинена мудрому эмпиризму. Она должна нашептывать предложения, а не оглашать команды»¹.

Для наших целей не нужно прорисовывать будущее социальной или политической науки, да это и невозможно. Достаточно сказать, что мы можем несомненно и ощутимо повысить полноту и точность наших наблюдений политических явлений и что процессы социального и политического контроля, возможно, станут гораздо более восприимчивыми к человеческой адаптации и реорганизации, чем сегодня.

Однако здесь, как и везде, нам открывается насущная практическая потребность в лучшей организации наших профессиональных исследований. И в национальном, и в международном масштабе можно было бы куда теснее координировать разрозненные усилия зачастую обособленных наблюдателей и работников. Политические исследования нашей и других наций плохо организованы, особенно в той отрасли знания, которая занята организацией и управлением как одной из главных своих тем. В итоге, хотя имеющиеся силы невелики, возникает удвоение усилий. Остаются огромные пробелы, где не проводится никаких исследований, да и

---

¹ Цит. по: Brooklyn Ethical Association. Man and the State, Studies in Applied Sociology : Popular Lectures and Discussions Before the Brooklyn Ethical Association. – New York. : D. Appleton and Company, 1892. – P. 351–353.

вообще отсутствуют организованные попытки сокрушить бастионы политического невежества и предрассудков. Нам недостает всесторонних и перспективных планов, следуя которым, мы могли бы постепенно и ощутимо продвигаться по крайней мере в некоторых направлениях. Поскольку смертность в кругу исследователей политики ввиду пагубного воздействия университетского управления и университетской политики высока, то тем более резонно рачительно распоряжаться нашими ресурсами и использовать их с наибольшей эффективностью. А коль скоро с финансовым обеспечением политических исследований дело обстоит туго, так как им приходится конкурировать с другими предметами, меньше (или по видимости меньше) затрагивающими нервы социального и политического порядка, то тем больше оснований открыто огласить определенные планы и последовательно добывать средства на их осуществление при общественной или частной поддержке.

Эти предложения и вносятся в заключение.

1. Более адекватное оснащение для сбора и анализа политического материала.

2. Более адекватная организация политического благоразумия нашей профессии.

3. Более широкое применение инструментов социального наблюдения, заключенных в статистике, а также аналитической техники и результатов психологии; более внимательное отношение и более тесные связи с такими дисциплинами, как география, этнология, биология, социология и социальная психология.

4. Более адекватная организация наших специальных исследований и их координация с другими, тесно связанными с ними областями познания.

Здесь совершенно уместно могли бы потребовать перечня деталей, но эта статья – всего лишь своего рода декларация, и конкретные утверждения – следующий шаг в этом деле. Все сказанное будет совершенно пустым, если не понять это прежде всего как вынесение на передний план настоятельной необходимости организации и координации усилий как в общем методе, так и в конкретной деятельности наших профессиональных обществ.

Наука – это великое кооперативное предприятие, в котором должны сообща трудиться много умов. Всегда должен быть широкий простор для спонтанной и нерегламентированной деятельности индивида, но успех всей экспедиции зависит от некоторого общего плана организации. Меньше всего в социальной науке допустима анархия, или хаос в теории политического порядка.

Ч.Э. Мерриам

УРБАНИЗМ¹

Доклад, прочитанный на торжественных мероприятиях в честь десятилетия открытия Корпуса социально-научных исследований (Чикагский университет, 1–2 декабря 1939 г.)

Урбанизм работает со срезом общества, западный урбанизм – со срезом западной цивилизации. Основываясь на физическом факторе агломерации в ограниченном ареале и социальных преимуществах коммунальной жизни, городское сообщество тут и там и из раза в раз должно справляться с усложнениями, проистекающими из гетерогенности населения, из новых профессиональных группировок, из технологических усовершенствований в инженерии, коммуникации, организации и промышленности, а также из аккомодации образов жизни, часто очень различающихся по культурному происхождению и способности к адаптации и слаживанию и заключающих в себе необычайно различающиеся ценности и техники.

Многообразие городских типов и темпы городских изменений, с одной стороны, приводят в замешательство, в отличие от примитивного и более стабильного общества; с другой стороны, городское общество открывает беспрецедентные возможности для наблюдения социального и политического процесса в действии со множества разных точек зрения и для прозрений и выводов относительно социального поведения.

В рамках работы Комиссии по исследованию локального общества мы с 1923 г. предпринимали самого разного рода исследования. Я не буду использовать нынешний повод для попытки

---

¹ Источник: Merriam C.E. Urbanism // American journal of sociology. – 1940. – Vol. 45, N 5. – P. 720–730.

оценить их методы и результаты, а ограничусь – что, вероятно, лучше подойдет и вам – освещением некоторых особенностей этого ландшафта. Мы создали богатые собрания базовых данных, карт, переписных участков, подлежащих дальнейшему описанию. Мы организовали изучение истории Чикаго, стремясь заложить основы в разработке метода и сориентировать изыскания в области, которой долго пренебрегали. Это исследование, развернутое под умелым руководством д-ра Пирса, еще не завершено, но, по всей видимости, даст нам интересный и оригинальный подход к процессам истории в городских ареалах.

Мы затаеяли широкий круг исследований в области городской экологии, начавшихся с Золотого Берега и гетто и добравшихся через серию детальных изысканий до затейливых паттернов нравов в городской среде. В последнее время мы начали работать над применением антропологических методов в современных сообществах; этим руководили проф. Уорнер, пришедший к нам из Гарварда, и декан Редфилд. Мы провели сложные вспомогательные исследования городского населения, тенденций городского роста и характеристик города. Мы занимались важными сторонами организации и управления общественным благосостоянием и таящихся здесь проблем. Мы предприняли анализ и измерение разных граней политического поведения. Мы проанализировали организацию и процедуру в специфической форме муниципальной пропаганды. Особое внимание мы уделяли организации и взаимосвязям муниципальных функций – здравоохранения, водоснабжения, образования, правосудия, досуга и отдыха, налогообложения, отчетности – в обширном метропольном ареале Чикаго.

По разным причинам в нашем совместном предприятии по изучению сообщества локальная экономическая история, локальные тренды, процессы и техники не исследовались так же тщательно, как прочее, хотя Маршалл, Херр и Палий внесли значимую лепту в исследование финансовой истории, Миллис – в исследование труда, а Лиланд – в изучение налогообложения.

Ограниченность времени, очевидно, не позволяет мне, хотя гостеприимство хозяев этого и не запрещало, дать сколько-нибудь детальный анализ наших методов или полученных результатов, практических и специальных. Сейчас мы готовим итоговые тома с анализом и интерпретацией различных наших исследований. Там будет и регистрационный журнал, возможно, для кого-то полезный. Из него можно будет узнать, что мы выяснили и как (с нашими признаниями в грехах и слабостях, соперничающими с призна-

ниями Руссо), увидеть сферы нашего дремучего невежества, достижения наших учеников, узнать, в чем, на наш взгляд, мы разобрались и какое это может иметь общее значение.

Наше исследование местного сообщества оказалось меж тем не просто *terminus ad quem*, но и отправной точкой для дальнейших усилий. Завязалась серия связей, прежде всего с исследовательским комитетом Международной ассоциации городских менеджеров, представители которого прибыли сюда, чтобы быть ближе к центру исследований. За ними подтянулась процессия из 17 других ассоциаций руководящих работников, присоединившихся ныне к Информационному центру по вопросам государственного управления и объединенных в Службе государственного управления. Из этого выросла структура, располагающаяся ныне на Восточной 60-й улице и известная как «1313». В 1932 г. мы запустили специальную программу администрирования и исследований, и это начинание тоже увенчалось успехом, превратившись в Президентский комитет по административному управлению.

Наша Комиссия по исследованию локального сообщества вовлеклась в некоторой степени в работу комитета по урбанизму Национального совета по ресурсам, проводившего длительное и всестороннее исследование роли городов в американской экономике. При сотрудничестве множества важных групп из Гарварда, Мичигана и других мест это начинание в 1938 г. было завершено. Это было не наше исследование, но в нем не обошлось без нас – Вирта, Лепавски, Браунлоу и Мерриам.

В 1930 г. Комиссия по исследованию локального сообщества была расширена, вобрав социальную науку в самом широком смысле слова. Я не буду углубляться в эту внегородскую тему, скажу только мимоходом, что мы прозондировали широкий спектр подходов, от Платона и его предтеч до Парето и его досужих почитателей. Мы анализировали и синтезировали, собирали и разбирали, складывали, вычитали и умножали, координировали, коррелировали и высчитывали коэффициенты; ошарашенные факты были побеждены и обращены в бегство.

К счастью, мы смогли найти дом в этом здании, десятилетие которого дало нам повод собраться здесь сегодня. И вновь мы были втянуты в задачу сделать обзор новейших социальных тенденций (1929–1933). Эта работа поглотила огромную часть времени и внимания профессоров Огборна и Мерриам и потребовала вкладов от многих наших местных коллег. Это было, конечно, предприятие национального масштаба, заключавшее в себе сотрудни-

чество исследователей со всех концов страны. Мы не были им, но были внутри него. Из этого начинания возник Национальный совет по планированию ресурсов, и наши Улиссовы путешествия и возможности начались снова.

Глядя сегодня на будущее исследований урбанизма, могу сказать, что я вижу следующие типы проблем и подходов в городской сфере. Я подробнее остановлюсь на некоторых проблемах организации, обычно называемых политическими, но на самом деле доходящих до самых основ человеческой ассоциации. Ни на один из поставленных здесь вопросов нельзя ответить исходя из одних только политических данных.

Что могут сказать исследования по поводу следующего?

1. *Место концентрации и рассредоточения населения в современных обществах.* – В чем состоят технические и материальные преимущества и недостатки проживания в высококонцентрированных или более рассеянных сообществах; и какие более неуловимые ценности связаны с каждым из этих образов жизни?

Насколько и какими способами в современных условиях возможно объединить эти преимущества в новых формах ассоциации? Современные перевозки людей и благ и передача энергии, современные коммуникации, современная вентиляция воздуха, современный рост предприятий – все имеет значение.

Можно обнаружить, что «городское» и «сельское» не укладываются в паттерн, выраженный во взаимоисключающей форме «или / или». Нет нужды решать, какой образ жизни выше – городской или сельский; нужно развивать более ясное понимание скрытых здесь проблем. Нет у нас сегодня и задачи сказать, следует ли отдавать предпочтение крупным городам или бороться за города меньшего размера; скорее следует показать, как разные множества ареалов можно привести в как можно лучшие отношения, исходя из целей, которые нам желанны.

Если уровень жизненных условий и база массовой покупательной способности растут при поддержке современной технологии и современной способности к организации, то многое из того, что долгое время считалось исключительным преимуществом горожан или сельских жителей, становится все более доступно всем.

Развитие скоростного транспорта и быстрых коммуникаций разрушило обособленность и уединенность многих сельских сообществ, в то время как, с другой стороны, рост городского планирования и зонирования и развитие современной санитарии позволили в наши дни избавиться от тех городских ареалов скупенности,

которые обычно называют трущобами. Но к этому дело не сводится; преимущества как сельской, так и городской жизни теперь, в современных условиях, могут свободнее совмещать многие, переезжая из одного ареала в другой. При лучшей организации и более решительном движении в эту сторону взаимобмен сельско-городскими возможностями сегодня можно было бы значительно расширить. Для немногих избранных эти двойные выгоды – давно общее место. Для многих они только начинаются. Городские исследования могут и не показать весь путь, но по крайней мере часть пути показать могут.

2. Переориентация муниципальной организации. –

а) Одна из старейших проблем в этом узле – проблема связи между городом и штатом. Она остается нерешенной, отчасти в силу медленного развития эффективных органов управления штатов, отчасти ввиду локальных антагонизмов с сельской местностью, отчасти из-за городской инертности и дефицита морального долга.

Сегодня, когда некоторые города расползлись на территории более чем одного штата, становится все более затруднительно определить подходящий ареал для локальной автономии. Но для национального государства, особенно демократии, в высшей степени важно, чтобы была защищена и обеспечена необходимая роль местного самоуправления в вопросах, имеющих подлинно локальный характер. И это не проблема одних только Соединенных Штатов. Это общая проблема современного политического государства. Какие паттерны здесь может породить изобретение, основанное на исследовании?

б) Еще одна проблема – проблема взаимосвязи нескольких сообществ внутри городского ареала, и это тоже общая проблема современных наций. Что здесь происходит, так это отток населения, доходящий до того, что вне городских стен скапливается больше граждан, чем внутри, с последствиями, ставящими порою в тупик. Примирение различных желаемых ценностей в технических изобретениях формы и функции составляет одну из важнейших областей конструктивного исследования.

в) Связи между городом и национальным государством повсеместно дают своими требованиями, особенно при относительном ослаблении провинциальной, ведомственной или иной опосредующей организации, связывающей город с национальным государством. В свете новейших тенденций мы не можем предвидеть возрождение стародавних городов-государств, но можем резонно рассчитывать на новые типы пониманий и практик в отно-

шениях между городом и нацией. В нашей особой системе взаимоотношения между городом, округом, штатом и нацией образуют запутанный комплекс, вызывающий к мастерству изобретателей в разработке путей и средств упрощения или, по крайней мере, понимания.

э) Шире по географической протяженности, но, пожалуй, медленнее во времени развиваются средства взаимообмена городским опытом, техниками и идеалами через международную связь городов. Международный союз местных властей уже прошел какой-то путь в этом направлении, но еще далек от достижения цели. В здании «1313» мы только что приветствовали наших панамериканских коллег из городов со всей Америки.

Я часто замечал, что города, в отличие от наций, не раздражают друг друга, и часто городские проблемы можно спокойно обсуждать, в то время как национальные вопросы неизбежно вызывают у участников конференций эмоции и гнев. Города не в такой степени стремятся показывать свои флаги и свои зубы.

Международный союз местных властей собирает для обсуждения важных проблем урбанизма представителей значительной части мирового населения и мирового богатства. В Лиге наций какой-то делегат высказался однажды против официального признания Международного союза местных властей на том основании, что тот в один прекрасный день может превзойти в могуществе Лигу.

д) Один из самых значимых факторов городской жизни – взаимосвязи различных форм управления, общественных по характеру и в то же время частных по своему масштабу и методу. Я часто хотел изучить управление университетами – но не Чикагским, конечно, – так как они иллюстрируют многие из паттернов, описанных в моей книге «Новая демократия и новый деспотизм». Управление промышленностью, управление трудом, управление церквями иллюстрируют многие из ситуаций, имеющих близкие аналоги в государственном управлении и тесно переплетенных с политическими процессами и проблемами. Прошлое, настоящее и будущее городского сообщества невозможно понять иначе, кроме как в свете этих причудливых взаимосвязей между конкурирующими формами социального контроля. Необходимо изучить согласие во всех этих разнообразных социальных группированиях, если мы хотим постичь факты и принципы ассоциации в городском сообществе. Текущие ограничения не позволяют мне подробнее остановиться на этих темах.

3. *Переосмысление городского планирования.* – Прежнее городское планирование было по большей части планированием физических расположений. Новое планирование будет включать, наряду с физическими размещениями, широкий спектр социальных и культурных приспособлений. Город, конечно, ограничен своими локальными полномочиями, но никто не запрещает ему взять на себя инициативу в исследованиях более широкого поля проблем, оказывающих на город жизненно важное воздействие, как, например, в случае жизненного уровня и трудовых стандартов. Сельское планирование в последние годы намного опередило городское, и сельские планировщики вплотную приблизились к окраинам городских сообществ, резонно ожидая, что на полпути их встретят горожане.

Новый тип городского планирования, в отличие от прежнего, не будет игнорировать такие области, как обеспечение устойчивого промышленного развития, муниципальное правосудие в разных его аспектах, муниципальное жилье, муниципальные трудовые и жизненные условия, здоровье граждан, полноценные образовательные возможности, ответственность за то, как разворачивается жизнь пылкой молодежи на городских улицах, и досуговые возможности в новых условиях сокращенного рабочего времени. Некогда внушавшая тревогу праздность безработных становится теперь свободным временем всего сообщества, и возможны планы, нацеленные на полноценное его использование для реализации жизненных возможностей.

Новые формы городского планирования, укорененные в реалиях современной социальной и экономической жизни, вполне осуществимы – и, более того, неизбежны. Комиссия по планированию Нью-Йорка, похоже, уже в пути. Но путь этот долгий, и для него должна быть проложена дорога пытливыми и настойчивыми исследованиями и изобретениями. Учебники по новому городскому планированию так же необходимы, как необходимо было в Чикаго раннее руководство Вакера по физическому планированию. Новое городское планирование будет для городских исследований и изобретений проверкой на прочность.

4. *Реорганизация городских интеркоммуникаций.* – Здесь я имею в виду не только реорганизацию городского физического транспорта, как бы ни была она желательна и важна, но и переориентацию коммуникации идей, техник, идеалов, имеющую основополагающее значение для городского ареала. Если иметь в виду последнее, то нам открывается несколько важных возможностей.

Разумеется, на очень тесную координацию образовательных учреждений вряд ли стоит надеяться. Возможно что-то вроде Нью-Йоркского или Чикагского университетов, где все институты высшего образования были бы собраны, по крайней мере, достаточно близко, чтобы иметь шапочное знакомство друг с другом. Можно сотрудничать без консолидации, но нельзя без ассоциации. Однако этого я даже не предлагаю.

а) Какой-нибудь город между тем мог бы учредить городской совет по исследованиям, где можно было бы собрать исследователей сообщества из институтов высшего образования, из разных правительств – местного, штата, национального, – из разных отраслей или откуда-нибудь еще с целью взаимообмена опытом, техниками, результатами исследований, программами и проектами, нацеленными на расширение знания.

Задачей такого совета в целом было бы создание максимально благоприятных условий для творческих исследований в регионе. Этот совет инвентаризировал и одобрял бы исследовательские проекты, академические, правительственные, промышленные и т.д., реализуемые в соответствующем регионе, предлагал бы пути и средства для более тесного сотрудничества между исследовательскими группами и отдельными исследователями, предлагал и продвигал бы совершенствование материальной инфраструктуры творческих исследований в регионе, управлял бы вверенными ему исследовательскими фондами, готовил и публиковал бы ежегодный отчет, суммирующий ход исследовательской работы в регионе и разъясняющий значимость этих научных достижений для его жителей, сотрудничал бы с исследовательскими советами других регионов.

Я вовсе не забыл о впечатляющих достижениях национальных советов в Бостоне, Нью-Йорке, Филадельфии; но сейчас я говорю о местных советах, или академиях. Подобный совет мог бы знакомить сообщество с методами, целями, результатами исследований, и прежде всего – с тем духом, которым они наполнены. Исследовательские ресурсы любой сельской местности, любого города относятся к числу величайших их ресурсов.

Нашим городам известны оценки собственности в долларовых знаках и суммы денег на счетах, но не интеллектуальные ресурсы, от которых зависит ценность золота. Базовая валюта не вовлечена в полное обращение. Чикаго горел, но восстал из пепла; это здание могло бы обрушиться, но если те, кто его занимает, спаслись бы, оно бы выросло снова. И, разумеется, механизм ис-

следовательского совета мало бы значил, если бы не был символом идеи и выражением воли.

б) Выглядит уместным и удобным организовать центр взаимодействия муниципальными исследованиями в Вашингтоне или где-нибудь еще. Глядя на Вашингтон, фермер легко может выяснить, что известно о его проблеме. Горожанин в этом отношении оснащен куда хуже. Но результаты городских исследований можно без больших затрат сделать доступными миллионам горожан для ознакомления и получения подобной ориентации. Пользуясь поддержкой частного сектора, мы все еще тщетно ищем институт урбанизма, сопоставимый с имеющимся в Париже.

5. *Муниципальные финансы.* – Среди множества функциональных проблем, в которых остро необходимо разобраться, сошлюсь только на одну, имеющую колоссальное значение для будущего городских сообществ. Это общественные бюджеты городов. Городские общественные финансы – новая и огромная по масштабам проблема. В годы последней депрессии городские ареалы, приносившие миллионы в национальную казну, были вынуждены ходить с протянутой рукой и клянчить финансовую поддержку. Ненормально в этой ситуации то, что правительства 48 штатов, определяющие локальные системы налогообложения, с точки зрения общей суммы расходов вдвое уступают тем местным правительствам, которые они должны контролировать. Одни только крупнейшие наши города – Нью-Йорк, Чикаго, Бостон и Детройт – имеют бюджеты, превосходящие бюджеты содержащих их штатов. Проблема муниципальных финансов еще более усложняется расширением федерального и штатского налогообложения в пользу новых служб. Мы сталкиваемся с реорганизацией муниципальных финансов, которые сами являются неотъемлемой частью финансов штатов и национальных финансов.

Беспрецедентный рост городов сопровождался неконтролируемым разукрупнением, спекулятивными практиками и самыми фантастическими бумами в сфере недвижимости; последние означали впечатляющие прибыли для немногих, но трагические личные потери для прочих и обременительные делинквентные свойства для сообщества – и все это в масштабах, влияющих на экономическое положение всей нации. Историю недавней индустриальной депрессии не написать без отчета о роли необоснованного финансирования и спекуляций в сфере недвижимости, становившихся временами просто игрой в рулетку. Теперь мы сталкиваемся с проблемой выработки рациональной городской земельной по-

литики, которая, давая адекватную возможность благоразумного и прибыльного землепользования частным собственникам и девелоперам, будет в то же время пресекать формы спекуляции, показавшие свою пагубность для инвестирующей и платящей налоги обществу.

Перейду к заключению. Я знаю, что есть те, для кого урбанизм – это мерзость, продолжающиеся Содом и Гоморра. Я знаю, что литература кишит проклятиями, обрушиваемыми на уродство и греховность крупных центров населения, и что есть люди, которые, возможно, разнесли бы и разрушили их все до основания, не оставив камня на камне. Их единственным городским изысканием было бы нахождение подходящего круга ада для города. Я не могу разделить их эмоциональные всплески. Я читал о Вавилонской башне и о Содоме и Гоморре; но я читал еще и Откровение. И мой ум не согласен с их рассуждениями и их выводами.

Мне кажется, что недостатки наших городов состоят не в разложении и грядущем упадке, а в избыточной витальности, прорывающейся наружу под колоссальным давлением; тут скорее наводнение, чем засуха. Город – это и великая игровая площадка, и великое поле битвы, одновременно бурлящий центр лихорадочных любителей развлечений и пыльная, тлеющая, порой накаляющаяся докрасна арена промышленного конфликта. Именно города должны создавать двусмысленные и подвижные границы между досугом и пороком не только для своих граждан, но и для некоторых своих визитеров. Именно города должны очерчивать трагические пограничные линии порядка и справедливости в суровой индустриальной борьбе.

Если активы урбано-индустриальной цивилизации не всегда так хорошо видны, как ее пассивы, то это не значит, что нет существенных выгод в высокоспециализированных деятельности городов, в преимуществах ассоциации, в широкой экспансии производительных сил, в росте центров науки, медицины, образования, изобретений, религии, в высоких уровнях художественных и культурных достижений.

Глядя на американские города, равно как и на сельские ареалы, никто уж точно не скажет: «Воистину, заря занимается». Но есть много признаков в небе, которые, вполне возможно, предсказывают день надежды, когда наши расплзающиеся города смогут найти лучшие формы общинной структуры, более мудрые планы и программы действий и более высокие уровни материального и духовного процветания. Муниципальная история прошлого

поколения, исчерченная тут и там шрамами и ужасающая, все же не лишена своих триумфов в человеческих достижениях. В городе есть свои формы величия, своя масштабность и грандиозность, свои святилища и храмы науки и искусства, свои образы жизни, многие из которых бесценны для личности и для общества. Есть демократия в рассеянных немногих, но есть демократия и в плотной толпе с ее жизненными импульсами и настойчивым требованием справедливого участия в достижениях нашей цивилизации. Есть плодородие и созидание в богатых почвах обширной сельской местности, но есть свои плодотворность и креативность и в тех формах промышленности, искусства и личности, что, рождаясь из самих городских улиц, возносятся к небу.

Развитие городских сообществ, от которых зависят образы жизни миллионов людей, обусловлено внимательным и упорным исследованием основополагающих сил, открытием городских поведенческих паттернов и способов их обусловливания, а также распространением исследовательских результатов по всему сообществу как основы для осмысления и действия.

Городская ассоциация, насколько бы сложной и тонкой она ни была, основывается на интеллекте, подкрепленном анализом, технологией, наукой, изобретениями, на проверенном знании, которое несет с собой социальную мудрость. И, прежде всего, должны быть городские ценности, заставляющие людей, как встарь, восклицать: «Я гражданин небезызвестного города!»*

Будучи, наверное, самым сложным из явлений ассоциации, современный город не скован своим прошлым, не поработен железными традициями и давними пережитками, но свободно смотрит в будущее, самое лучшее и богатое из всех желаемых. То, что кажется слабостью городов – а именно их дезинтегрированность, – может быть открытой дорогой к более легкой реконструкции, если наш социальный интеллект сможет обрамить и оформить наши ресурсы в созидательные паттерны.

---

* См.: Деян. 21: 39. – *Прим. пер.*

**ГАРОЛЬД ДУАЙТ ЛАССУЭЛЛ
(1902–1978)**

Г.Д. Лассуэлл

ПОЛИТИКА: КТО ДОСТИГАЕТ ЧЕГО, КОГДА И КАК?¹

От переводчика

Перевод «Политики» Гарольда Лассуэлла требует небольшого комментария.

Как и у других социальных ученых-прагматистов, у Лассуэлла нет сложного, строгого, систематически организованного понятийного аппарата. Большинство используемых специальных терминов используются как гибкие рабочие инструменты. Это касается в том числе специальных терминологий из тех областей знания, которые затрагиваются в его мультидисциплинарном политическом анализе (экономики, социальной политики, психологии и психоанализа и т.д.). С передачей этой терминологии на русский язык нет проблем, за исключением отдельных случаев, когда Лассуэлл использует термины из других областей не вполне стандартно, когда в русском языке закрепились вариативность в передаче того или иного термина или когда для каких-то англоязычных терминов нет точного соответствия в русском языке. При переводе этой терминологии основными ориентирами были точность и узнаваемость, но, с учетом места и функции этих терминологических средств в лассуэлловском анализе, придавалось значение и конкретным контекстам их применения для лучшей и более адекватной передачи смысла. Насколько это удалось, судить не мне.

Вместе с тем у Лассуэлла присутствует и небольшой набор понятий, которые (при всей их гибкости) придают каркас его работе, организуют ее, снабжают ее опорными (или рамочными) клас-

---

¹ Источник: Lasswell H.D. Politics: Who Gets What, When, How. – New York : Whittlesey House, 1936.

сификациями. Кроме понятия *influence* («влияние»), это прежде всего два понятийных ряда, и оба требуют пояснений.

Первый ряд – это понятия *income*, *safety* и *deference*.

(1) С понятием *income* просто, оно передается как «доход».

(2) Так же просто с понятием *safety*, оно передается как «безопасность». Но здесь нужна оговорка: так же, как «безопасность», передается во многих случаях и другое слово, *security*, но кое-где, в зависимости от контекста, оно передается как «надежность».

(3) С термином *deference* сложнее. В большинстве случаев, особенно там, где он выполняет прежде всего классификационную функцию, наиболее адекватным и точно соответствующим по смыслу сочтено слово «авторитет», и оно же используется. Однако в отдельных случаях контексты употребления не позволяли воспользоваться этим словом, и для передачи использовались такие слова, как «почитание» и «авторитетность». Важно отметить, что для перевода этого термина никогда не использовалось слово «уважение».

(a) *Deference* у Лассуэлла подразделяется на *power* и *respect*. Термин *power* везде единообразно передается словом «власть». Для перевода *respect* используется слово «уважение», оно строго закреплено за этим термином.

(б) Слово *authority* нигде в переводе не передается словом «авторитет». Для его передачи в единственном и множественном числе используются, в зависимости от контекста, слова «власть», «власти», «властные лица».

Второй понятийный ряд – *skill*, *class*, *personality*, *attitude*.

Если с последними тремя терминами нет никаких проблем (они передаются, соответственно, как «класс», «личность» и «установка»), то с первым проблема есть. Термин *skill* не имеет точного эквивалента в русском языке, и его невозможно передать в переводе единообразно. Для его передачи, в зависимости от конкретных контекстов, использовались три слова – «умения», «навыки», «мастерство»; при чтении перевода «Политики» это важно иметь в виду. В исключительных случаях использовалось еще и четвертое слово – «квалификация». Дело не только в том, что в отдельных случаях оно больше подходило, чем первые три, но и в том, что у Лассуэлла есть составные термины – *skill forms*, *skill groups*, – для адекватной передачи которых требовалось прилагательное от слова *skill*, но от слов «мастерство», «умение» и «навык» в русском языке прилагательные не образуются, их нет. Для слова «квалификация» прилагательное есть – «квалификационный». Соответственно, термин *skill groups* передает-

ся в переводе – по аналогии с «классовыми группами» (*class groups*) – как «квалификационные группы».

Эти переводческие решения (лучших найти не удалось) важно иметь в виду при пользовании представленным здесь переводом книги.

*В.Г. Николаев*¹

ПРЕДИСЛОВИЕ

Истолкование политики, содержащееся в этой книге, лежит в основе рабочей установки практикующих политиков. Одно из умений политика – просчитывать вероятные изменения во влиянии и влиятельных.

В этой версии политики для исследователей социального развития нет ничего нового. Тем не менее ей постоянно угрожает возможность пропасть из виду. Даже сейчас на английском языке нет краткой и емкой книжки, где эта точка зрения была бы изложена для исследователя, учителя, ученого, гражданина и политика и увязана с текущими временами.

Из отсутствия своевременных напоминаний об этой основополагающей точке зрения вытекает ряд практических и теоретических следствий. То, что практикующие политики, погрязнув в непосредственной данности, теряют видение отдаленного, вполне ожидаемо. То, что исследователи-систематики, избавленные от давления сиюминутной и всепоглощающей необходимости, часто наращивают педантизм в познании тривиального, тоже несколько не удивляет.

Когда влияние ищется новыми средствами или при изменившихся условиях, понятия для изучения влияния надо менять или изобретать заново. В эпохи быстрого развития значимость интеллектуальных усилий нуждается в переоценке. В необходимости ориентации в наши дни убежден едва ли не каждый. Новое увлечение общества планированием может (как утверждает Карл Маннгейм) требовать новых стилей мышления.

Мир вне Советского Союза наполнен критическим недовольством. По хорошо уложенным дорогам интеллектуальных достиже-

---

¹ **Николаев Владимир Геннадьевич** – кандидат социологических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

ний путешествуют неохотно – не из протеста против инженерии, а из скептического отношения к отправной точке и пункту назначения. Литература по сравнительному изучению государства, права и управления во многом посвящена таксономии институциональной практики и мало что говорит о живых формах, которым это идет на пользу или во вред. Резкий свет политического анализа гаснет в литературных выражениях политической созерцательности.

Британские, австрийские и американские экономисты не защищены от этой интеллектуальной погоды. Классическую экономическую науку, если верить Рикардо, интересовало распределение богатства, одного из основных средств влияния. Состояния распределения богатства в условиях свободной конкуренции описывались со всей тщательностью. Распределение же его при других условиях оставалось на обочине классического анализа. Современные события жестко напомнили нам о том, что распределение зависит не только от торга, но и от мифа и насилия (веры и разбоя).

В этой книге сверх изложения и иллюстрации вышеупомянутой точки зрения мало что сделано. Связь того, что здесь написано, с тем, что написано в других местах, проясняют в какой-то мере библиографические примечания к отдельным главам, помещенные в конце книги. Специалисты непременно отличат оригинальный материал от большого количества вторичного. Те, кто примет предложенную здесь схему соотнесения, обретут общие стандарты для направления будущих интеллектуальных усилий.

Из различных аспектов представленного здесь анализа вытекает много практических следствий. Мои открытия во многом перекликаются с заключительными главами книги «Перспективы американской политики», которую опубликовал мой друг, коллега и представитель, профессор и сенатор штата¹ Т.В. Смит. Это в высшей степени радует меня и как друга, и как коллегу, и как избирателя.

Цитата из «Опыта автобиографии», опубликованного в издательстве The Macmillan Company, приводится с любезного разрешения Г.Дж. Уэллса. Выдержки из трилогии Юджина О'Нила «Траур – участь Электры» – воспроизводятся с любезного разрешения издательства Random House.

Г.Д. Л.
Чикаго, Иллинойс
Июнь 1936 г.

---

¹ Речь идет о штате Иллинойс. – *Прим. ред.*

ЧАСТЬ I. ЭЛИТА

Глава 1

ЭЛИТА

Изучение политики – это изучение влияния и влиятельных. Наука о политике устанавливает условия; философия политики обосновывает предпочтения. Эта книга ограничивается политическим анализом и не провозглашает никаких предпочтений. В ней устанавливаются условия.

Влиятельными являются те, кто получает больше всего того, что можно получить. Наличные ценности можно классифицировать, выделив среди них *авторитет* (deference), *доход* и *безопасность*. Те, кто получают максимум всего, являются *элитой*; остальные – *масса*.

Распределение авторитета сравнительно ясно в формальной иерархии. В пирамиде Римской католической церкви вершину занимает сравнительно небольшое число чиновников. Это единственный папа, 55 кардиналов, 22 апостольских делегата, 256 апостольских викариев, 245 архиепископов и 1578 епископов. Коммунистическая партия в Советском Союзе увенчивается острой вершиной в виде Политбюро, состоящего из девяти или 10 членов. Более рыхлая структура правительства в Соединенных Штатах наделяет тем не менее особым влиянием Верховный суд, состоящий из девяти человек, президента, единственного числом, и Конгресс, насчитывающий несколько сотен членов. Хотя о любом ярком и словоохотливом парне в Соединенных Штатах могут твердить, что он в один прекрасный день может стать президентом, только восемь таких в последнем поколении это сделали. Могущественный американский Сенат, хотя сравнительно велик, мог обеспечить место только 480 сенаторам в каждом поколении, при условии, что никто из них не будет переизбран. В пирамидах авторитета склоны, по форме и фактически, отвесны.

Распределение безопасности обычно не столь несправедливо, как распределение авторитета, и часто может проявлять негативную связь с ним. Так, одно из исследований показало, что из 423 монархов разных стран и времен 31,9% умерли насильственной смертью. 40% президентов Республики Боливия пришли к на-

насилию. Такие цифры можно правильно оценить, напомнив, что насильственные смерти (включая самоубийства) в Соединенных Штатах составляли в 1921 г. 7,2% от общего числа смертей; при этом насильственной смертью умерли 12,1% президентов Соединенных Штатов и Франции и 9% католических пап. Относительная безопасность популяций в целом меняется от эпохи к эпохе. Из каждой тысячи французов, умерших в XVII в., пятеро были убиты или ранены в бою. В XVIII в. это число выросло до 12, в XIX в. – до 13 и в XX в. – до 14.

В странах западноевропейской цивилизации богатство и доход распределяются неравномерно. В 1928 г. – а это был год высокой деловой и спекулятивной активности – национальный доход Соединенных Штатов составлял 541 долл. на душу населения, что было в 2,5 раза выше, чем во Франции или Германии (доллар взят в покупательной способности 1913 г.). В 1913 г., накануне Мировой войны, эта цифра в Соединенных Штатах составляла 368 долл. на душу населения. В промежуточный период США продемонстрировали наибольший абсолютный рост дохода среди основных держав, а наиболее впечатляющий относительный прогресс был достигнут Японией, где доход на душу населения вырос с 22 долл. в 1913 до 53 в 1925 г. Соединенное Королевство, следовавшее за США в абсолютном росте дохода, показало 250 долл. на душу населения в 1911 и 293 долл. в 1928 г. В России доход на душу населения вырос с 52 долл. в 1914 до 96 в 1928 г., что было больше относительного прироста во Франции и Германии. В Италии эта цифра упала со 106 долл. в 1914 до 96 в 1928 г.

Существуют резкие различия в распределении дохода в данных сообществах. В 1918–1926 гг. 10% населения Соединенных Штатов получали треть национального денежного дохода.

Только что выделенные ценности авторитета, безопасности и дохода – ценности не единственные, но представительные. Политический анализ мог бы использовать и другие комбинации; тогда итоговые сравнения элит были бы другими. Открытия политического анализа различаются также тогда, когда для акцентирования отбираются разные характеристики влиятельных. Одна из форм анализа рассматривает разделение ценностей в соответствии с *умениями и мастерством*.

Боевое мастерство – явно один из самых прямых путей, приводящих на вершину, и неважно, ведутся ли сражения во имя бога, нации или класса. Мустафа Кемаль-паша сражался в Турецко-итальянской войне в 1911 г. и командовал северной частью турец-

ких войск на Галлипольском полуострове в 1915 г. и в других сражениях. Муссолини и Гитлер получили свое боевое крещение в Мировой войне. Несколько человек, стоящих у руля в Советском Союзе, добились своего положения в основном с помощью насилия, скорее нелегального, чем легального. Иосиф Сталин был впервые арестован в 1901 г., после чего ушел в подполье, работал в революционном движении и постоянно подвергался риску. Юзеф Пилсудский, бывший диктатор Польши, сосланный в 1888 г. в Сибирь за связь с польским национальным движением, в 1892 г. вступил в Социалистическую партию и создавал тайные боевые группы.

Герман Геринг был последним командиром эскадры *Freiheit von Richthofen*, прославившейся в последние годы Мировой войны. Рудольф Гесс, секретарь Национал-социалистической партии и ближайший соратник Гитлера, в прошлом был членом 35-й истребительной эскадры. Д-р Роберт Лей, руководитель национал-социалистических профсоюзов, был военным летчиком, как и Грегор Штрассер, вплоть до прихода нацистов к власти тесно связанный с Гитлером. Такую же активную роль в партийной политике часто принимали военно-морские офицеры и отчасти офицеры-подводники.

Относительно гражданских постов, теснейшим образом связанных с насилием, можно вспомнить закрепленное за родом Рузвельтов право на пост заместителя военно-морского министра. Этот пост занимал какое-то время Теодор Рузвельт. Позже на этом посту служил с 1913 по 1920 г. Франклин Д. Рузвельт; он также отвечал за инспекцию военно-морских сил Соединенных Штатов в европейских водах в июле – сентябре 1918 г.

Мастерство в политической организации традиционно представлено в американском кабинете фигурой министра почт. Организаторское мастерство было незаменимым при устранении Троцкого секретарем Коммунистической партии Сталиным. В фигуре Гитлера мы находим примечательное сочетание ораторского и организационного мастерства, у Муссолини – ораторского, журналистского и организационного мастерства, у Масарика – ораторского дара, журналистского мастерства, учености и организаторских умений. Стоит отметить, что Политбюро Коммунистической партии постепенно изменило свою композицию, возвысив организационное мастерство в сопоставлении с ораторским, журналистским и научным.

Умение работать с людьми посредством значимых символов включает в себя использование таких опосредований (*media*), как

устное выступление, полемическая статья, новостной сюжет, правовое заключение, теологическое рассуждение, роман со смыслом и философская система. Возможности жить за счет манипулирования символами для людей стремительно росли вместе с усложнением нашей материальной среды вследствие экспансии технологии. Например, с 1870 г. число профессиональных авторов в Америке подскочило от незначительной горстки до 12–13 тыс. Там, где было прежде 4 тыс. художников, – теперь 60 тыс., вместо 2 тыс. актеров – 40 тыс., вместо 16 тыс. музыкантов – 165 тыс. Число учителей возросло десятикратно. Там, где в 1870 г. был один журналист, – их теперь 10. Юристов сегодня 300 тыс., и все знают, как много влияния осуществляется юристами в судах, законодательных органах, разного рода комиссиях и советах директоров. Половину президентского кабинета составляют юристы.

Число специалистов по работе с вещами в современную эпоху так же впечатляюще возросло, как и число специалистов, работающих с людьми. В США число технических инженеров (включая электриков) выросло с 7 тыс. в 1870 до более 226 тыс. в 1930 г. (число работающих по найму среди них выросло в целом лишь на 300%). Тем не менее тем, кто специализируется на инженерии, достается меньше авторитета, чем тем, кто специализируется на символах, овладевающих массами.

Дорогой к видному положению, пока в XIX–XX вв. длилась экспансия современной промышленности, было умение торговаться.

Элиты можно сравнивать не только в терминах мастерства, но и в терминах *класса*. Класс – крупная социальная группа, основанная на сходстве функции, статуса и мировоззрения. Основными классовыми образованиями в новейшей мировой политике были аристократия, плутократия, средний класс и работники физического труда.

В 1925 г. земельная аристократия Германии владела большинством крупных поместий, которые занимали 20,2% пахотных земель страны. Ей принадлежало 40% земель к востоку от Эльбы. В общей сложности, эти крупные поместья в Германии составляли лишь 0,4% от совокупного числа земельных владений. В основании пирамиды находились те, кто занимал небольшие владения: на долю 59,4% владений в Германии приходилось всего 6,2% возделываемых земель.

Сосредоточение земельной собственности в руках небольшого круга аристократов особенно примечательно в Чили, где 2,5 тыс. человек владеют, по официальным оценкам, 50 из 57 млн акров земель, находящихся в частном владении. В довоенной

Венгрии владения площадью 1300 акров и больше, составлявшие всего 0,1% от общего числа владений в стране, охватывали 17,5% ее общей территории. В балтийских провинциях бывшей Российской империи владения аристократии были настолько огромными, что такое новое государство, как Эстония, столкнулось на заре своего существования с тем, что 58% всей его территории занимали 1149 крупных поместий. В Латвии, где полстраны было заключено в 1300 помещичьих владениях, земельные реформы создали к 1922 г. 43 тыс. новых крестьянских хозяйств.

По мере прохождения капиталистического общества через разные фазы его развития из торговли, промышленности и финансов вырастали крупные плутократии. Типичным для торгового капиталистического периода было состояние Джона Джейкоба Астора, составившее 20 млн долл. и сколоченное на восточной и меховой торговле, а также на спекуляциях недвижимостью в Нью-Йорке. Позже пришли промышленные состояния. За счет спекуляций на железных дорогах Корнелиус Вандербильт оставил после себя 100 млн долл.; Сайрус Маккормик сколотил состояние на сельскохозяйственной технике, Эндрю Карнеги – на стали, Джон Д. Рокфеллер – на нефти, а Джон Пирпонт Морган – на банковских инвестициях. К 1929 г. в Америке было 504 человека с доходами выше 1 млн долл., а их совокупное богатство составляло 35 млрд долл. Как правило, эти крупные состояния были сильно диверсифицированы и репрезентировали бумажный контроль над отдаленными операциями.

В конце XVIII в. поднимающаяся буржуазия решительно столкнулась с французской аристократией. В других местах новая буржуазия с большей готовностью сливалась с разлагающейся аристократией. Хотя крупнейшим в Германии в 1913 г. было состояние Круппа, составлявшее 70 млн долл. и представлявшее новых промышленных капиталистов, вторым по размеру состоянием владел аристократ, князь Хенкель фон Доннерсмарк. Пятым был Кайзер. Большинство дворянских состояний были диверсифицированы и зависели от типично капиталистических предприятий.

Постепенность угасания аристократии под нажимом новых социальных образований показывает анализ состава британского кабинета министров с начала XIX в. Гарольд Дж. Ласки показал, что в 1801–1831 гг. не менее 52 из 71 министра в ранге члена кабинета были сыновьями дворян. В 1906–1916 гг. сыновья дворян сравнялись в численности с другими социальными классами, давая 25 министров из 51. В 1917–1924 гг. дворянское происхождение имели уже только 14 из 53 министров.

В Японии переход к современному индустриализму и финансам был организован путем раздела новых предприятий между крупными феодальными семьями.

Нижерасположенный средний класс состоит из тех, кто практикует умения, приносящие скромные денежные вознаграждения. Стало быть, этот класс включает мелких фермеров, мелких бизнесменов, низкооплачиваемых профессионалов, квалифицированных рабочих и ремесленников. Работники физического труда – это те, кто приобрел мало умений и мастерства; они суть подлинный пролетариат. Границы между плутократией, мелкой буржуазией и пролетариатом – предмет ожесточенных споров в практической политике и большой неопределенности среди ученых. Социалистические пропагандисты иногда пытались включить в пролетариат квалифицированных рабочих и даже низкооплачиваемых профессионалов. Пропагандисты плутократии пытались затушевать демаркационную линию между большим бизнесом и большими финансами, с одной стороны, и мелким бизнесом и мелкими финансами – с другой, говоря о «бизнесе» как о едином целом.

Артур Н. Холкомб применил термины, определенные Бухариным, к США и получил следующие результаты: отнеся к «пролетариату» 24,8 млн работающих по найму и 14 млн домохозяек, он получил для «пролетариата» цифру, равную 51,7% работающих по найму; 1,6% были «капиталистами», 8% – «землевладельцами», остальные попали в число «промежуточных», «переходных», «смешанных» и «неклассифицированных». У.И. Кинг оценил средний доход человека, работавшего по найму в США в 1924–1927 гг.; по его оценке, он составил 1885 долл. Существенная, хотя и не определенная, доля «пролетариата» получала больше этой средней суммы.

Существует внутренняя психологическая установка, общая для тех, кто приносит жертвы ради приобретения мастерства, и эта связь обычно удерживает идентификацию мелкой буржуазии скорее с плутократией, чем с неквалифицированным пролетариатом. Общая обида на социальный порядок, не гарантирующий высоких вознаграждений за мастерство, побуждает мелкого профессионала, бизнесмена, фермера, квалифицированного рабочего держаться подальше от социальных форм, оберегающих плутократию. Те, кого анализ Холкомба классифицирует как «пролетариат», включают как полуквалифицированных и неквалифицированных работников, так и квалифицированных; следовательно, многие из них принадлежат к мелкой буржуазии, как мы ее здесь понимаем. Данные свидетельствуют о том, что мускулистый работяга в аме-

риканской жизни все больше вытесняется белым воротничком и профессионалом. По имеющимся оценкам, машинная революция в Соединенных Штатах избавила около 25% всего работающего населения от тяжелого физического труда, а трудосберегающие механизмы облегчили физическое бремя тех, кто остался на фермах, шахтах и фабриках. В 1870 г. 52,8% работающих по найму были заняты в сельском хозяйстве. К 1930 г. эта доля упала до 21,3%. Наиболее заметные изменения произошли в торговле и транспорте (рост с 9,1 до 20,7%), конторской службе (с 1,7 до 8,2) и профессиональной службе (с 2,7 до 6,5).

Вдобавок к соотношению с мастерством и классом, распределение ценностей можно рассмотреть в соотношении с *личностью*. Какова относительная успешность всех форм личности, известных клиническим и культурным психологам? Какова изменчивая фортуна мазохистов, садистов, обособленных одиночек, истеричных, одержимых, маньяков? С этой точки зрения ход истории перестает вращаться исключительно вокруг кавалькады классов и навыков; он становится последовательностью личностных форм.

Особый интерес вызывают личностные формы, предрасположенные природой и ранним воспитанием к тому, чтобы находить удовлетворение в исполнении особых ролей на политической сцене. Таким типом является, например, агитатор: от ближних его отличает интенсивность стремления к получению немедленного и возбужденного почитания (*deference*) со стороны современников. Поэтому он эмоционально склонен к культивированию таких навыков массового воздействия, как ораторское искусство и полемическая журналистика. Люди с меньшей потребностью в эмоциональном отклике могут быть менее яркими организаторами. Агитатор попадает в свою стихию во время крайнего обострения кризисов; для организатора благоприятны межкризисные периоды. Когда обостряются кризисы, Асквит уступает место Ллойд Джорджу, фон Гинденбург – Гитлеру. Когда кризисы идут на спад, сцена освобождается для Стэнли Болдуина или Уоррена Гардинга.

В начальных фазах кризиса вперед могут вырываться личности, столь же великодушные, сколь и твердые, и больше тактичные, чем безжалостные. Сгущающиеся тучи надвигающейся войны или революции рождают в массах глубочайшие тревоги. На краю катастрофы потребность в восстановлении уверенности может сыграть на руку мягкому Линкольну, а не пламенному Сьюарду.

Есть формы личности, легко привыкающие к деспотическому насилию. Они часто приучены терроризировать окружающих

самой силой своего упорства. Они успешно устанавливают контроль, экстернализируя свой гнев против всяких ограничений. Таковы люди наполеоновского склада, склонные разрушать себя или других.

В какой бы особой форме это ни выражалось политически, общей чертой политического личностного типа является подчеркнутый спрос на авторитетность. Когда такой мотив соединяется с умением манипулировать и своевременно подвернувшимися обстоятельствами, результатом оказывается эффективный политик. Полностью развившийся политический тип строит свою судьбу в мире публичных объектов от имени общественного блага. Он переносит частные мотивы на публичные объекты во имя коллективной пользы.

Подлинная политическая личность – сложное достижение. Когда дети рождаются, они не оснащены языком соотнесения с окружением, близким или дальним. Их импульсы организуются сначала в отношении ближайшего круга. Символы, отсылающие к миру людских дел, наделяются значением в этой первичной ситуации, и истинный политик учится пользоваться миром публичных объектов как средством снятия напряжений в своей ближайшей среде. Жажда авторитетности, фрустрированная или излишне взлелеянная в ближнем кругу, находит выражение во вторичном окружении. Этот перенос легитимируется от имени благовидных символов. Человек действует не ради самого действия; он полагает, что стремится к славе Божией, святости Дома, независимости Нации, освобождению Класа. В крайнем случае политик не привязан ни к каким конкретным объектам своей среды. Его не интересуют рутины природы, выявляемые в науке, искусстве, технологии; его занимает в объектах только то, что они значат для авторитетности его эго.

Помимо мастерства, классов и личностных групп, можно разобрать распределение ценностей между *установочными группами*. Мир делится между теми, кто пользуется влиянием на основе общих символов лояльности нации, классу, занятию, персоне. Видное положение может достигаться под знаменем воинственных или примирительных методов, под прикрытием требований обширной гаммы политических мер или во имя оптимистических видений будущего. Весьма разные личностные типы могут объединяться в лояльности нации или классу, методу, политике, мировоззрению. Иначе говоря, установочные группы пересекают поперек классификации личностей, даже если так же поперечны

мастерству или классу. В любой данный момент члены квалификационной или классовой группы могут не достигать полного сознания своих квалификаций или классового сознания. Хотя объективный наблюдатель может быть способен разглядеть значение событий для их относительного успеха или неудачи, члены квалификационной или классовой группы могут говорить на языке патриотизма и не иметь общего символа для своего класса и мастерства.

В данный момент, возможно, будет удобно оглянуться и оглядеть поле, которое мы только что очертили. Термин «политика» был использован для обозначения изучения влияния и влиятельных. Ясно, однако, что для измерения влияния и влиятельных не может быть с пользой задействован ни один простой показатель. Одна из сторон влияния – относительная доля в ценностях. Используя разные ценности, можно получить разные результаты. Элита авторитетности – не обязательно элита безопасности. В имеющийся список из трех ценностей (авторитета, безопасности, дохода) можно добавить больше ценностей. Каким бы ни был этот список, вписанные в него элементы можно по-разному комбинировать, получая тем самым разные результаты, соответствующие разным суждениям об *элите вообще*. Определив влияние иначе, чем через относительную долю ценностей, можно получить новые результаты. Можно использовать данный термин для указания на суждение о том, как на ценностях *могли бы* сказываться конфликты между ними. Так, можно было бы оценить финансовых капиталистов как более сильных или более слабых по сравнению с промышленными капиталистами в случае их гипотетического столкновения.

Следовательно, мы не можем ожидать от анализа никакой статической определенности. Это постоянный процесс повторной проверки и пересмотра, привносящий в фокус критического внимания новые аспекты мира. Единой рамкой соотнесения для исследователя, специализирующегося на изучении политики, является богатое и изменчивое значение «влияния и влиятельных», «власти и могущественных».

Наверное, тут читатель остановится и задумается о своем положении в мире с намеченных ранее точек зрения. Каковы мои основные умения? Каков мой класс? Каков мой тип личности? Каковы мои лояльности, предпочтения в отношении коллективной программы действий и установки? Какое место занимают эти умения, классовые и личностные образования в распределении таких ценностей, как авторитет, безопасность и доход, в моей местности, моем

регионе, моем государстве, на моем континенте, в моем мире? Как до сих пор менялось в течение моей жизни мое положение, и какие вероятные изменения еще в нем произойдут до моей кончины?

Разумеется, последний вопрос ставит с предельной остротой ключевую проблему. Одна из задач мышления – помогать человеку в размещении себя как объекта среди объектов в течении времени. Нужно правильно видеть себя в контексте событий, включающих, наравне с прошлым, и будущее. В этом случае целью является ориентация в череде квалификационных, классовых, личностных и установочных форм во времени.

Это *созерцательный* подход к политическим событиям. Но есть еще и *манипулятивный* подход. Он рассматривает события, с тем чтобы открыть способы и средства достижения целей. Такая точка зрения не обязательно требует открытого участия в революционных или контрреволюционных, реформистских или контрреформистских движениях, хотя и приближает установку аналитика к установке агитатора-организатора. Если смотреть на события в этой перспективе, то новое чувство личной вовлеченности может оказать живительное воздействие на мыслителя, когда он возвращается к созерцательной установке.

Как можно атаковать элиты и как можно их защищать? Как достигать специфических целей с помощью символов, насилия, благ, практик? Таковы основные проблемы манипулятивного подхода, как мы здесь его понимаем. Эти вопросы будут затронуты в следующих четырех главах. После этого мы вернемся к созерцательному подходу и истолкуем значение событий с точки зрения мастерства, класса, личности, установки.

Наверное, будет полезно поместить предлагаемое здесь истолкование политики в контекст сложившегося на данный момент специализированного мышления об этом предмете. Только в 1906 г. в Соединенных Штатах набралось достаточно политических ученых, чтобы учредить национальную организацию (хотя Американская экономическая ассоциация была основана еще в 1885 г.). Первые члены этой ассоциации рекрутировались с кафедр или департаментов государственного управления или политической науки, с нескольких департаментов истории и философии и из некоторых школ права. Хотя в распоряжении этих политических ученых были разные специальные умения, их объединял общий интерес к тому, что понималось как институт правительства. В отличие от права и философии, политическая наука была в основном сравнительным изучением правительства, выводящим на

передний план широкие исторические преобразования, приведшие к возникновению современных институтов, особенно в Западной Европе и в англоговорящих странах.

В последние годы академическая политическая наука нарастила свое описательное содержание, сосредоточив внимание на государственном управлении, политических партиях, пропагандистских группах и политических личностях. Политических ученых стали больше интересовать недавнее прошлое и надвигающееся будущее, а не далекое прошлое. Одним из результатов этого сдвига в фокусировке внимания стало использование методов исследования, не входивших в традиционный багаж историков, философов и правоведов.

Изучение недавнего прошлого и надвигающегося будущего привлекло внимание к техникам интервью и полевого наблюдения. Это ввело больше политических ученых в соприкосновение со специалистами, искусными в интервьюировании примитивных людей (культурными антропологами), в добывании личных биографических документов (социальными психологами, социологами), в длительном техничном интервьюировании (клиническими психологами, особенно психоаналитиками) и в контролируемом наблюдении (специалистами в сферах поведенческой психологии, детской психологии, прикладной психологии).

Заинтересовавшись недавним прошлым и надвигающимся будущим, политические ученые стали изучать классы повторяющихся событий (вроде голосования). Это сделало возможным сравнение результатов с помощью количественных процедур и ввело политических ученых в более тесное соприкосновение со статистиками.

Таким образом, политический ученый смог обратиться за помощью в решении своих проблем не к историку, правоведа или философу, а к новым и интенсивно развивающимся квалифицированным группам в академическом разделении труда.

Разумеется, такие изменения в кругозоре должны были с высокой вероятностью вызвать изменения не только в техниках политических ученых, но и в понятиях. Некоторые выразили недовольство отождествлением своей области изучения с «правительством» или «государством». Они обнаружили, что традиционный словарь политической науки нелегко приспособить к выявлению относительных изменений. Прежде различия проводились между «суверенным» и «не суверенным», «государством» и «не государством», «централизованным» и «децентрализованным». Но большинство событий, похоже, попадали где-то между этими словами в духе

«или – или» и требовали языка, приспособленного к проведению различий в виде «больше – меньше». Долгие исследования могли увенчиваться разделением государств мира на «диктатуры» и «не диктатуры», однако эта двухчленная классификация не казалась особенно важной. Отсюда возник растущий интерес к изменчивым степеням «власти», или «влияния», и к использованию предварительных и частичных индикаторов влияния.

То, что политическая наука фокусируется на влиятельных, не означает пренебрежения к распределению ценностей во всем сообществе. Невозможно локализовать немногих, не рассмотрев многих. А акцент на вероятности того, что немногие будут получать больше всех, не означает, что многие не будут получать выгоду от некоторых политических изменений.

Более того, анализ политических результатов в терминах тех или иных ценностей (таких как авторитет, безопасность, доход) не предполагает, что к этим результатам или ценностям осознанно стремятся. Определить влияние самосознательных устремлений – задача исследования. «Классовые последствия» и «квалификационные последствия» могут при каких-то обстоятельствах наступать без малейшей толики «классового сознания» или «сознания мастерства». Реально находимые субъективные установки могут скорее вредить относительному влиянию классовых или квалификационных групп, нежели ему способствовать. Такие установки будут скорее «ложным классовым (или квалификационным) сознанием», чем «истинным классовым (или квалификационным) сознанием».

Итак, политическая наука – это изучение влияния и влиятельных. Влияние определяется на основе долей в ценностях, отобранных для целей анализа. Представительными ценностями служат авторитет, безопасность и доход. Ни один из показателей не является всецело удовлетворительным измерителем влияния сам по себе, но ситуации можно прояснять, применяя по очереди разные мерилы. Какие бы измерения ни применялись, внимание сосредоточивается на тех характеристиках влиятельных, которые могут быть описаны в отобранных терминах, таких как класс, мастерство, личность и установка. На судьбу элиты глубочайшим образом воздействуют способы, которыми она манипулирует своей средой; имеется в виду использование насилия, благ, символов, практик.

Эту книгу мы начнем с рассмотрения методов, *которыми пользуются* влиятельные, а завершим рассмотрением последствий этого *для* влиятельных.

ЧАСТЬ II. МЕТОДЫ

Глава 2 СИМВОЛЫ

Любая элита защищает и утверждает себя от имени символов общей судьбы. Таковыми являются «идеология» установленного порядка, «утопия» контрэлит. Пользуясь санкционированными словами и жестами, элита извлекает из масс кровь, труд, налоги, аплодисменты. Когда политический порядок работает ровно, массы чтут символы; элита же, самодовольная и ничего не боящаяся, страдает от неослабевающего чувства аморальности. «Бог в своих небесах – и в порядке мир!» «В единстве – сила» – и никакой эксплуатации.

Прочно установившаяся идеология увековечивает себя с помощью толики плановой пропаганды со стороны тех, кто больше всего от нее выигрывает. Когда мыслью овладевают способы и средства, помогающие сеять убежденность, убежденность уже ослабла, а базовое мировоззрение общества пришло в упадок, либо новое всепобеждающее мировоззрение еще не овладело автоматическими лояльностями стариков и молодежи. Поистине счастлива нация, которая никогда о себе не задумывалась, или, по крайней мере, те немногие, кому выпадают основные выгоды от всеобщего молчаливого согласия. Системы жизни, награждающие других людей особыми выгодами, не нуждаются ни в интригах, ни в заговорах, когда массами движет вера, а элиты вдохновлены самоуверенностью.

Всякий сложившийся образ жизни формирует человеческое поведение по своим лекалам. Индивидуализм буржуазного общества, как и коммунизм обобщественного государства, должен внушаться с колыбели и до могильной плиты. В Соединенных Штатах – как в одной из буржуазных наций – жизнь, выстраивающаяся на основе личных достижений и личной ответственности, превозносится в песнях и историях начиная с первых проблесков сознания. Копилки исподволь прививают навыки бережливости; торговые сделки на школьном дворе ненавязчиво пропагандируют буржуазную шкалу ценностей. Индивидуальные отметки в школьном журнале вводят в соперничество со своими товарищами.

«Успех или неудача зависят от тебя». «Старайся – и преуспеешь». Последнее означает: «Если стараешься, то придет успех; если успех не приходит, то, значит, ты недостаточно старался».

«Всемогущий доллар»: денег не хватает, и «сейчас неразумно покупать велосипед»; «нужно быть экономными и продержаться еще сезон со старым автомобилем»; «им прямая дорога в богадельню; ты что, не видел, как она одевается!»; «они были достойные люди, а она – стыд и позор для своих родителей»; «они повздорили по поводу завещания»; «она точно вышла за него замуж из-за денег»; «поговаривают, что он отравил ее, чтобы загрести деньжат по страховке»; «отличный был человек, но пристрастился к выпивке и вылетел в трубу»; «это был хороший поставщик, пока не принялся шляться повсюду и тратить деньги на всяких шалавах»; «я слышал, что Гарри неплохо орудует в сфере недвижимости»; «во сколько это тебе обошлось?»; «сколько стоит обучение в этом колледже?»

В фокусе преклонения находятся богатый и преуспевающий дядюшка, богатый и преуспевающий священник, богатый и преуспевающий выпускник университета, богатый и преуспевающий банкир. Их портретами украшают стены; их бюсты выставляют в холлах; их присутствие придает достоинство торжественным мероприятиям. За обеденным столом, в детской комнате, на углу улицы звучат эпитеты, когда какие-нибудь «неудачники» обращаются за благотворительной помощью, прибегают к воровству или еще чему похуже.

Сплетни, беллетристика, кинокартины поддерживают тезис о личной ответственности за неудачу или успех. Он потерпел фиаско, потому что ему не доставало такта, потому что у него запах изо рта, потому что он не завершил заочное обучение, потому что он выбрал неправильный колледж, потому что он забыл прилизать волосы. Она достигла успеха, потому что подобрала правильную губную помаду, изучала дома французский язык с помощью фонографа, ухаживала за кожей, к которой вы любите прикасаться, покупала мягкое и изысканное нижнее белье. Если бы она еще занялась машинописью и стенографией, то вышла бы замуж за босса. Вполне типичны в плане изображения мотивов внезапного успеха следующие кинокартины, которые последовательно видит киноман. В картине «Я не ангел» бывшая танцовщица выходит замуж за человека из высшего общества. В «Утренней славе» мечтавшая о сцене деревенская девушка внезапно получает звездную роль в премьерном спектакле и производит фурор. В фильме «Моя сла-

бость» девушка-служанка, превратившись в леди, завоевывает мужчину из высшего общества. В фильме «Император Джонс» чернокожий носильщик возносится до положения императора, прежде чем потерпеть фиаско. В «Параде в огнях рампы» молодой театральный продюсер добивается успеха за одну ночь напряженной работы.

Социальные и промышленные трудности автоматически сводятся к личностным уравнениям. Если на угольной шахте некой компании *X* что-то идет не так, то это потому, что ее хозяйева где-нибудь в Нью-Йорке не знали об этом. А тем временем проблему могут создать радикальные агитаторы или рэкетеры, подстрегающие людей к тому, чтобы те привлекли их в качестве лидеров забастовки или штрейкбрехеров.

Все внимание, таким образом, поглощается личностными проблемами. Газеты сообщают, что тот-то и тот-то убил ту-то и ту-то, потому что застал ее с другим мужчиной или чтобы она не могла узнать, что он ходит к другой женщине. Газеты сообщают, что тот-то и тот-то выиграл выборы, потому что произнес великолепную речь. Газеты сообщают, что тот-то и тот-то погиб на железной дороге, потому что забыл посмотреть, не приближается ли поезд. Газеты сообщают, что та-то и та-то пострадала, потому что не прочитала инструкции на упаковке. О конкретных инцидентах не пишут как о чем-то, в чем представлен контекст взаимоотношений. Не отчаяние от безработицы, не уязвимость, вызванная урожаем, не падение эффективности управления из-за возросшего бремени запретительного регулирования, а личные мотивы и трудности – вот что является содержимым вторичных средств коммуникации в буржуазном мире.

Когда жизнь от начала до конца пропитана такой идеологией, тезис о коллективной ответственности натывается на стену непонимания. В любом коллективном обществе в этом случае нужно было бы переткать заново всю ткань жизненного опыта. В Советском Союзе, например, были предприняты попытки переделать психологическую среду подрастающего поколения. Это означало создание коллективных домов, где вместо частных единиц были внедрены общественные прачечные и прочие подобные службы. Групповые задачи ставятся на место индивидуальных для того, чтобы в центре внимания удерживались коллективные предприятия, а не целеустремленные личности. В театральных постановках на передний план выносятся само представление, а не звезда, трактуется судьба движений, а не проблемы отдельного человека.

Эмблемы и слова организованного сообщества также являются частью драгоценной пелены раннего опыта. В Соединенных Штатах воспоминания всех переплетены с флагом, развевающимся на ветру в День поминовения, со «Знаменем, усыпанным звездами», гулко распеваемым в унисон по особым праздникам, с клятвой верности флагу, повторяемой перед часами уроков и чтений, с театрализованным представлением об Отцах-основателях, которое репетируется в школе, в церкви, в клубе. В памяти сохраняются тягостное, неловкое молчание при назывании имени родственника, уклоняющегося от воинской службы, рассказы о путешествиях и приключениях на флоте, в армии, в военно-воздушных силах, торжественный реквием по погибшим, марширующие колонны в сером, синем и хаки.

На таких торжественных мероприятиях, как инаугурация президента, объединяющие символы нации снова доходят до порога внимания. Время от времени идентифицирующий термин менялся. До Гражданской войны это был термин «Союз», но после войны кровавые и спорные ассоциации этого слова привели к практически полному его исчезновению из президентской риторики. Термин «Соединенные Штаты» все больше отбрасывался в пользу слов «Америка» и «американский», особенно после Мировой войны. Инаугурационное красноречие неизменно содержало ссылку на Бога, а также обычно такие слова, как «свобода», «независимость», «экономика», «самоуправление». Даже Джордж Вашингтон уже поминал общее прошлое, а после Франклина Пирса должным образом чествовались «наше славное прошлое» и «наши воспоминания». Редко забывались такие выражения, как «наши отцы, наши предки, создатели, отцы-основатели, наши мудрецы, наши герои». «Уверенность в будущем» была опущена только Джеймсом Монро и Гровером Кливлендом. В большинстве обращений негативно говорилось о «партийных пристрастиях». Обычно звучали такие слова самовосхваления, как «ум нашего народа, нашего праведного народа, нашей великой нации».

В изобразительном языке общественности, отраженном в карикатурах, другие нации часто играли жалкую роль, за исключением тех случаев, когда симпатия общественности более или менее эпизодически склонялась в их пользу. Многие годы «мексиканский» стереотип включал куртку болеро, огромное сомбреро, шпоры, револьвер и ружье. Одежда часто была рваной и потрепанной; обувь была залатанной, либо ноги и вовсе были босые. Темные волосы, слегка вздернутые усы, черные глаза, сжатый ку-

лак, дерзкое лицо вызывали скорее досаду, чем ненависть. «Мексиканца» часто изображали маленьким, тщедушным оборванцем, которого надо как следует отшлепать и отправить в кровать. Иногда его рисовали играющим с огнем, показывающим язык Дяде Сэму или застигнутым за подростковой шалостью полисменом, живущим по соседству на севере.

До 1915 г. была некоторая неопределенность со стереотипом «японца». Он фигурировал то как мальчишка, то как коротышка, носящий кимоно. Еще в мае 1915 г. карикатурист Бауэрс рисовал «японца» в кимоно до колен, с большим луком за спиной, с голыми руками и ногами, бритой головой, рядом белых зубов и копьем в руке. Но в 1915 г. наметилась тенденция к тому, чтобы отбросить кимоно и снабдить «япошку» военным снаряжением; сюда обычно входили короткая простая куртка (без украшений), штаны, плотно облегающая военная обувь, шлем, меч и часто револьвер или штык. Бывало, особенно во время Вашингтонской конференции, что «япошку» изображали в обычном деловом костюме; но в 1925 г. ему вернули все боевые регалии.

Предубежденность против правительства ярко отражается в отсутствии карикатурного стереотипа общественности как получателя выгод от общественных расходов. Акцент делается всецело на «Налогоплательщике». Облачаемый часто в темный костюм с белым воротничком, галстук-самовяз, иногда белый жилет, часто в легкие брюки, налогоплательщик – одна из тех патетических душ, которые всегда попадают под раздачу. Экипированный в прошлом соломенной шляпой, котелком или большой ковбойской шляпой, налогоплательщик теперь чаще изображается в мягкой фетровой шляпе того или иного размера; иногда она нахлобучена ему на макушку, иногда свисает на уши. Обувь у него может быть рваной и залатанной, но белый воротничок респектабельности сохраняется. У тщедушного скромного малого редкие волосы, длинный нос, тоненькие усики и очки. Пенсне примерно в 1921 г. было заменено на очки в роговой оправе. В отличие от «Общественности», «Налогоплательщик» всегда оказывается жертвой обстоятельств. Он может быть Исааком, которого собираются принести в жертву, забинтованным калекой, покидающим кабинет доктора Демократа, чтобы получить помощь у доктора Республиканца, гребцом, пытающимся дотянуть до свалки лома пять огромных крейсеров, качелями, на которых качаются правительственные экстравагантные причуды и траты.

Стереотип «Капиталиста», что довольно необычно, оставался многие годы некомплиментарным. Клетчатые штаны с темным пальто и костюм в клеточку в 1910–1911 гг. стали уступать место темному костюму или темному пальто с полосатыми штанами. Долгое время в этот стереотип устойчиво включались белый жилет, воротник крылышками, бабочка (или галстук-самовяз) и изменчивый по размеру и высоте цилиндр. Количество дорогих побрякушек бывает разным. Иногда капиталиста украшают бриллиантовыми серьгами, булавкой на галстук, запонками и перстнями с алмазами, порой даже на большом и указательном пальцах. Примерно в 1912–1913 гг. к его наряду добавились гетры; сияющие лакированные кожаные туфли стали уже к тому времени постоянной принадлежностью. Иногда добавляются большие сигары и длинная трость. У «Капиталиста» толстые шея и брюхо, на голове лысина. Руки иногда избыточны длинные, чтобы подчеркнуть присущие их владельцу привычки хватать и загребать. Этот «Капиталист» почти всегда улыбается или ухмыляется, в ущерб «Труженику» или «Общественности». В 1919–1921 гг., однако, негативным символом временно стал символ «Труда»: его вырядили в шелковые рубашки и наделили наглостью и гонором.

Когда элиты прибегают к пропаганде, возникает тактическая задача отобрать символы и каналы, способные вызвать желаемые согласованные акты. При этом непременно прибегают к повторению или к отвлечению внимания. Меняющиеся эмоциональные требования сообщества, настроения покорности или самоутверждения – все это усложняет задачу управления людьми в массах. После периодов дисциплины, принимаемой ради общего дела, массовая тенденция ведет к индивидуализму и разнообразию; после периодов самоутверждения – к дисциплинированному фундаментализму. Это значит, что когда чтутся нравы, подавляются контрнравы, а когда дают волю контрнравам, подавляются нравы. Заторможенное – это не вымершее; отсюда внезапные перемены направленности, отличающие изменчивые настроения людей.

Будучи успешной, пропаганда умело управляет:

- агрессивностью;
- чувством вины;
- слабостями;
- аффектацией.

Организация сообщества для ведения войны извлекает пользу из концентрированной агрессивности, накапливающейся во время любого кризиса. Когда другая нация преподносится как угроза,

сразу же будятся ответные порывы к тому, чтобы разбить ее; но такие порывы не могут найти прямого выражения. Они частично сдерживаются, частично подавляются, но вносят свою лепту в направленность и настрой ментальной жизни. Энергия фрустрированных импульсов может разряжаться множеством путей, но люди в своей массе склонны пользоваться самыми простыми. Один из простейших способов справиться с внутренним напряжением – проекция. Этот механизм разрешает внутренние эмоциональные трудности за счет трактовки импульса Я как атрибута среды. Вместо того чтобы признать простую интенсивность собственной мстительной деструктивности, человек чувствует, что внешний мир разрушительнее, чем он есть на самом деле. Это «нравственно возвышает» убийственный импульс, приписывая деструктивность другому. Символ «другого» прорабатывается и преобразуется в коварное, вероломное, злокозненное «влияние».

Глубоко сидящие чувства вины тоже могут проецироваться на внешний мир. Враждебные импульсы пробуждают чувства вины, потому что в годы младенчества, детства и отрочества общество учило индивида сдерживать свои гневные чувства. С исходной склонностью удерживать разрушительные тенденции под контролем за счет направления гнева на самого себя можно справиться, отведя обвинение от себя, спроецировав его вовне и направив гнев на «аморальность» врага.

Сильный внутренний гнев будит глубокие страхи смерти и увечий. (Отчасти это тревоги, относящиеся к «страху кастрации», если говорить в психоаналитических терминах.) Такой страх быть безнадежно ослабленным и пережить унижение и собственную неполноценность сейчас или в будущем тоже можно развеять путем проекции. Не мы, но наши враги стоят перед лицом поражения; наша победа несомненна.

По мере нарастания кризиса «нация» постоянно удерживается в фокусе внимания. Воспроизводящиеся заботы повседневной жизни модифицируются новостями и слухами о международных трениях. Все взгляды оказываются прикованными к судьбе национального «мы»-символа в соотнесении с окружающими «они»-символами. Любовь и уважение к символам чужаков отбрасываются и прикрепляются к символам коллективного «мы». Чувство нависшей угрозы повышает потребность в любви; и потому символ нации переопределяется как бесконечно покровительственный и снисходительный, могущественный и мудрый.

Когда военная пропаганда адресуется нейтралам, задача состоит в том, чтобы подтолкнуть влиятельные элементы в нейтральном государстве к идентификации нашего врага как своего врага, нашего дела – как своего дела. Этого можно достичь, предоставив наблюдателям деятельные возможности стать участниками. Так, дело Антанты в Соединенных Штатах выиграло от филантропических порывов к «усыновлению сироты» из разоренных районов «кровоточащей Бельгии». Британская пропаганда в Америке в 1914–1917 гг. была мудра тем, что весьма значительная ее часть осуществлялась тайно или в частном порядке. Она сделала ставку на личный контакт и везде, где только можно, опиралась на американский персонал и материал. Некоторые из германских агентов позволяли себе засветиться; как следствие, они были дискредитированы. В качестве напоминания о древней истории пропаганды отметим, что одна из трагедий Еврипида была, вероятно, пропагандистской драмой, написанной с намерением настроить Аргос против Спарты. Впервые трагедию поставили не в Афинах, а в Аргосе. Пелей, напомним, позволяет себе оскорбительные замечания о лакедемонских женщинах.

Когда перед пропагандой стоит задача работы с союзниками, главными темами становятся наши напряженные усилия в войне и наша сердечная поддержка заветных военных целей наших союзников.

Основная цель пропаганды во вражеских странах состоит в том, чтобы перевести враждебность на другого врага или перенаправить эти враждебные чувства внутрь, раздув тем самым пламя гражданской войны или революции. Связь между колеблющимися уровнями незащищенности и эффективностью пропаганды иллюстрируется историей германского морального духа в годы Мировой войны. После испытания на Марне и затяжной окопной войны кипучая самоуверенность и энтузиазм на фронте и в тылу утихли. Славный поход на Париж не случился. Простые солдаты рвались выбраться из окопов к Рождеству. Однако значимые пропорции волны недовольства обрели лишь тогда, когда население в тылу ощутило дефицит продуктов. В октябре 1915 г. глава пресс-отдела Министерства иностранных дел отмечал, что жалобы, поступающие из дома от жен, влияют на боевой дух на фронте. Летом 1916 г. в письмах домой стало отражаться влияние ужасных потерь, понесенных под Верденом. В отношении войны стало употребляться слово «Schwindel» [«афера»]. Битва на Сомме создала впечатление, что людские и материальные ресурсы союзников не-

исчерпаемы. Появился придирчивый, критический дух, и начала зримо нарастать пропасть между офицерами и солдатами. Лишения «брюквенной зимы» 1916–1917 гг. добавили депрессии дома. Летом 1917 г. много обсуждались цели войны, и крикливые требования крупных аннексий, раздававшиеся со стороны *Vaterlandspartei*, подорвали впечатление, что война ведется сугубо в целях защиты. Солдаты на фронте возмущались высокими зарплатами рабочих на фабриках по производству боеприпасов и высокими прибылями производителей этих боеприпасов.

После трех месяцев непрекращающихся боев во Фландрии ощутимо возросло число потерь пленными. Это красноречивое свидетельство падения боевого духа распространялось быстрыми темпами по мере того, как война двигалась к концу. Проблемы с дисциплиной доходили порой до самого края, когда войска стали перебрасывать с восточного театра военных действий на западное «кладбище». Отчасти вследствие таких свидетельств Верховное командование решило поставить все на великое наступление 1918 г. Но уже в июне в войсках наблюдалось явное разложение. К июлю трудности были чудовищными, что проявлялось в дезертирстве, преступлениях малодушия и открытом неповиновении приказам. Август стал месяцем всеобщей апатии, безнадёги и безразличия. В последние месяцы войны от 3/4 до 1 млн человек успешно уходили от активных боевых действий, а многие из тех, кто оставался на фронте, вовлекались в пассивное сопротивление. Готовых к бою солдат товарищи стали называть «штрейкбрехерами» или «продлевателями войны».

Людендорф впервые заметил эффекты вражеской пропаганды летом 1917 г. В течение 1918 г. опасность вражеской пропаганды выдавали фразы вражеского происхождения, проникавшие в письма домой с фронта и в разговоры, которые офицеры разведки подслушивали в войсковых эшелонах и сообщали высшему командованию. Такие слова, как «прусская военщина», «пангерманский», «кровожадный кайзер» и «юнкер», употреблялись в том смысле, который замыслили пропагандисты союзников. Солдаты освоили слово «Республика», так как французы обещали особый подход ко всем пленным и дезертирам, кричавшим это слово и сдававшимся. После того как некоторые социалистические лидеры оправились от охватившего их в 1914 г. отказа от интернационализма, в тылу ожила радикальная социалистическая пропаганда. В 1918 г. войска, перебрасываемые с восточного театра военных

действий на западный фронт, часто братались с солдатами большевиков и разносили революционную интерпретацию войны.

Пропаганда Антанты толковывала тезис о конечном поражении Германии и провоцировала скорее правительственную революцию, нежели социальную. В знаменитой «войне без оружия» достигло впечатляющих масштабов применение листовок. В общей сложности над германскими позициями было разбросано 65 595 000 листовок. Французы разбросали 43 000 000 листовок, британцы – 19 295 000, а американцы – 3 000 000. Германское высшее командование пыталось защититься, предлагая щедрые награды солдатам, которые будут сдавать эти листовки. 1/16 часть листовок, сброшенных Союзниками, действительно была передана немецкими солдатами своим офицерам. Немцы пытались также координировать особую пропаганду в тылу с мощным контрнаступлением на Союзников. Они распространили на западном фронте 2 253 000 экземпляров *Gazette des Ardennes*.

Целью революции, как и войны, является достижение преобладания в силе над врагом как средства навязать ему свою волю. Революционная пропаганда отбирает символы, рассчитанные на то, чтобы отделить чувства привязанности масс от существующих символов власти, присоединить эти чувства к символам, бросающим им вызов, и направить враждебные чувства на существующие символы власти. Эта задача бесконечно сложнее, чем психологическая задача военной пропаганды, поскольку в случае войны разрушительные энергии сообщества отводятся по привычным каналам. Большинство приложивших руку к революции непременно сталкиваются с кризисом совести. Установленная власть увековечивает себя, сформировав совести тех, кто рождается в сфере ее контроля. Поэтому великие революции идут наперекор тем эмоциям, которые нянечки, учителя, опекуны и родители уводили в «аккредитованные» каналы выражения. Революции – это проломы совести.

Психологическая функция революционной пропаганды, как и военной, состоит в том, чтобы контролировать агрессивность, чувство вины, слабости и привязанности. Так, марксизм потакает проекции агрессивности, осуждая «капитализм» как хищничество. Марксизм потакает проекции чувства вины, предъявляя капитализму обвинение в том, что он корень всех бед – войн, бедности, нищеты, болезней. Марксизм способствует проекции любви на «социализм» и «пролетариат». Марксизм поощряет проекцию слабости, утверждая, что капиталистическое общество обречено на гибель, поскольку несет в себе семена революции. Следовательно,

как говорил автор настоящей книги в другом контексте, «диалектический материализм – это вчитывание частных предпочтений во всеобщую историю, возвышение личных чаяний до статуса всеобщих потребностей, переупорядочение всего мироздания по образу и подобию своих желаний, восполнение своего искривленного Я за счет включения в него символа целого. Ни один альтернативный символизм не воспарял до таких высот компульсивной формулировки».

Во главе парциальных революционных движений становится элита, борющаяся за уничтожение тех, кто связан с мировым революционным движением последнего времени. Такие движения, как итальянский фашизм и немецкий национал-социализм, воинственно настроены против чужих и пронациональны. Как бы много они ни заимствовали в символах или практике из новейшего мирового революционного паттерна, они утаивают эту кражу, терпеть не могут этот источник.

Использование «неарийцев» как объединяющего дьявола, стоящего за всеми мелкими чертами марксизма, Версаля, Веймара, плана Дауэса, легко понять. Такой же тип массового движения в Италии не использовал еврея; в Германии же обстоятельства сложились так, что повысили доступность еврея в качестве мишени для демагогии. Анализ этих факторов проиллюстрирует функцию символов в связи с контекстом.

Евреев в Германии было не очень много: это были банкиры, торговцы и профессионалы, склонные относиться к травле евреев пренебрежительно. Пролетарского блока евреев для создания проеврейского встречного огня в рабочих массах не было. Короче говоря, евреев было достаточно, чтобы было удобно их ненавидеть, но не настолько много, чтобы они могли действительно отплатить тем же. Прочный фон традиционного антисемитизма можно было подретушировать и безнаказанно использовать.

Антисемитизм давал возможность выплеснуть ненависть к богатым и успешным, не вступая в союз с пролетарскими социалистами. Гноящейся раной был не «капитализм», а «еврейская спекуляция». Некоторые немецкие евреи были известными международными банкирами, что давало солидную почву общего знания для паутины преувеличений, выстраиваемых по поводу их влияния. Скромные бизнесмены и профессионалы и мелкие конторские служащие могли нападать на «систему», не «опуская» себя до уровня «пролетариата».

Даже ненависть среднего класса к пролетариату можно было расколоть с помощью еврейского символа. Так, рабочих, бывших в достаточной мере немцами, чтобы отвергнуть «еврейскую доктрину», можно было терпеть; тех же, которые оставались еврейскими, «красными» и «марксистскими», можно было уничтожить.

Прибегнув к еврею, можно было расколоть и аристократическую ненависть к последствиям современного индустриализма. В нежелательных чертах системы виделось влияние международных еврейских финансов, а не внутренне присущие ей свойства. Это делало возможным сотрудничество с капиталистическими элементами и перевод гнева, вызванного недавними экономическими изменениями, на нерелевантного козла отпущения.

В профессиональном мире антисемитизм был средством выведения из строя конкурентов, особенно в таких относительно скученных областях, как медицина, право, философия, наука и журналистика.

Антисемитизм был также важным инструментом разрядки ненависти сельчанина на горожанина. Тлеющие конфликты между сельскими, малыми городскими и крупными городскими сообществами встречаются постоянно в любой культуре. Крупные города – пристанище нового и, следовательно, шокирующего, ведь новое всегда несет угрозу старым кодексам морали, нравов и вкусов. Городские типы ярко выделяются среди врагов нравов, а евреи были городскими типами. Разве не Фрейд изобрел психоанализ, обесчестивший буржуазию? Разве не Магнус Хиршфельд пришел на выручку девиантным сексуальным типам? Разве не еврейские писатели, артисты и художники внесли вклад в подрывные причуды «культурного большевизма»?

Напряжения войны, блокады, инфляции и дефляции нанесли Германии огромные моральные потери. Множества бросились в пучину сексуальных и имущественных «соблазнов»; в силу этого они были склонны к «очищению», дабы скинуть с себя тяжкое бремя совести. Для них еврей был жертвенным Исааком. Действительно, весь XIX век свидетельствовал о росте светского культа национализма, заменившего гаснущее обращение к установленной религии. Это падение набожности, между тем, оставило за собой вину, и ее можно было искупить, напав на еврея, традиционного врага христианства.

Ясно, что еврей наличествовал как символ, более других пригодный к тому, чтобы стать мишенью для иррелевантных эмоциональных влечений. Ненависть деревни к городу, аристократии

к плутократии, среднего класса к рабочим, аристократии и плутократии могла быть перенесена на еврея. Фрустрации, обусловленные экономическими тяготами и международным унижением, чувства вины, рождаемые аморальностью и угасающим благочестием, – все эти стрессы присутствовали в жизни немцев и могли быть использованы в политическом действии.

Итак, пропаганда ведется с помощью символов, которые максимально используются элитой и контрэлитой; но сила коллективных эмоций и общая направленность и распределение коллективных актов остаются зависимыми от изменчивого целостного контекста.

Глава 3

НАСИЛИЕ

Насилие, главное для элиты средство нападения и защиты, принимает множество форм. Некоторое представление о месте насилия в политике дает число мужчин, включенных на постоянной основе в вооруженные силы мира.

В ранней Римской империи постоянная армия включала около 300 тыс. человек, что в составе населения означало три на каждую тысячу. Это была, несомненно, крупнейшая постоянная армия древнего мира. В XIII в. Европа, по имеющимся оценкам, держала на военной службе такую же долю своего населения, хотя и рассеянную по множеству крохотных княжеств. К началу XVII в. Европа сравнялась в численности населения с Римской империей и нарастила как число военных, так и их долю в населении. В наполеоновскую эпоху во Франции под ружьем было иногда до 10 человек на тысячу, и к концу XIX в. все учреждения мирного времени великих держав подтянулись к этому наполеоновскому пику. Во время Мировой войны на тысячу человек населения приходилось не менее ста военных. К 1934 г. регулярные армии Европы уже вдвое превосходили в относительном размере римские войска времен императора Августа.

Продолжительность войн, однако, упала, так же как и доля военных лет по отношению к мирным годам, если исключить из расчетов экспедиции против народов, низших в техническом отношении. В XVII в. крупные европейские государства находились

в состоянии войны около 75% времени. В XVIII в. этот показатель упал до 50%, в XIX в. – до 25%. Если учесть более мелкие акты враждебности, то крупные державы воевали почти постоянно. «Даже у Соединенных Штатов, подчас несколько необоснованно гордящихся своим миролюбием, – пишет Куинси Райт, – за всю 158-летнюю историю было всего 20 лет, когда их армия или флот не вели где-нибудь, хотя бы в течение нескольких дней, какие-нибудь военные действия».

Такие впечатляющие напоминания охватывают собой лишь часть актов коллективного насилия. В балансовый отчет о насилии следовало бы внести тех, кто погиб в ходе революций и контрреволюций, в ходе восстаний, в ходе осуществления уголовного правосудия. В список специалистов по насилию, наряду с членами военно-морских, сухопутных и военно-воздушных сил, входят надзиратели, охранники и полицейские. Можно отметить, что в некоторых сообществах, таких как Чикаго, число полицейских на частной службе, по имеющимся оценкам, превосходит число полицейских, состоящих на государственной службе. Заключение лишают свободы путем правового действия, санкционированного принуждающей властью сообщества, и тюремное население Соединенных Штатов росло быстрее населения в целом, подскочив с 67 тыс. в 1890 г. до 140 тыс. в 1930 г.

Если мы включим сюда еще и тех, кто практикует применение оружия и взрывчатых веществ и учится обращению с оружием, то функция насилия окажется еще шире, чем видно из приведенных выше показателей. А если сюда же присовокупить частоту, с которой прибегают к насилию в частных отношениях, не попадающих в поле зрения чиновников, то мы придем и вовсе к оглушительным цифрам.

Рациональное применение насилия как инструмента влияния зависит, разумеется, от ясной оценки акта насилия как детали целостного контекста. Оно редко бывает инструментом тотального разрушения. Это средство для достижения цели, а не самоцель. Но любовь к жестокости, будь то в форме прямого удовольствия или в косвенной форме гиперреактивной слабости, настолько сильна, что рациональное использование насилия сталкивается с серьезными трудностями. Предостерегая против радостей бессмысленной деструктивности, классики, истолковывавшие насилие, подчеркивали его инструментальные функции и связанные с ним специфические опасности.

Классический китайский военный трактат «Искусство войны», который датируют V в. до н.э., предупреждает о пределах насилия:

«Поэтому сказано, что когда государства воюют в Поднебесной, тот, кто одержит пять побед, столкнется с несчастьем; кто одержит четыре победы, истощит свои силы; кто одержит три победы, станет гегемоном; кто одержит две победы – станет правителем; кто одержит одну победу – станет императором. Поэтому тех, кто благодаря многочисленным победам покорил мир, очень мало; тех же, кто погиб при этом – много»¹.

Для современных специалистов политическое видение войны было сформулировано Клаузевицем. Он выдвинул знаменитую теорию, что «война есть просто продолжение политики другими средствами». У Клаузевица был опыт прусского штабного офицера, и его поразили тот факт, что враждебные отношения никогда не были вопросом чисто военных усилий, нацеленных на доведение до крайности всего, что только возможно. Наличная энергия была обусловлена всякого рода целесообразными расчетами, особенно остротой коллективной заинтересованности в соответствующем предприятии. Поэтому война редко, если вообще когда-нибудь, была «абсолютной войной»; она была деталью в изменчивом контексте лояльностей, надежд и ожиданий.

Зависимость военных целей от общих политических обстоятельств была продемонстрирована в американской войне за отделение. Политическая цель федеральных штатов состояла в том, чтобы не дать конфедеративным штатам выйти из Союза. Политической целью Юга была независимость. За Севером было значительное превосходство в численности и ресурсах, и Юг никогда даже не помышлял о завоевании Севера. Общей стратегией было затягивание сопротивления в двоякой надежде на то, что Север убедится, что усилия по принуждению Юга к оставлению в Союзе не стоят свеч, и что на помощь Югу придет иностранная интервенция.

Генерал Роберт Э. Ли, перенося войну на Север, пытался достичь обеих этих политических целей, и с 1862 до лета 1863 г. его стратегия была наступательной. Потерпев в июле 1863 г. поражение под Геттисбергом, он больше не обладал средствами для

---

¹ Цитата из трактата «У-цзы» приводится по изданию: У-цзин. Семь военных канонических древнего Китая / пер. с англ. Котенко Р.В. ; предисловие и комментарии: Ralf D. Sawyer. – Санкт-Петербург : Издательская группа «Евразия», 2001. – С. 258. – *Прим. пер.*

продолжения наступательной политики, и стало ясно, что иностранной помощи не предвидится. Его стратегия стала теперь оборонительной, и целью было истощить силы и терпение Севера. А Север, как и британцы в войне с бурами в Южной Африке, мог достичь своей цели, лишь нанеся поражение войскам противника и заняв как можно больше вражеской территории.

Многие из принципов войны, обобщаемых в литературе по стратегии, выводят на передний план связь между актом насилия и его контекстом. «Принцип надежности» подчеркивает важность обеспечения того, чтобы установки тех, от кого зависит военная операция, бережно сохранялись на протяжении всего предприятия.

Генерал-майор сэр Ф. Морис показывает, как начало кампании 1862 г. в американской гражданской войне провалилось отчасти из-за пренебрежения этим принципом надежности. У Макклеллана, командовавшего силами федералов, было на границах Вирджинии 180 тыс. человек. У конфедератов для защиты Вирджинии и своей столицы, Ричмонда, была 71 тыс. человек. Годом раньше федеральные силы провалили свое наступление на Ричмонд, потерпев поражение в сражении при Булл-Ран. Немногочисленные дороги в весенние месяцы были в плохом состоянии. Макклеллан придумал план – воспользоваться контролем над морем и тайно перебросить большую часть своей армии на Йорктаунский полуостров, где она оказалась бы в 60 милях от Ричмонда. Президент Линкольн одобрил этот план при условии, что будет должным образом обеспечена безопасность Вашингтона, отделенного от Вирджинии только шириной реки Потомак.

Генерал Макклеллан отправил свои войска на полуостров, не посвятив в это президента и не объяснив мер, принятых для защиты Вашингтона. Не удостоверился он и в том, достаточно ли генералу Уодсворту, назначенному командовать обороной Вашингтона, сил, находившихся в его распоряжении. Он просто оправил в военное ведомство список оставленных войск.

Президент Линкольн приказал военному комитету выяснить, были ли выполнены его указания по обеспечению безопасности столицы. Генерал Уодсворт сообщил, что войск, которыми он располагает, в численном и качественном отношении недостаточно, и президент приказал I корпусу армии Макклеллана под командованием генерала Макдауэлла остаться в северной Вирджинии для прикрытия Вашингтона. Намерения Макклеллана вызвали у президента подозрения, и скоро отсутствие доверия уступило место тревоге, когда 25 марта генерал «Каменная Стена» Джексон со

своими 16 тыс. бойцов разбил Бэнкса в долине Шенандоа. Паника в Вашингтоне привела к отъезду еще части войск у Макклеллана и к абсолютно бессмысленной погоне за Джексоном.

Макклеллан и его друзья считали, что президент виновен в недоверии и в излишней нерешительности. Президент же чувствовал всю тяжесть своей ответственности за защиту цитадели национального правительства и имел веские основания сомневаться в надежности скрытного и, по видимости, не вполне понятного генерала. Макклеллан не видел и не учитывал операцию во всей полноте; он пренебрег укреплением некоторых установок взаимного доверия, незаменимых для осуществления плана.

Эффективное использование насилия предполагает превосходство в разрушительной силе в жизненно важных местах на протяжении всей операции. Многие из принципов ведения войны напоминают генералам и правителям о важности принятия во внимание всего хода предприятия и отбора точек применения этого особого средства с учетом всех значимых обстоятельств. Отсюда акцент на «экономии», «кооперации», «наступлении», «движении», «неожиданности» и «сосредоточенности» как средствах достижения общей цели. Отсюда же важность отслеживания вероятности того, что внешнее вмешательство принесет поражение или уничтожит плоды победы. Задним числом ясно, что германское верховное командование не учло весь спектр возможностей Соединенных Штатов в связи с европейской войной. Великобритания, со своей стороны, приняла контрабандные правила и практики, призванные смягчить американский гнев.

В поисках превосходства мечтой каждого сметливого стратега является развертывание наступления столь внезапного и сокрушительного, что враг оказался бы неспособен к действенному сопротивлению. Это удачно названо мечтой о Каннах. Исходная битва при Каннах произошла в 216 г. до н.э. в Апулии между римлянами и карфагенянами. Небольшая армия Ганнибала вдребезги разбила 85 тыс. римских легионеров, обойдя противника с флангов силами кавалерии и окружив его. Не грубое потенциальное превосходство, а специфический, актуальный перевес – вот цель эффективной стратегии. Знаменитый план Шлиффена, который, несмотря на его выхолащивание, едва не привел Германию в 1914 г. к победе, основывался на этой концепции. Шлиффен перебросил две трети всей германской армии (53 дивизии из 72) на один участок фронта, на правый фланг, где эти силы должны были пройти маршем по Бельгии и северной Франции и двинуться далее на Париж. Он пы-

тался усилить боевую мощь правого фланга новейшими инструментами войны, тяжелыми гаубицами и пулеметами, которые армия тайком копила, чтобы достичь того же эффекта, что и Ганнибал с помощью кавалерии. После разгрома главного врага, Франции, предполагалось бросить силы на восток – на Россию. Однако отсутствия двух корпусов, перекинутых фон Мольтке с правого фланга, когда тот триумфально продвигался по Бельгии и северной Франции, оказалось достаточно, чтобы блокировать достижение победы. Эти два корпуса отправили на восточный фронт с целью ослабить давление на Восточную Пруссию, родину влиятельных юнкеров.

Сегодня воображение амбициозных специалистов по насилию распалют новые средства ведения войны: аэропланы и газ. Разве нельзя направить против сильнейшего врага превосходящие количества самолетов и газа, втайне накопленные заранее, склонив его в считанные дни, а то и часы, к подчинению и дав победителю возможность переключиться на более слабых противников или, возможно, подавить восстание дома? Как правило, соблазн технологического превосходства мостил дорогу разочарованию. Он вел к погружению в механические детали и пренебрежению более тонкими психологическими и социальными аспектами целостной ситуации.

Успех насилия зависит от координации других существенных сторон тотального акта, таких как организация, пропаганда, информация. Поскольку требование сецессии обычно появляется в частях государства, населенных элементами, дифференцированными от государства в целом, то часто бывает практически отложить крупномасштабное насилие до тех пор, пока не будет успешно организовано правительство внутри правительства.

Таким правительством внутри правительства была и остается, например, Внутренняя македонская революционная организация (ВМРО), созданная в 1893 г. группой молодых македонских школьных учителей. Она стремилась к тому, чтобы с помощью массовой агитации вынудить Турцию признать Македонскую автономию в соответствии с гарантиями, данными в ст. XXIII Берлинского трактата. Она была открытой для всех македонцев, будь то сербы, греки, румыны, турки, евреи или болгары. В 1903 г. ВМРО спровоцировала восстание, которое, хотя и было подавлено турками, вызвало европейское вмешательство. Только в 1906 г. общим собранием ВМРО была ратифицирована конституция. Основными лозунгами были «Македония для македонцев» и «Эво-

люция, не революция». Путем всеобщего голосования избирались местные комитеты; каждый комитет направлял делегатов в районный комитет; далее над этим уровнем возвышался окружной комитет, соответствующий вилайету. Окружной комитет направлял 47 делегатов на регулярный общий конгресс, выбиравший центральный комитет в составе трех человек. Еще один орган, назначенный центральным комитетом, представлял эту организацию в закупках оружия и боеприпасов у внешних продавцов. Ни одному человеку никогда не давалась власть. Благодаря крушению турецкой администрации ВМРО захватывала суды, подавляла бандитизм и содержала школы. Боевые группы исполняли постановления судов, а тайная сельская милиция пребывала в готовности на случай чрезвычайных ситуаций.

Случай ВМРО исключительный. Обычно организация экономики и дипломатии бывает гораздо менее завершенной, особенно в революционных движениях. Редко возможно заранее, до применения насилия, выстроить в полки тех, кто отзывчив к искомой цели. Следовательно, успех насилия, как правило, сравнительно больше зависит от правильной координации с пропагандой. Успех насилия в революции зависит от соединения *coup d'état* с кризисом массового недовольства. *Coup d'état* может осуществить небольшое число боевых групп, хорошо информированных, вооруженных и обученных; что же касается шансов на обеспечение лояльного конспиративного личного состава и на осуществление акции с массовой поддержкой, то они зависят от предшествующей кризису долгой пропагандистской подготовки.

Эта пропагандистская подготовка должна быть в особенности нацелена на то, чтобы перетянуть на свою сторону или деморализовать значительную часть солдат и полиции. По природе своей революционные силы неизбежно плохо вооружены. Так, у 2 тыс. боевиков, вовлеченных в одно из кантонских восстаний, было всего 200 бомб и 27 револьверов. В Шанхае из 6 тыс. человек оружие было только у 150. В пролетарских сотнях в Германии в 1923 г. состояло четверть миллиона человек, но вооружены среди них были лишь несколько сотен. Поскольку в начале восстания требуется захватить оружие, проникновение в вооруженные силы установленного порядка становится критически важным. В 1917 г. правильная пропагандистская подготовка в Петрограде обеспечила наличие пробольшевистски настроенного гарнизона.

Поскольку рядовой состав любого революционного подъема образуют сравнительно неопытные бойцы, находящиеся в сильном

эмоциональном напряжении, то восстание должно быть спланировано так, чтобы сразу принести очевидные успехи. В Гамбургском восстании 1923 г. тщательное планирование позволило штурмовым бойцам одержать верх на нескольких полицейских участках и запастись оружием. А чуть позже рабочие весьма предусмотрительно соорудили рвы и баррикады, чтобы отгородиться от внушавших ужас броневиков.

Кооперация масс требует тщательного подбора времени для восстания с учетом психологического момента. В Ревеле лидеры не разжигали массовых протестов, даже когда был застрелен Тромп, глава профсоюзов (за три дня до начала восстания). В результате этого массы не понимали, что происходит, и пребывали в колебаниях, вместо того чтобы бастовать. Успех большевистского переворота в Петрограде был отчасти гарантирован выстраиванием атмосферы общего ожидания. Плакаты и листовки постоянно спрашивали о том, как массы будут брать власть. Само время финального восстания было подобрано так, чтобы совпасть со II Всероссийским съездом Советов в Петрограде, который мог оперативно взять на себя функции временного правительства. Не нужно было даже затевать всеобщую стачку.

Акт насилия становится «пропагандой делом», когда от него ожидают воздействия на установки, очевидно несоразмерного непосредственным объективным последствиям акта. Пример – политическое убийство. Ужас, с которым официальные властные лица смотрят на убийство самих себя, свел до минимума беспристрастный анализ этого метода получения результатов. Политическое убийство редко трактуют с той отстраненностью, которую мы находим в знаменитом письме, полученном лордом Кимберли, вице-королем Дублина. Оно начиналось со следующих слов:

«Ваша Светлость, завтра мы намерены убить Вас на углу Килдэр-стрит; но нам хотелось бы, чтобы Вы знали: в этом нет ничего личного».

Подходящей мишенью для «пропаганды делом» является какая-нибудь личность, потеря которой напугала бы врага и ослабила единство воли у тех, кто выступает за установленный порядок. Либо какому-то деспотичному чиновнику могут дать временный шанс на жизнь, чтобы он мог послужить делу сецессии или революции, продолжая провоцировать недовольство установленным порядком. Иногда акт политического убийства замышляется для того, чтобы показать возможность сопротивления, разрушить легенды о неуязвимости и вызвать массовые беспорядки.

Теперь представляется резонным заключить, что при использовании в качестве революционной пропаганды избирательные политические убийства не достигают цели. «Народная воля», созданная в России в 1879 г., опиралась на терроризм в надежде поднять массы. Действующие террористы обычно происходили из семей депрессивного дворянства, предрасположенных к индивидуальному романтизму как средству социального протеста. Крестьяне не восставали; в итоге террористическая тактика приобрела дурную славу.

К этой отрицательной оценке политического убийства как средства пропаганды нужно, однако, добавить важную оговорку. Националистическим устремлениям демонстративная готовность убивать и приносить жертвы шла на пользу. Такими драматическими актами в фокус внимания можно втянуть враждебное отношение иностранцев к правящей элите. Иностранные элиты могут воспользоваться случаем для вмешательства. Так, по крайней мере, и произошло, когда в 1903 г. ВМРО восстала против Турции, зачастую убивая правительственных чиновников.

И борцам с установленным порядком, и его защитникам, разумеется, часто бывает целесообразно использовать политическое убийство как средство избавления от опасных лиц; но в таких случаях задействованы иные соображения, нежели пропагандистские.

В терроре, как и в политическом убийстве, пропагандистские цели первостепенно важны, и для внешних актов подгадывается время, когда они произвели бы как можно больший психологический эффект. Террор должен быть безжалостным и молниеносным. Незамедлительное уничтожение ряда врагов может парализовать сопротивление и позднее спасти много жизней. Крайне важна секретность; отсюда ночные аресты и утаивание информации от родственников и друзей на протяжении целых недель или месяцев. Террор эффективно использовался советскими властями после покушения на Ленина в 1918 г. и после убийства Кирова в 1934 г.

Все согласны в том, что координация насилия с информацией не менее важна, чем с организацией. Во время Мировой войны было много блестящих примеров того, как хорошие разведанные о вооруженных силах противника помогали выигрывать битвы и избегать потерь. В первые два месяца войны шпион, проникший в русское железнодорожное ведомство, исправно оповещал германский штаб в Восточной Пруссии о русских полевых шифрах, что дало Гинденбургу и Людендорфу возможность в полной мере воспользо-

ваться плохой координацией между генералами Ренненкампом и Самсоновым и выиграть кампанию на Мазурских озерах.

Отсутствие адекватной разведки привело к отказу англо-французского средиземноморского флота, которым командовал британский адмирал де Робек, от обстрела Дарданелл. Турки, уверенные в том, что Константинополь обречен, держали наготове поезд, куда были погружены правительственные архивы, когда вдруг пришли удивительные вести, что союзный флот отошел.

В 1917 г., когда боевой дух французских войск был серьезно подорван предъявляемыми им очевидно безрассудными требованиями непрерывного наступления, в одном из секторов вспыхнул бунт. Почти весь день ключевой участок на линии фронта удерживался горсткой артиллеристов и саперов; но немцы не узнали о ситуации вовремя и не смогли воспользоваться этими внезапно открывшимися воротами.

Часто хорошая разведка игнорировалась высоким командованием. Взять хотя бы недоверие, с которым были восприняты сообщения о том, что Союзники готовят танковое наступление. После сенсационного дебюта под Камбре германские эксперты увидели, сколь близки они были бы к разгромному отступлению, если бы атака была развернута в более широком масштабе.

Контрразведка стремится раскрывать шпионов противника, и в ходе последней войны она часто достигала впечатляющих успехов. Британские агенты обнаружили, что немецкий шпионаж в Великобритании организован так, что все сообщения передавались по одному каналу. Посредством слежки за мелкими агентами была выявлена вся сеть германских шпионов, и к началу военных действий в 1914 г. всех их своевременно взяли под стражу. Воспрепятствование вражеской разведке было настолько полным, что уже 23 августа генерал фон Клюк выдвинулся к Монсу в неведении о том, что перед ним находятся все британские экспедиционные силы численностью 100 тыс. человек.

Финальное действие в революционном восстании должно базироваться на плане, опирающемся на надежную информацию о жизненно важных позициях, которые необходимо занять. Это требует тщательного изучения распределения вооруженных сил в данном городе, выяснения расположения складов оружия и боеприпасов, местонахождения штаба, охраны и дозоров, изучения радиосвязи, телеграфных, телефонных и иных коммуникационных средств верховного командования, а также лучших способов овладения ими или выведения их из строя, знания о трениях между

офицерами и солдатами и их отношении к революционной программе.

Такую же подробную информацию надо собрать о полицейских силах и о важнейших городских службах, таких как коммуникация, транспорт, водоснабжение, освещение, электричество, газоснабжение, мосты и реки, основные магистрали и площади, адреса редакций и издательств враждебных газет, адреса руководителей правительства, глав частных промышленных предприятий, банкиров и влиятельных лиц, местоположение тюрем и возможности освобождения заключенных.

Превосходство в знании местности – один из активов рядового состава революционных восстаний. Когда выбрана подлинно революционная ситуация, массовые восстания обретают такие преимущества, как отчаянная решимость и высокий боевой дух. Зная местность, рядовые участники могут эффективно пользоваться ею для нахождения укрытий, ведения снайперского огня, внезапных набегов, быстрых бегств. У местной полиции есть такое же близкое знание, но ее можно вывести из строя внезапной атакой. Военные обладают меньшим знакомством с территорией при ведении уличных боев, и им привычнее двигаться большими отрядами и более упорядоченно, чем требуется для максимальной эффективности. К тому же небольшие группы могут быть отрезаны от командиров и перетянуты на сторону революции.

Поскольку осуществление опасных проектов во время войны или революции опирается во многом на мотивы и мастерство личного состава, то крайне важны подбор людей и работа с ними. Первостепенным требованием является преданность идеологии или мифологии элиты. Поэтому советская армия обучает тех, кто происходит из семей рабочих или мелких крестьян; лишь вспомогательные службы открыты для сыновей бывших чиновников, учителей, врачей, торговцев или промышленников. Германская армия опирается главным образом на крепкое и лояльное крестьянство; особенно это касается выполнения воинского долга в связи с промышленными и городскими беспорядками. Чтобы не допустить братания между солдатами и местным населением, русская имперская армия в критических ситуациях опиралась на казачью конницу, а Двойственная монархия заботилась о том, чтобы смешать национальности и зависеть скорее от крестьянского рядового состава, нежели от пролетарского.

Поборники революции научились опираться на небольшую группу опытных профессиональных революционеров, предпочитая

их ветреному рою дилетантов. Это было одним из основных вкладов Ленина в практику революции.

Поскольку применение насилия ставит индивида перед постоянной возможностью смерти, то оплата его трудов наличными выглядит несколько несуразно. Отсюда попытка превознесения психологических вознаграждений над материальными. Отсюда же акцентирование «почестей» и вложение как можно большего мистического могущества в благодарности и приказы. Это снижает стоимость поддержания заданного объема усилий и предотвращает лишние размышления по поводу соразмерности риска и вознаграждений. Стремясь культивировать дух почестей, советские военные регламенты обеспечивают 13 уровней отличия. Современные армии пришли к опоре на почести и на систематическую индоктринацию, в дополнение к муштре и наказаниям.

Разумеется, дальновидное применение насилия зависит от постоянного перевода социального изменения в термины боевой эффективности. Недавно появление газа как оружия изменило силовой баланс между бенефициарами и противниками установленного порядка. Власти не решались использовать артиллерию для уничтожения мужчин, женщин и детей в целых районах, так как подобные попытки могли спровоцировать возмущенную поддержку революционного действия. Поэтому артиллерийские части ограничивались по большей части разрушением баррикад, воздвигаемых во время уличных боев. Кавалерия в боях на узких улицах, разумеется, практически бесполезна, поскольку всадники становятся удобной мишенью для снайперов. Конницу можно использовать в атаках на безоружные массы на открытых площадях; в иных случаях она пригодна только для обеспечения коммуникаций. Танки и боевые автомобили достаточно мобильны для использования в уличных боях и неуязвимы для ружейного и пулеметного огня. Иногда, однако, их могут останавливать бомбами и отрезать от поля боевых действий баррикадами. Аэропланы могут использоваться для рекогносцировки. Их бомбовые удары и пулеметный огонь могут вычищать гнезда повстанцев, а гул заставляет нервничать недисциплинированное население.

Но именно разработка газа дала в руки властей средство для разгрома сегрегированной оппозиции без всеобщего уничтожения. Повстанцев можно выводить из строя, не убивая жителей целого района. Можно с уверенностью сказать, что как только стало возможно накапливать достаточный запас газа заранее или привлекать его сразу, уличные бои против установленной власти стали

тщетными. Но, возможно, это лишь временно, поскольку могут быть найдены дешевые средства защиты от газа, и баланс боевой эффективности может вернуться к тому, каким он был раньше.

Используется ли насилие для войны, сессии или революции, ясно, что оно должно быть подчинено совокупной операции, частью которой оно является. Чистая радость от садистских эксцессов должна уравниваться целесообразностью. В мире ограниченных возможностей насилие редко бывает «абсолютным». Насилие – это средство для достижения целей в развивающейся ситуации. Установки тех, от кого зависит успех предприятия, должны всячески оберегаться. В поисках перевеса разрушительной силы в жизненно важных точках насилие нужно координировать с организацией, пропагандой, информированием. Особое внимание следует уделять личным агентам элиты и значению любого социального изменения для подвижного баланса боевой эффективности.

Глава 4

БЛАГА

Использование благ в атаках на элиту и в ее защите принимает форму уничтожения, изъятия, распределения. Возможны саботаж или приостановка работы, забастовка, бойкот, внесение в черный список, отказ от сотрудничества, нормирование, установление цен, мздоимство. Уничтожение собственности настолько тесно связано с использованием насилия по отношению к людям, что в этой главе не будет специального его рассмотрения; мы ограничимся изъятием и распределением.

Разумеется, элита подвержена атакам на родине, когда не соотносится с уровнем процветания. Нарастающая незащищенность может нерационально выплеснуться против символов и практик установленного порядка. Результат может быть скромным, не идя дальше замены Билла на Тома в луизианском демократическом приходе или демократов на республиканцев в пограничном штате вроде Кентукки. Но он может предполагать и революционное изменение в правительстве, как в Германии (1918), или даже революционное изменение в социальной организации, как в России (1917). В современном обществе колебания в экономической жизни стали

настолько чудовищными, что безопасность элит особенно связана с переменами в благах и ценах. И это заставляет нас сосредоточиться на стратегии и тактике «экономических» отношений.

Есть два основных средства управления потоком благ и услуг, и безопасность элиты часто стремятся обеспечить путем их комбинирования. Мы можем провести различие между системами *нормирования* и системами *ценообразования*. Нормирование – это акт выделения особых благ или услуг для потребления или использования в производстве. Ценообразование – это акт установления неспецифических притязаний на блага и услуги.

Современные вооруженные силы широко опираются на нормирование. Специалистам по насилию могут выделять использование особых крепостей, гарнизонов, возрастных классов населения, учебных полигонов, заводов, железных дорог, транспортных средств, аэропланов. Солдатам выделяют по нормам униформу, оружие, питание; заранее расписан и их распорядок дня.

Помимо нормированных ресурсов, командная верхушка может иметь в своем распоряжении много неспецифических притязаний (доллары, фунты, марки, франки). Любая данная единица покупательной способности является неспецифическим притязанием, поскольку может быть потрачена на покупку людской силы или материального оснащения.

Системы нормирования часто оказывались весьма эффективными в использовании ресурсов. Правящей элите, особенно во время чрезвычайных ситуаций, привычно опираться на этот метод контроля над действиями и установками населения. Гражданское население может получать продуктовые карточки, дающие право на указанные количества конкретных товаров. Часто, конечно, нормирование может быть направлено прежде всего на контроль коллективных установок и иметь мало общего с официально заявленной целью. Во время Мировой войны, например, в Соединенных Штатах поощрялось добровольное нормирование сахара. В какой-то степени целью было сэкономить морские перевозки, которые были бы потрачены на ввоз сахара-сырца с Кубы и Филиппин, и повысить запасы сахара и морских перевозок для Союзников. Однако главной целью, пожалуй, было внести чувство непосредственной важности военных усилий в повседневную жизнь американских домохозяек и, следовательно, нации в целом.

Явный недостаток системы нормирования – возможность накопления массового недовольства против членов иерархии, зримо ответственных за эту систему. Медленные, неуклюжие или опро-

метчивые действия могут зайти так далеко, что подорвут уважение к установленной власти. Отмечалось, что рецепты, выпускаемые германским продовольственным ведомством во время войны, так часто давали нелепые результаты, что вера многих простых людей в непогрешимость агентов государства была подорвана.

Методы ценообразования, по правде говоря, могут страдать многими из недостатков системы нормирования. Когда расценки на труд и товары устанавливаются видными членами иерархии, ответственность фокусируется на них. А фиксация цен может лишать индивида альтернатив настолько же эффективно, как и механизмы нормирования. Если зарплаты и жалованья устанавливаются фиксаторами цен на достаточно низком уровне или если цены на товары оказываются достаточно высокими, то деньги уходят прежде всего на такие необходимые вещи, как продукты, и после этого, возможно, мало что остается. Возможно также ограничение доступных для индивида альтернатив с помощью прямых или косвенных налогов. Вклады и подписки на облигации можно заставить казаться настолько необходимыми, что у индивида почти не остается свободы выбора.

Вместе с тем система ценообразования может работать на сокрытие ответственности за распределение благ от глаз сообщества. Это снижает вероятность того, что какой-нибудь служащий государственной или частной иерархии будет выбран в качестве мишени для общего недовольства. Когда цены устанавливаются на рынке в ходе торгов между многочисленными равными участниками, цена кажется выходящей за пределы контроля любого отдельного человека. Распределение благ кажется результатом обезличенной процедуры, за которую никто не несет ответственности.

Когда рутины свободного конкурентного рынка работают без сбоев, направлять результат будет словно бы «невидимая рука», и это рука кого-то, кому неведомы плоть и кровь, кого невозможно найти и поблагодарить или разорвать на куски. Вездесущие «законы спроса и предложения», которых не объявлял ни один руководитель и не принимал никакой законодательный орган, словно прокладывают то русло, в котором текут предустановленным курсом человеческие усилия.

Конкурентный рынок торгующихся равных явно не стоит на месте. Следовательно, распределение благ через эту «безличную» агентность не функционирует к общему удовлетворению многих сообществ. Иногда верх берут те, кто контролирует предложение (как, например, местная телефонная компания); иногда условия

сделки диктуют те, кто контролирует спрос (как, например, мукомольные компании). В капиталистических странах в центр внимания вышел рост крупных частных иерархий большого бизнеса и больших финансов. Следовательно, недовольство обычно изливается на них. Какое-то время частные иерархии пытаются «перевести стрелки» на правительство и спасают себя, атакуя государственную иерархию.

Поношение правительства – опасная игра для частного бизнеса, самой влиятельной элиты в современных капиталистических нациях. Поношение правительства подрывает уважение к должным образом учрежденной власти, разрушая привычку к молчаливой покладистости в установленной системе.

Самое радикальное разрешение конфликта между публичной и частной иерархиями произошло в России с уничтожением частных иерархий. Действенное принятие решений находится в руках политбюро Центрального комитета Коммунистической партии. Сталкивающиеся точки зрения при этом сохраняются: члены профсоюзов хотят для заводских рабочих лучших условий по сравнению с тружениками сельского хозяйства; одни требуют большего производства товаров производственного назначения, другие настаивают на увеличении производства потребительских товаров. Ясно, что огосударствление общественной жизни не устраняет противоречий, которые порождаются различиями в связях с производством.

Техника управления в Советском Союзе меж тем показала, как системы ценообразования в огосударствленном обществе могут дополнять системы нормирования или даже их вытеснять. Блага распределяются посредством сложного сочетания нормирования и ценообразования. Через нормирование можно лишать ограниченных предложений «нежелательных» элементов и морить их голодом, сживая со свету или добиваясь покорности. С помощью ценообразования можно скрывать элементы нормирования в системе. Так, можно установить цены на яйца; но в наличии яиц может и не быть, если внезапно принято решение запастись иностранной валютой, сбыв яйца по дешевке на зарубежном рынке. Благодаря множеству сложных комбинаций ценообразования и нормирования можно было найти бок о бок несколько разных цен на один и тот же товар. Только тщательное изучение нормировочных аспектов каждой отдельной ситуации позволяет объяснить поразительную разницу в уровне цен. Цена на заводском складе может быть ниже, чем на «открытом» рынке; но доступ к заводскому

складу может быть ограниченным (нормированным). Различные уровни цен могут сохраняться в торговых точках, доступных зарубежным инженерам, местным инженерам, высокопоставленным чиновникам и членам партии, мелким чиновникам и членам партии, квалифицированным рабочим, полуквалифицированным и неквалифицированным рабочим, крестьянам, работникам заводов и ферм, выполнивших план, работникам заводов и ферм, не выполнивших план, и так далее по всему длинному перечню различий.

Во времена кризисного дефицита защитой от возможности эффективного слаженного протеста могут быть такие смешанные системы распределения. Наличие или отсутствие благ становится всепоглощающей темой разговоров и фантазий. Карточка на одежду может давать «носителю» право на пару обуви, но будет ли обувь в магазине? Продуктовая карточка может давать человеку право на «масло», но «масла» уже две недели как не было, а два дня назад выдавали «маргарин». Не лучше ли подкопить рублей, марок или лир и попытаться счастья у спекулянтов на нелегальном рынке?

Подобно встревоженным, не находящим покоя животным, все население может превратиться в своры беспокойных зверей, рыщущих в поисках объедков и одинаково сверхчутких к пинкам и поглаживаниям. В периоды «депрессии» в капиталистических странах нуждающееся население может быть лишено уверенности в себе и способности к коллективному самоутверждению деморализующими последствиями неопределенности и разрастанием пожирающей время бумажной волокиты, мелких одолжений и мелких наказаний.

Ясно, что ценообразование и нормирование – это методы, доступные любой элите, будь то в Советской России или в Соединенных Штатах. И так же ясно, что ценообразование – это надежнейший инструмент плавания в «тихой гавани», но что оно требует дополнения нормированием, когда под рукой мельтешат зачинщики недовольства.

Многочратно подчеркивалось, что одним из досадных недостатков капиталистических систем является склонность конкуренции переходить в монополию и разрушать тот бастион «безличности», который так хорошо помогал этой системе. Монополии тоже уступают дорогу конкурентным единицам, но общее историческое движение все же вело к иерархиям – либо публичным, либо частным. Это означало, что цены все больше и больше «административно контролируются» [Гардинер Минс], и неважно, какая это

административная иерархия, публичная или частная. Они устанавливаются не посредством торга между «равными» на рынке.

Один из путей осмысления проблемы сохранения капиталистических обществ состоит в диагностировании последствий этого развития. Во время депрессий административно контролируемые цены часто могут держаться на высоком уровне, в то время как конкурентно определяемые цены падают. В Соединенных Штатах цены на промышленные товары в начале депрессии подчинены большему административному контролю, чем цены на сельскохозяйственную продукцию. Так, цены на электротовары, например на телефоны, остаются стабильными, в то время как фермерские продукты часто торгуются на низких ценовых уровнях. Поскольку денежный доход фермера падает, он повышает свое производство, делая все возможное, чтобы можно было уплатить налоги, проценты и выполнить иные обязательства, оплачиваемые в деньгах. Эта тенденция к переполнению рынка еще больше сбивает цены на сельскохозяйственные товары и ограничивает способность фермера покупать промышленные товары.

Можно ли выработать согласование корыстных и сентиментальных интересов, которое будет поддерживать мирную коррекцию чрезмерно жестких и чрезмерно гибких цен?

Корни высокой нестабильности экономической жизни при капитализме были недавно найдены в свободном создании оборотных средств частными коммерческими банками. Коммерческие банки научились работать, держа под рукой лишь небольшую часть резерва наличных средств в соотношении с обязательствами. Заем в 100 тыс. долл. обычно осуществляется банком путем создания вклада под кредит заемщика. Этот вклад повышает финансовые обязательства банка; но этот заем повышает также и активы (дебиторские задолженности) на 100 тыс. долл. плюс проценты. Исходя из того, что вклад не будет затребован весь сразу, банк может дать большую часть из этих 100 тыс. единиц займа еще раз, создав тем самым еще один вклад и еще один актив.

Последствием этого способа умножения оборотных средств становится выстраивание широкой системы рассеянных и складывающихся в пирамиду требований, которые держатся на молчаливом допущении, что вывод средств не будет осуществлен одновременно. Иначе говоря, предполагается, что лишь небольшая доля участников экономического процесса будет в любой данный момент нуждаться в наличных. Вся эта надстройка взаимоотношений сразу же рухнет, когда каждый воспримет базовое допущение

ликвидности с достаточной серьезностью, чтобы показать, что если каждый окажет на нее воздействие, то это допущение больше работать не будет.

Эти процессы в развитии промышленного и финансового капитализма привели к последствиям, к которым прежние толкователи этой системы явно не были готовы. Так, считалось само собой разумеющимся, что «экономия» и «потребление» – два нераздельных процесса, которые идут не бок о бок, а один после другого. Это выглядит правдоподобным для индивида, который получает 2 тыс. долл. в год и знает, что если он сэкономит 500 долл., то это сократит его потребление на 500 долл. Гарольд Г. Моултон между тем утверждает, что неразумно проецировать этот способ мышления на коллективные процессы. Используя термин «капитал» как включающий в себя все «орудия, оборудование, машины, промышленные здания, железные дороги, электростанции и другие конкретные материальные инструменты, помогающие человеку в процессах производства», он показывает, что периоды быстрого образования капитала и периоды быстрого роста потребления идут рука об руку, а не колонной по одному. Это означает, что приток финансов на рынок инвестиций не повышает автоматически создание капитального оборудования. Анализ Моултона показывает, что сбережения, вошедшие на инвестиционные рынки в процветающие двадцатые, раздували цены на ценные бумаги, а не способствовали соразмерному росту заводов и промышленного оборудования. И сделало все это возможным свободное создание кредита коммерческими банками.

Поэтому предлагается пере моделировать рутины капиталистической экономики, упразднив коммерческие банки и отделив депозит от функции инвестиции. Это можно было бы сделать, потребовав создания резервов, на 100% покрывающих требования по краткосрочным вкладам. Инвестирование представляло бы собой тогда «реальное сбережение». Ожидается, что таким образом был бы устранен важнейший источник нестабильности. И все же остается неясно, какое именно сочетание корыстных и сентиментальных интересов, на которое нацелено это предложение, ушло бы от воздействия обнуляющих политик, таких как прямое раздувание оборотных средств государством. При всем при том это предложение в годы последней депрессии в Соединенных Штатах стало превращаться в практическую политику.

С этим тесно связана такая сторона современной экономической нестабильности и мобильности, как ослабление индивиду-

альных связей с конкретными ситуациями. Когда мы говорим, что феодальная семья владела реальной собственностью, эта связь описывается словом «владела» в высшей степени неадекватно. Конкретные акры, сельчане, слуги, дома, сараи, дворы, подъездные дороги – вот и все богатство в традиционном его значении. Такая крайняя привязанность к конкретной собственности ослабла под влиянием современного промышленного и финансового развития. Человек, который руководит сегодня крупной пшеничной фермой, может завтра ее продать и переключиться на складской, мукомольный или комиссионный бизнес. У него скорее всего не будет заинтересованности в передаче конкретных акров земли своим наследникам.

Поиск прибыли привел к открытию способов быстрого переключения с одного требования на другое. Отсюда постоянное возрастание ликвидности прав требования.

Можно дать количественную оценку совокупного объема ликвидных активов, установив долги или требования, считающиеся конвертируемыми в относительно короткий срок. В расчеты можно включить акции и облигации, котируемые на биржах, ибо считается, что обычные торговые операции дают механизм конвертации этих требований в наличные деньги по короткому уведомлению. Должны быть включены банковские депозиты, поскольку это долги банка перед вкладчиком, которые по умолчанию поддаются изъятию по первому требованию или в короткие сроки. Выкупная стоимость полиса страхования жизни также обычно считалась доступной для держателя полиса при подаче уведомления за несколько дней.

Эти разные механизмы поддержания функции ликвидности нормально работают, конечно, тогда, когда объемы исполнения требований не выходят за некоторые пределы. Всякий раз, когда предпринимаются попытки забрать одновременно все банковские вклады, продать одновременно все облигации и акции, взять займы одновременно по всем полисам страхования жизни или силой провести одновременное взыскание всех долгов или задолженностей, вся структура сразу перестает функционировать. Именно такие прекращения функционирования происходят в случае «паник»; и серьезность этих сбоев в функционировании соразмерна сложности надстройки.

Берли и Педерсен проанализировали долю ликвидных прав требования в национальном богатстве Соединенных Штатов. В 1880 г. она составляла 16%, в 1890 г. – 15%, в 1900 г. – 18%, в

1912 г. – 20%. Военное десятилетие довело эту долю до 25%, а к 1930 г. она возросла до 40%. К 1933 г., третьему году депрессии, эта доля составляла 33%.

Это огромное изменение в связи человека с благами подрывало привязанность индивида к специфическим притязаниям на собственность и уменьшало связь между притязаниями (владением) и управлением. В ранние времена частного предпринимательства существовала прочная сцепка между владением и управлением, и она быстро ослабла. Имущественные притязания чаще являются теперь чисто формальными, обезличенными притязаниями на непрерывно поступающие единицы неспецифического дохода. Важнее всего гарантия дохода; возможность управления не так важна. Отсюда та скорость, с которой в плохие времена распространяются требования гарантированного дохода. И отсюда же те глубокие психологические незащищенности, которые порождаются деперсонализацией бизнеса.

Колебательное поведение капиталистической экономической жизни саморазрушительно именно в том, что любая невзгода плодит разочарование в установленном порядке. Преувеличивать саморазрушительные тенденции капитализма было бы, однако, ошибкой. Даже колебательное движение не только саморазрушительно, но и само себя смягчает. Во время процветания собственная судьба или судьба своей подгруппы, видимо, остается в руках индивида. Базовая неопределенность дает бизнесу что-то от зачарованности игрой или преступлением: игрой – поскольку успех зависит от комбинаций удачи и способностей; преступлением – поскольку успех зависит отчасти от обмана. С одной из точек зрения капиталистическое общество – это великое мошенничество, поскольку оно питает фантастические надежды. Миллионы трепещут в ожидании сказочного богатства, живя в экономической системе, которая по самой своей сути обречена большинство из них разочаровать.

«Стоимость бесценных бумаг» на Нью-Йоркской фондовой бирже во время бума вкладывала в руки миллионов бумажные состояния; и однако все это казалось несколько нереальным. Несмотря на знаменитых «Мальчиков новой эпохи», в воздухе висел аромат невероятного, смягчавший шок от разочарования. Не было никакого взрыва морального возмущения, поскольку все это время сохранялось глубокое подозрение, что успех – вопрос не морали, а скорее удачи, ловкости и самозванства. Это была «великая афера, пока это длилось», «веселая поездка», «шикарная тачка». Торгующийся янки до сих пор в восторге, ведь он знает, как использовать свою голову,

чтобы облапошить ближнего; и эта беззаботная терпимость к взаимному обману – главная черта капиталистического общества.

Более того, в годы процветания люди, приученные жить в скромности, экономии и труде, привыкают к роскошным и беспечным образам жизни. Но многие из них так и не убегают от прежней совести. При смене волны свои удовлетворения приносят невзгоды: человек терпеливо переносит депрессии, чтобы загладить угрызения совести.

Во время процветания население «достигает успеха» опять же такими способами делания и мышления, которые не совмещаются с эффективным революционным действием во время депрессий. При процветании индивид укрепляется в вере в частное планирование, в ожидании того, что за самоутверждением последуют вознаграждения, и в индивидуалистической гордости личной ответственностью. Но массовые движения зависят от идентификации индивида с коллективными символами, коллективными требованиями, коллективными упованиями. Индивидуалисты даже во время депрессии упорствуют в индивидуалистических образах жизни; и до сих пор капитализму в ведущих странах удавалось восстановиться. Словно колебания капитализма рождают в ходе его экспансии психологических защитников, оберегающих его во времена коллапса.

В самовосстановлении, однако, нет ничего предопределенного, и те предложения по защите системы, которые ныне в ходу, невольно опираются на мотивации и умения, которые могут быть найдены внутри самой системы и подчинены всем превратностям этой системы.

Разительные контрасты в распределении богатства и дохода, обычные для капиталистических стран, создают постоянные побуждения к атаке на систему, позволяющую им сохраняться. Отсюда ропот недовольства при процветании и громогласный протест во времена невзгод. Для аналитических целей можно отделить проблему стабилизации капитализма от проблемы уравнивания доходов. Вместе с тем ясно, что те, кто получает наибольшие доходы, обычно полагают, что в их корыстных интересах поддерживать практики, объективные результаты которых способствуют нестабильности. Таково внутреннее противоречие в политике плутократии, вскармливаемое капитализмом. Долгосрочные соображения явно диктуют политику уступок, но с помощью каких промежуточных шагов можно добиться достаточной концентрации корыстного и сентиментального интереса? К этому вопросу мы по ходу книги будем время от времени возвращаться.

Поскольку блага обычно находятся в распоряжении правящей элиты, контрэлиты, руководящие массами, должны больше полагаться не на блага или насилие, а на пропаганду. Потенциальную экономическую или боевую силу масс можно сконцентрировать терпеливой и длительной пропагандой.

В какой-то степени всякой революции нужен контроль над благами. Но пока не произошел действительный захват власти, контроль над благами важен не столько в специфически экономическом его аспекте, сколько в символическом, т.е. пропагандистском.

Уход от сотрудничества в потреблении, производстве и других видах коллективной деятельности был основным оружием обездоленных. Иногда бойкот привлекал внимание к условиям, подталкивающим к выгодным для обездоленных действиям. В 1920 г. Международная федерация профсоюзов в Амстердаме призвала бойкотировать венгерские товары, протестуя против репрессивных мер венгерского правительства в отношении рабочих. Итогом стало попадание в мировые новости скрывавшихся ранее сообщений о том, как «белый террор» отплатил тем, кто был связан с «красным террором». В 1909 г. китайцам в Америке удалось выиграть некоторую поддержку за счет бойкотирования американских товаров. Протест был направлен против предположительно плохого обращения с китайцами в Америке.

В каких-то случаях с помощью бойкотов и забастовок цементировались националистические настроения. В 1919 г. китайские националисты устроили бойкот против передачи Циндао Японии. Ранее, в 1905 г., индийцы объявили бойкот британским товарам и начали поощрять отечественное производство. Такие широкие движения несотрудничества, как возглавляемое в последние годы Ганди, могли появиться только там, где практика несотрудничества глубоко укоренена в культуре. В Индии до сих пор сохраняется процедура, когда человек, пострадавший от ближнего, садится перед дверью последнего и морит себя голодом. Самой этой угрозы обычно бывает достаточно, ведь если жертва погибнет, то ее дух, как предполагается, будет вечно досажать обидчику.

Временами возлагались огромные надежды на действенность всеобщей забастовки как инструмента социальной революции. Но, видимо, это оружие ограниченной полезности. Всеобщая забастовка бывала иногда успешной, когда организации трудящихся выступали с требованиями, популярными в каком-нибудь другом классе общества. В 1893 г. бельгийская всеобщая забастовка, с восторгом привечаемая как триумф трудящихся, проходила под лозунгом рас-

ширения избирательного права – требования, которому сочувствовали средние классы. Другие всеобщие забастовки, как, например, в Швеции в 1909 г., ввиду отсутствия поддержки со стороны других классов терпели поражение. Фактически, чем более специфически «пролетарскими» были требования, тем больше общественные ряды смыкались вокруг оборонительных действий против забастовки. Поэтому всеобщая забастовка должна быть либо короткой демонстрационной стачкой, либо обострением крупного революционного кризиса, перехода к насилию, захвата власти. Таков был безошибочно узнаваемый смысл всеобщей забастовки 1926 г. в Великобритании. Бастующие профсоюзы наткнулись на правительственные крики о «гражданской войне», а студенты технических специальностей и иные добровольцы достаточно хорошо управлялись с грузоперевозками и прочими основными службами, чтобы не допустить крайней дезорганизации жизненно важных для сообщества поставок. В 1917 г. всеобщая стачка была полезным оружием на пике кризиса в Москве, хотя при этом была излишней в Петрограде. В 1920 г. Капповский *Putsch* в Берлине, встреченный всеобщей забастовкой, провалился. Но у Капповских авантюристов не было активной поддержки в сообществе в целом.

Пока элита не разрушена и не дискредитирована нарастающей волной безнадежности, рожденной из поражения и депрессии, рационализируемой глашатаями новых растущих социальных образований, она для таких уходов от сотрудничества, как забастовка и бойкот, неуязвима.

На внешнее положение элиты по отношению к соперничающим иностранным элитам, несомненно, всерьез влияет ее контроль над товарами и услугами. Блага – это и мера потенциальной боевой силы, и средство боевой эффективности. Одно из средств успешного ведения войны – управление благами, помогающее сеять недовольство во вражеских народах, завоевывать союзников, сохранять нейтралов и укреплять внутренний моральный дух. Во времена кризиса на чашу весов кладутся все ресурсы сообщества, и тут на пользу идет единое чрезвычайное управление.

Во время Мировой войны Центральные державы медленно удушались блокадой со стороны Союзников. Блокада отсекала поставки каучука, олова, хлопка, меди, смазочных масел и жиров. Дефицит лишь частично погашался суррогатами. Вместо смазочных масел из нефти стали применять масла, получаемые путем перегонки каменноугольной смолы; постоянно менялись продукты питания и одежда. Но нарастающий дефицит, подобно ползучему

параличу, подрывал физическую выносливость и моральный дух населения.

Насколько богатые державы были способны помочь своим союзникам, видно из следующих цифр (см. таблицу).

Займы, выданные Великобританией	8 770 000 000 долл.
Займы, выданные Францией	2 817 000 000 долл.
Займы, выданные Соединенными Штатами	9 523 000 000 долл.
Займы, выданные Германией	2 047 000 000 долл.
Итого (включая другие страны)	23 660 000 000 долл.

В соперничестве между элитами в мирное время контроль над благами почти так же важен, как и во время войны. На протяжении XVII–XVIII вв. теории и политики, связанные с меркантилизмом, оборачивались введением в отношении продукции враждебных стран дискриминационных таможенных пошлин и запретов. Мирные договоры часто дополняли или сопровождали тарифными соглашениями, предусматривающими упразднение таможенных запретов, отказ от пошлин и иногда установление режима наибольшего благоприятствования. Дружественные державы были привязаны друг к другу преференциальными тарифами, что отчетливо видно в случае Метуэнского договора 1703 г. между Англией и Португалией.

Джейкоб Вайнер пришел к выводу, что в XIX в. связь между тарифной политикой и дипломатией ослабла, хотя тарифы продолжали использоваться как средство оказания давления. Один из длительных споров между Италией и Францией не утихал с 1888 до 1899 г. После Мировой войны тенденция к самодостаточности привела к общему принятию экспортного и импортного лицензирования и установлению квотных требований. Дискриминация может фактически практиковаться даже в обход правовых обязательств с помощью произвольной оценки стоимости товаров для таможенных целей, бойкота товаров зарубежного производства в государственных закупках и контрактах, наложения эмбарго на ввоз продуктов животноводства и плодоовощной продукции под прикрытием санитарных норм, введения льготных расценок на транспортировку для товаров отечественного производства и с помощью прочих подобных средств.

В какой-то степени соображения боевой эффективности регулировали поток инвестиций в зарубежные страны. До Мировой войны, однако, на британские инвестиции за рубежом такие сооб-

ражения влияли сравнительно мало. На 1914 г. эти инвестиции оценивались в 20 млрд долл., или около четверти национального богатства Великобритании, составляя крупнейшую часть мирового экспортного капитала. Там, где остро ощущалось состояние международной нестабильности, например во Франции, калькуляции боевой эффективности влияли на распределение зарубежных займов. В 1914 г. французские зарубежные инвестиции составляли в сумме 3,7 млрд долл., или 15% национального богатства. Они были в большей мере сконцентрированы в правительственных и муниципальных облигациях, чем британские; те чаще направлялись в частные предприятия. Мельхиор Палий отмечает, что около половины зарубежных инвестиций Франции приходилось на страны, которые были союзниками Франции в Мировой войне или от которых ожидалось вхождение в их число. Около трети зарубежных инвестиций Франции были потеряны в результате отказов платить по долгам и других обстоятельств, связанных с Мировой войной. Английский капитал за рубежом сократился примерно на четверть, в основном вследствие возврата американских ценных бумаг.

Многие из сделок, сопровождающих движение капитала поверх национальных границ, оказывают особое влияние на кредитующую страну. Уступки, или специальные привилегии, варьируют в диапазоне от налоговых льгот и соглашений о трате поступлений от займов в кредитующей стране до передачи военного, дипломатического и фискального контроля гражданам или правительству кредитующей страны. Эти средства проникновения чаще всего применяются там, где заимствующая страна не обладает технологией западноевропейской цивилизации, где ее правительство неустойчиво и где иностранные облигации напрямую принимает заимствующее правительство. Экономическое проникновение зависит от наличия относительных излишков капитала для осуществления инвестиций. Поскольку довоенная Россия была единственной слабо индустриализированной среди великих держав, ее земельная аристократия предпочитала экономическому проникновению прямую аннексию, примерно так же, как землевладельцы многих южных штатов до 1861 г. стремились расширить Соединенные Штаты на юго-запад.

Мировая война, напомним, разрушила мировое разделение труда и поставила на его место две самодостаточные, или «автаркические», системы: одну из них составляли Центральные державы, другую – Антанта. Экспансия мирового рынка породила конфликты, которые увели стремление к прибыли на задний план,

выведа на передний план соображения боевой эффективности. Отсюда поиски неуязвимости: каждое государство стремится достичь экономической самодостаточности путем сохранения контроля над собственными центрами производства железа, стали и продуктов питания. Разделенная и ослабленная Европа в какой-то мере уменьшила давление на менее коммерциализированные и индустриализированные народы. Это открыло новые возможности для экспансии сильных государств, расположенных вдали от Европы (таких как Япония). Вместо расширения мировой экономики мы получили скопления сжимающихся локальных экономик. Понижившиеся жизненные стандарты обостряют нестабильность; повышенная нестабильность несет угрозу традиционной системе и элитам, извлекающим из нее выгоду. Затяжной кризис ставит под угрозу присущую капитализму дуалистическую систему частной и государственной иерархий. Крупному бизнесу и финансовым элитам грозят с одной стороны агитаторы, искусные в управлении массами, с другой – милитаристы, чтущие со всей непреклонностью славу, а не прибыль.

Осаждаемые опасностью изнутри и извне, элиты данного сообщества прибегают к маятниковой политике: то к централизованному контролю над первоочередными благами и услугами, то к децентрализованному, то к нормированию, то к ценообразованию; то стимулируют, то принуждают, то отвлекают. Конкурирующие элиты, сдерживаемые сосредоточением благ и услуг в руках установленных элит, практикуют уход от сотрудничества как средство повышения воли к власти среди недовольных.

Глава 5

ПРАКТИКИ

Возвышение любой элиты зависит отчасти от успешности тех практик, которые она принимает. Эти процедуры включают все способы, с помощью которых элиты рекрутируются и обучаются, все формы, наблюдающиеся в выработке политики и управлении. В конституции, писаной или неписаной, воплощаются практики, считающиеся наиболее основополагающими для государственного и социального порядка. Конституционализм – это особое отношение к действительности письменного слова, или, как

говорит Уолтон Х. Гамильтон, «имя, даваемое доверию, которое люди возлагают на способность слов, запечатленных на пергаменте, держать правительство в узде».

Поскольку практики – сменные детали внутри меняющегося целого, то установленная элита может использовать их для защиты себя с помощью катарсиса или переналадки. Катарсису, являющему собой безвредный сброс напряжения, могут помочь такие скромные средства, как акт проявления заботы о скорбящих. Правитель поступает мудро, когда со всем вниманием подходит к катастрофам сообщества и выражает своевременное и искреннее сочувствие к уцелевшим. Будь то землетрясение, наводнение, ураган, засуха или эпидемия, во всех случаях возникающая беззащитность потенциально опасна для социального порядка. Поэтому нельзя дать разрастись язве обиды в тихой печали одиночества. Жесты соболезнования плюс хлеб гораздо могущественнее одного только хлеба. Безопаснее экономить на хлебе, чем на соболезнованиях.

Стремясь защититься с помощью катарсиса и небольшой переналадки, установленный порядок может опереться на перегруппировку собственных деталей. В XIX–XX вв. капиталистические нации избегали революционного хаоса при помощи мелких модификаций институционального порядка. В какой-то степени внимание от основополагающей системы собственности отвлекали средства демократизации и просвещения. Недовольство уходило в крестовые походы за всеобщее избирательное право, пропорциональное представительство и бесплатное государственное образование. Буржуазная революция уничтожала недемократические формы избирательного права не одним махом, а используя длинную серию ударов.

Поражения в правовом статусе постепенно ликвидировались за счет пыла и энергии крестовых походов. Освобождение негров, находившихся в рабстве у белых, начавшись в британских колониях в 1833 г., завершилось только с принятием Золотого закона в Бразилии в 1888 г. В африканских сферах влияния великих держав сохранялось терпимое отношение к формам домашнего рабства, но перевозка рабов в Брюссельской конвенции 1890 г. была объявлена незаконной. Среди западных наций только довоенная Россия делила свой народ на классы, имевшие разный правовой статус (дворянство, духовенство, граждане, крестьяне, не говоря уже об азиатах и евреях). В Германии последние следы правовых ущемлений крестьян исчезли только в 1867 г. Благодаря взаимному признанию законов и договорам большинство современных наций

пришли к наделению иностранцев практически такой же гражданской дееспособностью, что и граждан.

Приблизительно с 1840 г. законодательной реформой в Америке начало устраняться бесправие жены в брачном союзе, а вслед за Америкой, примерно в 1870 г., к этому приступила и Англия. Личный контроль отца над ребенком был урезан, начиная с введения уголовного наказания за жестокое обращение. Дрейф эпохи задавался свободой мнений в религии, искусстве, литературе и науке.

Основополагающую систему собственности защищало также отведение недовольства в споры вокруг законов о роскоши. Социальная программа буржуазной революции была не только негативной, в смысле упразднения ограничений, накладываемых на рынок, но и позитивной, в смысле перевода внимания на возможность формирования буржуазного стиля жизни при помощи законодательных запретов. Народные массы, борясь за материальное благополучие, культивировали свойственные «среднему классу» добродетели трудолюбия и семейного благочестия, и по мере развития демократии законодательная политика становилась все агрессивнее по отношению к таким разлагающим влияниям, как азартные игры, пьянство и порок.

Поскольку выведение азартных игр, пьянства и проституции за рамки закона не уничтожало спрос, главным следствием запретительных законов было оставление без правовой защиты некоторых деловых предприятий. Они были вынуждены обзаводиться собственными средствами защиты своих инвестиций и обеспечения договоров; поэтому они стали платить гангстерам и политическим покровителям. В Соединенных Штатах, где государственное управление децентрализовано и мало прямого контроля над городской и локальной жизнью со стороны государства, сложившаяся административная расхлябанность часто порождает «волны реформ».

Другим вентилем безопасности для отвода недовольств от системы собственности на что-то иное были религиозные возрождения. Английский ревивализм начался в 1743 г. с Уэсли. Переживания массовых эмоций и практика совместных собраний и в какой-то степени действий имели некоторое значение для оформления рабочего движения. Внимание при этом отводилось от секулярных символов реформы и революции. Волны таких возрождений захлестнули с 1814 до 1836 г. Германию, взывая к новому городскому пролетариату и мобилизуя его на некое подобие коллективного действия. В такие депрессивные годы, как 1837 и

1853, Соединенные Штаты стали сценой для множества интенсивных евангелических кампаний в городах, где было больше всего страданий.

Когда практической политикой стала критика капиталистического индивидуализма, уступки приняли форму «социального законодательства». Деньги уже тратились на обеспечение образовательных возможностей молодежи, но «социальное законодательство» расширило сферу ответственности государства, и оно взяло на себя часть бремени в заботе о престарелых, инвалидах и умственно отсталых. Многие последствия индустриализма шокировали чувства влиятельных групп общества; кроме того, были опасения, что некоторые влияния подрывают военную эффективность масс, а также их промышленную эффективность.

Страх перед монополией приводил к требованиям государственной собственности и правительственного вмешательства или, по крайней мере, регулирования. Вскоре влиятельные деловые группы выяснили, что мало что теряют от деятельности регулирующих комиссий. Во многих случаях регулирующим комиссиям штатов отдавалось предпочтение перед местными и общенациональными органами. Контрольные комиссии штатов уменьшали число контролируемых властей и в то же время сохраняли достаточно много агентств, чтобы препятствовать всякой попытке использовать государство для действенного обобществления. Такие комиссии были бастионами защиты от массового раздражения и локального вымогательства. Штат как «арбитра конкуренции» можно было заставить страдать близорукостью.

Набегающие волны недовольства, однако, продолжались и размывали насыпи, возведенные для защиты установленных распределений собственности. Во время депрессий боевые ряды все больше и больше выстраивались вокруг лозунгов и средств базового социального протеста. Во многих местах запас уступок, которым располагало демократическое правительство, подходил к истощению. Новое разочарование демократией выражалось в более острой критике парламента, «простого легализма» старого Билля о правах, а также «реальности» демократии.

Рассмотрев в ретроспективе трансформации XIX в., А.В. Дайси пришел к выводу, что критика демократических институтов означала изменение задачи демократии. Вначале ее целью было разрушение; все были едины в упразднении старых ограничений. Теперь разрушительная задача демократии была выполнена. Она вошла в конструктивную фазу, но было мало единства в нахождении позитивных целей.

Диагностировать ситуацию можно было и другим способом, сказав, что возможности демократии в защите капитализма были близки к исчерпанию. Формы демократического парламентаризма в глазах масс обесценивались; те больше настаивали на использовании демократии в целях обобществления. Демократические практики, следовательно, больше не могли оберегать осажденный капитализм во времена повторяющихся кризисов недовольства. Отсюда предсказывалось, что вскоре капитализм откажется от демократии и сделает ставку на диктатуру.

В каждом новом революционном паттерне есть обширный репертуар мелких изменений, которые могут быть осуществлены с целью справиться с незащищенностью населения. Это было верно для буржуазной революции и так же верно для революции в России. В катаклизме 1917 г. фундаментальные отношения собственности были изменены, а два основных социальных образования – земельная аристократия и частная плутократия – полностью ликвидированы. Теперь организованная жизнь подверглась огосударствлению, и подручные средства для погашения потенциального недовольства бесчисленны. Такая единая иерархия, пока в ней сохраняется компетентное центральное руководство, может отводить от себя враждебные чувства, переходя, по мере необходимости, от нормирования потребления к установлению цен и наоборот. Она может являть себя сообществу во все время меняющихся формах, организуя, консолидируя, уничтожая, насильно переименовая. Различия в денежных доходах, некогда столь большие при частнособственническом капитализме, могут перестраиваться в тысячи мелких градаций, чтобы стимулировать максимум индивидуальных усилий и усилий небольших групп. Многочисленные формы почетных отличий могут изобретаться, а потом отбрасываться, когда к ним прирастает клеймо.

Разумеется, бесполезно рассматривать ту или иную практику в отрыве от основных особенностей контекста, в котором она работает. Сохранению элиты способствует разумное сочетание эффективности и приемлемости. Опасно жертвовать приемлемостью ради эффективности; и в такой же мере опасно позволять сиюминутным соображениям приемлемости скрывать от глаз долговременные опасности тех или иных форм неэффективности.

Суждения обо всех традиционных паттернах формирования политики и управления требуют постоянного пересмотра в свете целей, которым они служат в меняющихся обстоятельствах. Риски чрезмерного подчеркивания соседствуют с рисками недостаточного

подчеркивания, какой бы паттерн ни брался: диктатура или демократия, централизация или децентрализация, концентрация или дисперсия, функциональная универсализация или ограниченность, послушание или оригинальность, пристрастность или объективность.

Кризис требует диктатуры, централизации, концентрации, послушания и пристрастности. Межкризисное состояние допускает уступки в сторону демократии, децентрализации, дисперсии, оригинальности и объективности.

Как только у недавно утвердившейся элиты появляется резонная уверенность в сравнительно общей поддержке, она может позволить себе пойти на демократизацию основы господства и использовать послабления и ограничения как фишки в азартной игре катарсиса и переналадки. Члены любой успешной революционной партии хотят единения с друзьями ради безопасности и влияния внутри партии, и есть члены сообщества, ищущие привилегий, идущих от принадлежности к новой «аристократии». Поэтому партия разбавляется недостаточно индоктринированными членами, которые склонны осуществлять влияние в пользу примиренческой и выжидательной политики. Это вызывает тревогу у «твердолобых» фундаменталистов боевой революционной партии и обостряет противоречие между «ортодоксами» и «умеренными». Люди, стоящие на вершине партийной пирамиды, могут извлекать пользу из этого противоречия, объявляя то один, то другой элемент партии ответственным за любые недавние поражения. Отсюда знаменитые «чистки», вычеркивающие из партийных рядов «колеблющихся» и «непримиримых». Затем процесс «обрастания наносами» начинается снова. Роберт Михельс назвал расширение и сжатие революционных партий «аккордеонным ритмом». Когда возрастает общее ощущение безопасности, утверждается тенденция к демократизации.

Хотя в кризисы, когда своевременное решительное действие надежнее слабой координации и отсрочек, нужна централизация, последняя имеет печально известные недостатки. Для того чтобы смягчить бюрократические последствия крупной централизации, власти в Советском Союзе поощряют использование множества инструментов массовой критики. На заводах и в клубах готовят стенгазеты, а письма крестьян вентилируют потоки жалоб и стимулируют инициативу. Очевидно между тем, что массовая критика может поощряться только тогда, когда элита чувствует себя достаточно уверенно.

Для поддержания информированности элиты об изменчивых волнах недовольства применяются современные средства «измерения установок». Данные тщательно табулируются в «схемы морального духа» для выявления спор неудовлетворенности и несотрудничества.

Изобретение ряда технических средств дало возможность сравнивать результаты административных усилий и стимулировать честность и соревнование. Сидней и Беатрис Уэббы отмечали, что в начале XIX столетия деятельность правительства в Великобритании, шла ли речь о национальном или о локальном правительстве, была насквозь пропитана «фаворитизмом, коррупцией и откровенным казнокрадством». От этого по большей части избавились за счет внедрения аудита – инструмента, которому едва сто лет от роду. Практика проверки специальным классом независимых экспертов денежных операций всех государственных чиновников повышала общие стандарты честности не меньше, чем щепетильность в делах, и показала, как «привычки человеческой природы» можно менять в широких масштабах.

Когда кризис идет на спад, правительства могут децентрализоваться. Важно, однако, проводить децентрализацию так, чтобы центральные органы могли законным образом возобновить контроль, когда в будущем возникнут чрезвычайные обстоятельства. В этом великое техническое преимущество практики передачи власти, которая наделяет подчиненные органы широкими полномочиями, сопровождая это особыми оговорками и возможностью их отзыва в будущем. Некоторые «хартии самоуправления» в американских городских сообществах демонстрируют подлинную передачу власти. Однако сфера действия этого принципа в стране в целом ограничена федеральной практикой, делегирующей особую и ограниченную власть центральному органу. Будучи необходимой уступкой приемлемости, сделанной во времена, когда составлялся проект федеральной конституции, она часто перекрывала путь к эффективности. Для уважения к конституционности вредно, когда формальные барьеры слишком высоки для своевременной централизации во времена кризисов.

С целесообразной степенью централизации тесно связана проблема организации общественной власти в законодательных собраниях или в ассамблеях. В таких странах, как Соединенные Штаты, в некоторой степени избавленных от страха перед нападением внешнего врага, законодательные органы были инструментом скорее регионального торга, чем выработки национальной по-

литики. Очевидно, разумеется, что любая национальная политика предполагает учет интересов и чувств разных компонентов нации. Однако законодательные органы создают материальные и сентиментальные интересы, уводящие национальную политику в сторону лоскутного одеяла, а не мозаики. Локальный законодатель часто посвящает себя продавливанию районных проектов через удивительные торги по национальным вопросам.

Такие последствия не связаны непременно только с законодательными органами. В Великобритании, например, сложился уникально тонкий свод пониманий, делающий возможной замену действующей исполнительной власти (кабинета) только после всеобщих выборов. Изобретены специальные процедуры, направляющие локальные вопросы по каналам, интегрирующим их в рамках национальной политики. Для современных правительств между тем, вероятно, целесообразно минимизировать эффект межлокального торга, делясь властью с ассамблеями, а не с законодательными органами.

Так, Советский Союз пользуется ассамблеей, а не законодательным органом. Ассамблея (съезд) состоит из множества делегатов, собирается на короткое время, заслушивает обширные доклады и обсуждения по разным вопросам, выражает себя, особенно путем выбора постоянно действующего комитета, и расходится. Такая ассамблея – важный инструмент обеспечения принятия политических программ центральной исполнительной власти. Но не нужно думать, что тональность ассамблеи не оказывает влияния на людей в центре.

Несомненно, будет много попыток расширить влияние ассамблеи и превратить ее в орган, осуществляющий такой же детальный надзор над проводимой политикой и управлением в Советском Союзе, какого добились во многих других странах законодательные органы. Однако сомнительно, что в обозримом будущем власть ассамблеи в Советском Союзе ощутимо возрастет, ибо призрак внешней угрозы никуда не делся и в централизации содержится готовность ей противостоять.

Есть много способов, помимо формальной централизации, с помощью которых можно добиться единого действия. «Финансовая поддержка» дает локальным властям ощутимый стимул соответствовать заданным из центра стандартам. Инструмент правительственного бюджета вынуждает принимать в расчет совокупное общее предприятие. Как разговор о планировании, так и его практика фо-

кусируют внимание на определенных целях и принуждают к обоснованию локальных требований в терминах общей выгоды.

Кризисы делают мудрой не только централизацию, но и концентрацию власти. В ходе ожесточенных противостояний 1917–1921 гг. в России влияние все больше концентрировалось в Коммунистической партии в ущерб силам, которые с ней соперничали. Соперничающим партиям поначалу позволялось существовать, но по мере того как Коммунистическая партия устанавливала монополию на легальность, они были ликвидированы. Другие влиятельные организации, вроде армии, профсоюзов и кооперативов, были все подчинены партии. То, что решительная, хотя и поэтапная ликвидация организованных узлов актуальной или потенциальной оппозиции существенна для диктатуры, было глубоко усвоено из русского опыта Муссолини и Гитлером. Гитлер действовал стремительно. 2 мая 1933 г. старых профсоюзных функционеров Германии сбросили с их постов, их здания и имущество захватили, а членов профсоюзов влили в специальную организацию Национал-социалистической партии. В течение еще нескольких дней были разгромлены все политические партии. Одновременно из государственных служб «вычистили» враждебные элементы, и построение «тоталитарного» государства почти завершилось.

Когда кризис в Советском Союзе идет на спад, политический комитет Коммунистической партии в действительной практике способен делиться большей властью с условно подчиненными органами. Инициатива может позволяться большему числу центров и уже не так узко направляться через главный партийный канал. Вместе с тем комитет, несомненно, будет и далее интегрировать жизнь всего Союза всякий раз, когда правящую элиту будут воодушевлять ощущение угрозы или шанс на экспансию.

В Соединенных Штатах такая концентрация затруднена ввиду системы «сдержек и противовесов», выстроенной под влиянием некоторых толкований британской конституции и законов механики. В минуты крайней нужды, когда нация требует действия, президентство может затмевать две равноценные ветви власти, Конгресс и суд. Но когда угрозы идут на спад, президент должен опираться главным образом на покровительственную способность поддерживать дисциплину ради осуществления национальной политики, о чем нам напомнил недавно У.Я. Эллиот. Президент не может заставить законодателей дрожать за свои места, когда речь идет о вопросах чрезвычайной национальной важности, к чему всегда может прибегнуть как к альтернативе британский кабинет

министров. Вопрос в том, в какой степени конфликты между несколькими ветвями федерального правительства ведут к дискредитации способности демократического правительства решительно действовать ради коллективной выгоды. Таким образом, и здесь уважение к конституционности может пострадать от своей очевидной роли в удушении действия.

В межкризисные периоды, особенно в современных цивилизованных сообществах, где организованные деятельности играют решающую роль, власть может распределяться по функциональным линиям. В Соединенных Штатах функциональные интересы довольно прямо выражены через сотни специальных организаций, базирующихся в Вашингтоне или Нью-Йорке и управляющих лоббистским воздействием на чиновников и пропагандистским воздействием на избирателей. Эта «третья палата конгресса» легализована, по крайней мере номинально, в институциональном плане «советских» и «корпоративных» государств. В Советском Союзе, Италии и Германии кризис был столь непрерывным, что функциональное распределение власти развилось очень слабо. Опыт республиканской Германии, связанный с Экономическим консультативным советом, ясно показал, что в политических вопросах функциональный орган дублирует территориальный, т.е. что он лишний, поскольку в технических вопросах достаточно бывает небольших административных консультативных комиссий. Если бы территориальный законодательный орган заменили законодательным органом, отобранным на функциональной основе, то в координации по политическим вопросам не произошло бы никаких изменений.

Во времена кризисов элиты ценят послушание, а не оригинальность. Переживая все муки внутренней неуверенности, правители жаждут обнадеживающих тональностей почтительной координации. Но послушание зачастую заметно сдерживает инициативу и эффективность. Когда режимы меньше боятся потери своих позиций, они благоразумно терпят некоторый недостаток пиетета в интересах оригинальности и изобретательности.

Само собой разумеется, что во времена кризисов элита благоразумно рекрутирует управленцев и других агентов, ориентируясь прежде всего на пристрастность и только потом на объективность. Благосклонная к элите пристрастность вскармливает в элите самоуверенность. Но в пристрастности, как и в покорности, есть своя ограниченность. Искусство демонстраций лояльности может стать более развитым, чем искусство стрельбы, отчетности или поддер-

жания дисциплины. Объективность ценна сама по себе, поскольку пресекает поползновения к искажению реальности. Объективность – или, по крайней мере, видимость объективности – особенно полезна в судах и в квазисудебных трибуналах.

Объективности может содействовать множество процедурных средств, нацеленных на сдерживание быстрого перехода импульса в действие. Так, свидетельства, представляемые в суде, могут быть подчинены сложным правилам включения и исключения. В судах и законодательных собраниях могут требоваться определенные тональности голоса и формы обращения. Функция председателя может состоять в защите интересов всех, кто желает высказаться, и недопущении превращения дискуссионной группы в толпу.

С рядом особых проблем сталкиваются революционные контрэлиты. В целом их задача состоит в том, чтобы направлять мятежные импульсы момента в каналы действия, придающие постоянство и силу протесту.

Современная революционная стратегия исходит из того, что надежная процедура требует подготовки корпуса профессиональных революционеров, способных воспользоваться революционными возможностями. Вместе с тем трудно установить, насколько благоразумно будет опираться на массовую организацию или прежде всего на небольшие группы, специализирующиеся на использовании символов массовых чаяний.

В середине XIX в. организации, провозглашавшие революционные цели, были агитационно-конспиративными, а потому небольшими. Позднее организации, выступавшие за пролетарскую революцию, часто вырастали в своей численности до многих миллионов человек. Германия и Австрия стали сценой для социал-демократических движений, соперничающих в структурной сложности с самим капитализмом. В таких организациях и суборганизациях развивались сложные бюрократии, обычно избавленные при выполнении своих обязанностей от физической опасности. Они мирно издавали печатную продукцию, ораторствовали, организовывали.

Когда социализм объявлял опасность, как в России, на передний план выходили агитационно-конспиративные методы. Это не означало, что мелкие конспиративные ячейки несли на себе основной груз революционной борьбы и совершали акты индивидуального террора. Выстраивались довольно внушительные организации, но они ограничивались закаленными бойцами, готовыми к опасностям протеста. Гигантским членским структурам повсюду

недоставало боевого задора. Огромный труд, заключенный во внутреннем управлении этими сложными организациями, замыкал энергию внутри такой организации на мелкой рутине и церемониях. Олигархические тенденции, описанные Робертом Михельсом, производили бездуховную мерзость, когда бил час открывшейся возможности. Массовой организации было явно слишком много в соотношении с массовыми чаяниями.

Действуя из победившего центра революции, Третий Интернационал пытался подчинить национальные инициативы решениям центральной иерархии, остававшейся под русским влиянием. Поскольку основное революционное движение развивается не как локальное движение протеста, а как общее, то элита, приходящая к власти, уверена в моральной поддержке из-за рубежа. Русскую элиту спасало сочувственное сотрудничество масс и массовых организаций, угрозы революции со стороны которых сдерживали враждебные действия установленных правительств. Так, Великобритания не могла оказать неограниченную помощь Польше в борьбе с Россией и белым генералам, воюющим против Советов, так как британским государственным деятелям постоянно препятствовали в этом британские рабочие.

Третий Интернационал пытался кристаллизовать всю эту симпатию в центральной организации, в которой фактически управляла русская группа. Это ставило лидеров всех зарубежных пролетарских организаций под разрушительный перекрестный огонь. Если они поддерживали «зарубежные» символы классовой войны, то это открывало их для сокрушительной атаки со стороны ораторов среднего класса, плутократии и аристократии, обвинявших их в антипатриотической и антинациональной позиции. Но если они так и не подчинялись Третьему Интернационалу, то это открывало их для нападков со стороны наиболее динамичных и нетерпеливых элементов внутри рабочего класса.

Даже формальное членство в Третьем Интернационале не смягчало кризис. Те меры, которых требовала высокоцентрализованная организация в Москве, зачастую казались гораздо больше пригодными для обслуживания дипломатических нужд нового режима, чем для продвижения дела социалистической революции. Местные коммунисты были уязвимы перед насмешками, сводившимися к тому, что они «иностранный легион России», а вовсе не авангард социалистической революции.

Внутренние кризисы германского коммунизма в самой острой форме выражали эти противоречивые тенденции. В 1919 г.

произошел раскол по вопросам о профсоюзной политике, парламентаризме и русской диктатуре. В 1921 г. пришел кризис Леви после неудачных «мартовских дней». В 1923 г. поражения в Саксонии и Тюрингии привели к изгнанию группы Брандлера и формированию коммунистической оппозиции. В 1925 г. еще один раскол положил конец «ультралевой» эре Рут Фишер и Маслова. История являет нам много острых разногласий по поводу отдельных индивидов и тактик, не приводивших к серьезным расколам. Предпринимались попытки разгромить социал-демократов путем образования соперничающих партий, профсоюзов, боевых и молодежных организаций. Явно не предвиделось, что прежде чем социал-демократию удастся деморализовать, защитные меры установленного порядка найдут выражение в движении, которое обезглавит одновременно и коммунистов, и социал-демократов. Сверхцентрализованный Третий Интернационал, находясь под контролем русского правительства и действуя, как предполагалось, в интересах революции, воплощенной именно в нем, расколол массы в пользу фашизма.

Отсюда следует вывод, что когда подлинно революционные движения где-либо захватывают власть, благоразумно ослабить контроль из центра и позволить зарубежным революционным процессам вызреть по отдельным национальным траекториям.

Для элит и контрэлит одинаково благоразумно избегать чрезмерной преданности специфическим средствам. Приливы и отливы коллективной незащищенности угрожают всему, что *окажется* в немилости; и что бы ни приходило взамен, оно тоже со временем дискредитируется.

ЧАСТЬ III. РЕЗУЛЬТАТЫ

Глава 6

НАВЫКИ И МАСТЕРСТВО

Политический анализ интересуют не только методы, с помощью которых влиятельные оберегаются или замещаются. Его интересуют также характеристики тех, кто добивается таких цен-

ностей, как авторитет, безопасность, доход. Одной из сторон этого вопроса является распределение ценностей между теми, кто представляет разные виды навыков и мастерства.

Навыки – это поддающиеся передаче и изучению операции. Они включают технику обращения с вещами или символами вещей (навыки работников физического труда или инженеров), технику обращения с церемониальными символами, а также техники насилия, организации, торга, пропаганды, анализа.

Ясно, что ремесленники и все, кто занимается полуквалифицированной работой, связанной с более простыми физическими трудовыми операциями, редко достигают видного положения. Выборы 1919 г. в германский Рейхстаг совпали с острым социальным кризисом, и волна сместилась «влево». Тем не менее среди депутатов нового Рейхстага лишь 2,4% были «рабочими», 2,1% – «лицами наемного труда» и 1,9% – «ремесленниками». Общая сумма для работников физического труда составила, таким образом, 6,4%, что было примечательно схоже с ситуацией в Рейхстаге 1912 г. Тогда «рабочие» составляли 0,5% от общего числа депутатов, «лица наемного труда» – 1,8%, а «ремесленники» – 2,5%, и общая сумма была равна 4,8%.

Земледельцы почти всегда недопредставлены в соотношении со своей численностью. Исключения отмечаются главным образом там, где сельское хозяйство ведется по системе, превращающей номинального фермера или землевладельца из работника, обращающегося с вещами, в администратора, управляющего людьми. Мелкие сельскохозяйственные сообщества склонны к тому, чтобы их представляли юристы или иные специалисты по обращению с людьми с помощью символов.

Примечательно, что инженерное мастерство, занимающее столь видное место в нашем обществе, редко приносило выдающиеся посты. Народными героями редко становились инженеры или ученые-естествоиспытатели. Это остается верным несмотря на все возможности, возникшие в силу применения механической, электрической и химической энергии в производственных целях. Возникли совершенно новые специализации, связанные с химией, электричеством, авионавтикой, газом, паром и радио; старые же инженерные отрасли существенно модифицировались. Сенсационный избыток новых приспособлений иногда прячет от глаз долгую историю специализации на обращении с природой. Здесь можно напомнить о достижениях египтян, вавилонян и китайцев в прокладке военных дорог, строительстве тоннелей и мостов, в воз-

ведении фортификационных сооружений со стенами, башнями, воротами и рвами, в планировке городов и обеспечении их водопроводными и канализационными системами. Гавани оснащались маяками, углубленными фарватерами, волнорезами, причалами, складами, кранами, лебедками и водопроводами. Масштабные работы по мелиорации земель требовали дамб, ирригации и дренажа. На руинах цивилизаций, процветавших некогда в Центральной Америке и других местах, обнаруживаются храмы, святилища, памятники и другие общественные сооружения и частные здания.

Инженеры были столь погружены в удовлетворение, доставляемое их призванием, что были начисто избавлены от внешнего профессионального империализма. Они редко артикулировали требования контроля над высокой политикой и администрированием, редко взывали к поддержке масс во имя какой-то лестной идеологии. В Соединенных Штатах с самой продуманной аргументацией в пользу инженера выступил вовсе не инженер, а экономист Торстейн Веблен. В книге «Инженеры и система цен»¹ Веблен предъявил обвинение хищным капитанам промышленности и предложил такую систему экономической организации, в которой производством и распределением ведали бы инженеры. Термин «инженер», однако, был определен так широко, что вышел далеко за рамки привычного смысла этого слова. Наибольшее приближение к массовому движению было в пользу «технократии», и оно достигло недолгого пика славы во время Великой депрессии после 1929 г. Слово «технократия» было во многих отношениях очень удачным; оно избежало доктринерских импликаций «изма» и капитализировало престиж, заложенный в терминах «технология» и «демократия».

Инженерное обвинение доминирующей системы строится в терминах расточительства, а путь к утопии изобилия видится в опоре на научное управление. Исследования расточительства, проводившиеся в Соединенных Штатах Тейлоровским обществом, – предвестники будущего, в котором инженеры смогут подняться к большему осознанию своего мастерства.

Теми, кто специализируется не столько на управлении вещами, сколько на управлении символами вещей, являются ученые-

---

¹ Veblen T. The Engineers and the Price System. – New York : B.W. Huebsch, 1921. Рус. пер.: Веблен Т.Б. Инженеры и ценовая система [текст] / пер. с англ. И. Кошкина ; под науч. ред. А. Смирнова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.

естествоиспытатели. Они страдают от беспомощности инженеров в достижении высших авторитетных постов. Правда, Пенлеве был математиком и успешным парламентарием, Де Валера – математиком и ирландским националистом, а Вейцман – химиком и сионистом; но это исключения, а не типичные случаи.

Врач являет нам интересную комбинацию навыков и умений, так как осваивает в значительном объеме физическую технику, но не может всецело пренебречь межличностными факторами. Хотя практика лечения вводит практика в тесный контакт с людьми, лишь немногие врачи возвышались до заметного положения в современной общественной жизни. То, что Клемансо в юности был врачом, мало связано с его финальной карьерой. В небольших сообществах, где профессиональное образование могут считать багажом, позволяющим индивиду сражаться на равных с «городскими пройдохами», врачи могут пользоваться авторитетом в коллективных движениях. Но даже так оказывается необычно, если мы обнаруживаем столько врачей, сколько их заседает в ирландском Дойле и ирландском Сенате (14 из 213 членов). В отдельных случаях врач какого-нибудь влиятельного короля или диктатора завоевывал доверие своего клиента и патрона. Когда знание было менее дифференцированным, чем сегодня, люди, о которых сообщается, что они изучали медицину, чаще добивались дипломатических и административных отличий. Но не всегда можно с точностью выяснить, что именно они изучали под именем медицины.

В целом представляется резонным придерживаться той точки зрения, что герои и стоящие за сценой влиятельные фигуры обычно рекрутируются из тех, кто специализируется на управлении людьми, а не на управлении вещами. Контроль над поведением – существенное умение, даже когда оно связано со сложным техническим мастерством в инженерии или физической науке.

О роли навыков насилия в кругу героев человечества вряд ли нужно и говорить. Воины, между тем, часто на протяжении долгих периодов времени обесценивались. Западноевропейская цивилизация придавала очень большое значение накоплению собственности, на фоне чего престиж воинов упал. В Китае низкое мнение о военных вошло в поговорку.

Но специалисты по насилию получают новые шансы на жизнь, когда разгораются внутренние и внешние кризисы. Примечательно, что каждая война или революция оставляет после себя наследие военных персонажей. Вдобавок к генералу Джорджу Вашингтону, список кандидатов в президенты Соединенных Штатов,

имевших в своем досье военное происхождение, включает Джексона, Гаррисона, Тейлора, Скотта, Макклеллана, Гранта, Хейса, Гарфилда, Хэнкока, Гаррисона, Мак-Кинли, Теодора Рузвельта.

В некоторых обществах путь к видному положению пролегал не через военное дело, а через церемонию, как, например, у зуни на американском Юго-Западе. В любом обществе самыми удивительными примерами тех, кто держится на плаву с помощью символов, являются люди, посвящающие себя церемонии. Подлинный церемониальный акт, в том смысле, в каком здесь понимается этот термин, – это акт, заключающий в себе минимум изменения во внешних общинных взаимосвязях и предположительно приносящий благо сообществу в целом. Подлинной церемонией в этом смысле будет, например, исполнение танца, который предположительно защищает плодородие почвы и рост хлебов. Подобного рода танец производит минимальное изменение во внешних взаимосвязях и является актом, который мы называем «социально интернализированным». Такому интернализированному акту можно противопоставить акт судебного состязания между двумя претендентами на собственность или акт совместного участия в набеге на соседнее сообщество. Последние изменяют внешние связи. Они «социально экстернализованы».

В большинстве сообществ есть люди, которые приобретают влияние и зарабатывают на жизнь за счет специализации на подлинных церемониях. Некоторые аскеты проводят время в отшельничестве и молитве, получая за это от окружающих выражения почтения и разного рода дары. Некоторые священники проводят время в уединении или в осуществлении ритуально предписанных операций, меняющих эмоциональную восприимчивость тех, кто о них знает, но не вызывающих никаких других изменений в ситуации.

В некоторых обществах суммарный объем специализации на социально интернализированных актах очень незначителен. Каждый может быть сам себе священником и магом, общаясь напрямую с направляющим его духом и овладевая тем самым объектами и практиками, которые, как считается, автоматически имеют могущество. Там, где бережно хранят кусочек камня, поскольку предполагается, что он приносит удачу, присутствует магия; когда к этому же камню обращаются с просьбами и задабривают его, как если бы он был человеком, мы имеем религию. Рут Бенедикт выражает это различие так: магия технологична и механистична, а религия анимистична.

По оценке полевых исследователей, некоторые индейцы пуэбло тратят треть своего времени на репетицию и исполнение актов, в основном танцев, имеющих церемониальный смысл. Число специализирующихся сугубо на церемонии не имеет значения. Примечательно, однако, что многие общества поддерживают жречество, которое служит посредником между индивидом и олицетворенным мирозданием.

Такие жречества обнаруживаются в разной степени услужливости по отношению к вождям или соперничества с ними. Иногда церемониальная функция сплетается со множеством дополнительных функций. Вождество и жречество иногда сливаются в единую должность. Благодаря консолидации вожди достигали более широкого контроля и становились императорами, сплавления в себе королевские и жреческие прерогативы. Император Японии как Сын Неба – верховный жрец этой страны. Император Рима был Великим Понтификом.

Иногда императора обездвиживало разрастание его церемониальных обязанностей. Так было в феодальном Китае: верховный правитель сохранял свое особое могущество, полностью посвящая себя жизни двора и этикету. Заключенный в пределах своего двора, опутанный со всех сторон этикетом, он правил лишь при условии, что оставался пассивным, не отдавал никаких детальных распоряжений, воздерживался от прямого администрирования. Он мог действовать только через простую действенность престижа, осуществляя власть не столько распорядительную, сколько вдохновляющую, ту, которую чаще связывают не с вождем государства, а с вождем сакральной иерархии.

Процесс, посредством которого жреческая элита может сохранять свои священные символы и добавлять экстернализированные функции, часто можно проследить на основе исторических данных. В Китае жреческая элита, помогавшая императору в выполнении его жреческих обязанностей, преобразовалась в жреческую бюрократию, а в Индии – в жреческую касту. В Риме всевозможные племенные жрецы ассимилировались в совокупное *sodalitas*; в Греции же племенные жрецы оставались разделенными, никогда не образуя единой жреческой касты. В Новом царстве Египта каста жрецов была серьезным вызовом власти государства. Хотя в Вавилоне жрецы играли важную роль с древнейших времен, в Израиле они взяли верх только после Изгнания. В Западной Европе священники возобладали после краха Империи на западе, а обузданы были только в результате движений, разрываемых

обычно под руководством светских властей на периферии их сферы влияния. Эти власти сотрудничали с низшим духовенством, которое бунтовало против централизации контроля в Риме. Таков был социальный состав наиболее активных элементов Реформации.

Значительная часть истории Западной Европы разворачивалась вокруг борьбы элит за контроль над всеми символами, способными пробуждать в массах реакции покорности. Порой как на «священные», так и на «мирские» символы претендовали те, кого прежде считали специалистами либо по тем, либо по другим. Это было возмещено противостоянием Папы и Императора.

Попытка полностью покончить с любыми «священными» символами, предпринятая в Советском Союзе, почти уникальна. Обычно тоталитаризм захватывает «священные» символы и использует их в целях контроля. Один из влиятельных элементов Национал-социалистической партии преисполнен решимости развить чисто локальную систему священных символов, которая избавит немцев от лояльности религиозным словарям и обычаям, принятым за пределами Германии. До тех пор, пока есть немцы, чувствующие себя «католиками», «протестантами», «иудеями» или даже просто «христианами», на местах остается источник разобщения. Есть опасение, что недовольные обратятся во имя этих священных символов за зарубежной поддержкой. Отсюда план по искоренению «иудео-христианского» Бога и возвращению к божественным символам, бывшим в ходу до того, как «иудео-христианский Бог» был «навязан» «арийцам».

В Соединенных Штатах светские элиты пытались минимизировать влияние священников и духовенства в политике, утверждая, что они и сами защищают христианство и религию. Имеется в виду, что для защиты религии участие духовенства в правительстве не требуется, в особенности ввиду его связи с особыми интересами партикулярных деноминаций. Светский политик выступает представителем наиболее инклюзивных символов набожности, и ему противостоит разобщенный фронт церковных соперников.

Этот обзор церемониальной элиты, сделанный на примере жречества и священнослужителей, показал, насколько часто специалист по церемониям становился специалистом по организации, наращивая свою роль в жизни сообщества. Иногда в его распоряжении оказывался контроль над браком, семьей, наследованием и многими другими внешними социальными связями. Мастерство в организации, однако, не обязательно связано с церемониями. Умение вести отчетность, собирать налоги, регистрировать собствен-

ность, обращаться с корреспонденцией, рекрутировать, тренировать, обеспечивать часто открывает самостоятельные дороги к расширению влияния. Когда усложняется разделение труда или разрастаются масштабы совместного действия, более существенным становится мастерство в координации. Вожди завоевательного типа видели, как их победы обращаются в прах в отсутствие организационного мастерства бюрократии. «Паттерн бюрократической культуры», со всей доскональностью обследованный У.Х. МакЛеодом, оказал стандартизирующее влияние на ход политической организации.

Навыки торгова были столь важны в мире бизнеса и дипломатии, что их справедливо выделить для отдельного рассмотрения. По мере постепенного размывания обычных ограничений, накладываемых на условия сделок, современный индустриализм до недавнего времени расширял сферу конкурентного рынка. Умение «покупать дешево, а продавать дорого» стало королевской дорогой к богатству и отличиям.

Другой важный навык – выступление в защиту, особенно в форме пропаганды. Есть формы пропаганды, в которых важны личные убеждения пропагандиста. Это касается миссионерской деятельности в прозелитических религиях, и это касается пропаганды революционных движений. Там, где замешаны личные опасности, убеждения имеют значение. Но большая часть современной пропаганды осуществляется под руководством тех, у кого нет никаких особых убеждений в отношении того, чего хотят их клиенты. Если взять современного консультанта по связям с общественностью, рекламное агентство или пресс-секретаря, то у них такой же кодекс, как и у юриста, но без ограничений, которыми опутан юрист. Они берут гонорары за то, что организуют символы для продвижения установок, желанных их клиентам. Покойный Айви Ли достиг видного положения как советник Пенсильванской железнодорожной компании, Рокфеллера и других важных клиентов. Незадолго до своей кончины в ходе проведенного Конгрессом расследования он признался, что был нанят немецким трестом, производящим красители, для консультаций по проблеме обращения с установками американской общественности в отношении германского правительства. Только после Мировой войны пропагандисты начали получать общественное признание и преодолели прежние ассоциации с театральными пресс-агентами и крикливыми цирковыми зазывалами.

Еще одно важное мастерство в обращении с символами заключено в анализе человеческих отношений. Перенос на связь между людьми той же объективной установки, с которой до этого подходили к изучению физической природы, не является чем-то особенно уж новым. Классические труды индийца Каутильи, грека Аристотеля, итальянца Макиавелли вполне красноречиво свидетельствуют о пронизательной отстраненности, которой были оснащены некоторые люди. Вместе с тем рост внушительного корпуса ученых, посвящающих себя истории, социальным наукам и психологии, – явление сравнительно недавнее. Из материнской матрицы права, философии, теологии и истории вышли экономисты, политические ученые, социологи, специалисты по социальной и индивидуальной психологии, культурной антропологии, человеческой географии, социальной биологии и множество других квалификационных групп.

Между жреческим и аналитическим мастерством часто существовала теснейшая связь. Некоторые жречества специализировались на прорицаниях, предугадывая будущее и устанавливая, что можно сделать в настоящем; тем самым они приобретали важную роль в политике и администрировании. Озабоченность правильным произнесением слов в священных заклинаниях и культовых песнях делала древних брахманов фонетиками и грамматиками. С развитием письменности жрец часто становился историографом и автором священных кодексов, хранителем архивов, редактором молитв и песнопений. Как теолог, он систематизировал учения о числе богов и оттачивал практику диалектики.

В Западной Европе на протяжении нескольких столетий постепенно продвигалась вперед секуляризация интеллектуальных умений. Ганзейские купцы стремились эмансипироваться от клириков, создавая собственные муниципальные школы. Развитие счетоводства в итальянских городах давало занятость светским интеллектуалам. Престиж арабских и греческих знаний в эпоху Возрождения создал личностный стиль для богатых купцов, которые, как предполагалось, должны были опекать образованных людей, дабы те их облагораживали и наставляли. Повторное открытие печати с подвижных литер и распространение дешевой печатной продукции подорвали церковную монополию на знание. Рост бюрократических должностей умножил число доступных светских источников дохода и усилил позиции светского мелкого дворянства в борьбе с высшими светскими и церковными группами. Распад Римской католической церкви способствовал фрагментации

христианского мира и разделил светскую и священную власть резче, чем это было раньше. С распространением бесплатных общественных школ контроль над обучением еще больше ушел из рук духовенства в распоряжение служащих светского государства.

Есть несколько форм интеллектуального выражения, дополняющих друг друга и в то же время друг с другом соперничающих. Битвы умений в кругу практиков интеллектуальных искусств часто принимают следующие формы: *натуралистическое versus нормативное, систематическое versus импрессионистическое, разъяснительное versus изобразительное.*

Натуралистический речевой стиль оперирует словами, фиксирующими скорее условия, чем предпочтения. В нормативном стиле встречаются в обилии такие термины, как «должен», «хорошо», «безобразно». Современные социальные науки выводят на передний план натуралистические способы выражения. Этика, эстетика и, с каких-то сторон, эпистемология и метафизика попадают в нормативную категорию. Политическая наука натуралистична; политическая философия нормативна. На практике эти различия проявляются в относительной расстановке акцентов, а не в полном взаимоисключении.

Социальные конфликты дают готовую возможность для продвижения с помощью слов типа «должен». Возникает потребность в специалистах по символам, которые смогут изобрести или разработать язык оправдания для осуществления власти или ее отрицания. Контрастирующие требования отстаиваются путем апелляций к легальности, нравственности или религии, и решения в противоборствующих партиях выражаются в одинаковой лексике. Юристов, подкованных в каноническом, римском или обычном праве, часто замечали в защите государей в противовес папству и монархов в противовес дворянству. На протяжении XVIII в., когда выросли волны социальной критики монархической системы, создателями символов были *philosophes*, и они, как правило, были менее профессионализированы, чем юристы или теологи. Так же именно неакадемические интеллектуалы несли обязанность протестовать против прогресса капиталистического общества. Есть свидетельства того, что академические интеллектуалы играли более заметную роль не в радикальных революционных движениях, а в националистических.

Видное положение публицистов, памфлетистов, юристов и теологов не должно отвлекать внимание от неуклонного роста числа тех, кто получает поддержку в обществе, поскольку может

описывать и сравнивать многие из более сложных рутин социальной жизни. От них постоянно ждут совета и поддержки, и неважно, поднимаются ли они до вершин общественного признания как члены «мозгового треста» или нет. Большинство нынешних социальных наук воспринимались некогда в общем плане как «моральная философия». Первая кафедра «политической экономии» в Соединенных Штатах появилась в 1818 г. в Колумбийском университете, и постепенно схожие учреждения распространились по всей стране. Политическая наука складывалась медленнее, хотя д-р Томас Купер начал преподавать химию, политику и политическую экономию в колледже Южной Каролины уже в 1811 г. Как правило, она поддерживала тесную связь с философией и правом и во многом сохраняла нормативный тон этих дисциплин.

Поскольку профессиональный спрос на юристов был большим, время от времени предпринимались попытки расширить учебные программы правовых школ. Когда в 1857 г. в Колумбийский университет пригласили Фрэнсиса Либера, была надежда, что он сможет преодолеть то, что называли узкой специализацией, привлекая студентов-юристов на курсы истории и политической науки. Это обернулось неудачей, и сам Либер в конце концов был переведен на юридический факультет, где преподавал конституционную историю и публичное право. Школа политической науки, созданная наконец в Колумбийском университете в 1880 г. по инициативе Джона У. Берджесса, была результатом еще одной неудачной попытки разрушить специализацию юридического факультета.

Профессора моральной философии были зачастую настолько далеки от новых рутин бизнеса и управления, что испытывали трудности с тем, чтобы своевременно и уместно сопровождать классические афоризмы примерами из современной жизни. Этот разрыв дал новым поколениям специалистов возможность завоевать внимание, сконцентрировавшись на задаче описания новых рутин той расширяющейся цивилизации, в которой они жили. Это существенно сместило академический акцент на натуралистическое, в ущерб нормативному.

Процессы, только что очерченные для Соединенных Штатов, были общими для всех ареалов, соприкоснувшихся с европейской цивилизацией. Ясно, что страсть к описанию и сравнению зависит главным образом от появления новых феноменов. Сначала порыв в этом направлении был скорее «экстенсивным», чем «интенсивным». Эпоха открытий явила умам жителей Западной Евро-

пы наличие культур, заметно отличающихся от их привычных стандартов. Новый мир Америк и Востока, заново открытый старый мир, явленный возрождением классических штудий и раскопками новой археологии, несли освежающий опыт. Следующий стимул дало «интенсивное» усложнение современного мира, вызванное развитием современной технологии. Страсть к натуралистической ориентации шла бок о бок с ростом новых требований и обоснований. А поле феноменов было столь огромным, что нормативная озабоченность все больше уступала место натуралистической.

Еще одна линия взаимной поддержки и взаимного размежевания в интеллектуальном мире видна между систематиками и импрессионистами. Систематизаторы постоянно движутся к сложной и логически согласованной структуре. Импрессионисты довольствуются меньшей строгостью формы. В первой группе мы находим сочинителя трактатов; во второй – эссеиста, публичного лектора, интересного собеседника, автора передовиц. В периоды стресса открываются возможности отличиться для тех, кто знает, как можно задействовать средство коммуникации для возбуждения массовых эмоций. Поэтому изготовление трактатов может быть отброшено теми, кто способен овладеть импрессионистскими средствами коммуникации, в пользу сочинения памфлетов или ораторской деятельности.

Любой новый социальный порядок и любое медленно созревающее движение социального протеста, со своей стороны, открывают широчайшие возможности для систематизатора. Энциклопедисты XVIII в. были движимы интересом к систематизации нового знания, в коем им виделось средство изменения существующей социальной системы. Трактаты наподобие тех, что писали Маркс и Энгельс, могли внести свой вклад в литературу протеста в образованном обществе, где долгие годы набирали силу революционные течения. После того как к власти в современном обществе приходит новый режим, разворачивается работа по кодификации его символической защиты. Итальянские фашисты во время захвата власти пользовались преходящими средствами коммуникации, но едва они ее оседлали, как сразу приступили к работе над фашистской энциклопедией.

Еще одно различие существует между разъяснительным мастерством и изобразительным. Разъяснение устремлено к абстрактному; изображение – к конкретному. Изобразительное мастерство включает описательную прозу, поэзию, рисунок, живопись и родственные им медиа. Некоторые разъяснения полностью посвя-

щены определению терминов и формальному установлению связи между ними. Таков, например, «Cours d'économie politique» Парето. Иногда обильные детали суммируются в проработанной количественной форме, как у Уэсли Митчелла в «Деловых циклах». Чаще встречается форма разъяснения, в которой абстрактные определения и положения украшаются иллюстрациями. (Например, процедура, принятая в этой книге.)

Борьба умений между представителями разных стилей дискурса часто полна проявлений крайней язвительности. Трактаты систематиков часто обходят вниманием, видя в них праздное педанство, побег от реальности, заморочки интеллигенции, заговоры с целью все запутать. В свою очередь эссеистика импрессионистов часто отвергается систематиками как бойкое и безответственное словоблудие. Академические среды пестуют систематиков; отсюда едкий запашок, появляющийся в ноздрах у импрессионистов, когда они слышат слово «академический».

Не менее едким бывает обмен колкостями между разъяснителями и изобразителями. Большинство форм «искусства» в нашей цивилизации изобразительны. Адепты изобразительности могут сетовать на невыносимую глупость разъяснительного стиля и заявлять, что словом движет «сердце», а не «голова». Разъяснители могут отвергать изобразительность как потакание младенческим способам мышления, пророчествуя, что более рациональный мир откажется от продуктов «ума, оперирующего картинками».

Те, кто преуспевает в натуралистическом анализе, могут провозглашать добродетели «объективности» и снисходительно отзывать о тех, кто полагает, что миру интересны развернутые разработки их системы частных предпочтений. Специалисты в нормативных стилях речи могут презрительно говорить об отсутствии этического пыла у страусов, спрятавших свои головы в песок науки, в то время как на нас надвигается война ценностей.

Таким образом, у каждого из умелых специалистов есть по крайней мере рудименты мифологии, под знаменем которой из других людей могут извлекаться дополнительные единицы наличных ценностей. Для нашего общества паттерн мифотворчества интеллектуалов был задан Платоном, вдохновенно мечтавшим о «царь-философе», в котором всезнание сплелось бы со всемогуществом. Для специалистов по символам как группы, включая сюда как интеллектуалов в узком смысле, т.е. тех, кто специализируется на спорном, так и ученых-естественников, одним из активнейших мифотворцев был Г. Дж. Уэллс. Хотя, когда нужно было съязвить, м-р Уэллс мог

выбирать в качестве мишени эстета-новатора, отсталого педагога, ученого не от мира сего или самодовольного университетского интеллектуала, он тем не менее превозносит «умственного работника».

Из «Опыта автобиографии» м-ра Уэллса мы узнаем, что умственный работник ведет не обычную жизнь, как все нормальные люди, а «жизнь необычную». Для него это не «бегство», а «путь к власти».

«Люди все лучше понимают, что растущее стремление избавиться от неотступных личных забот ради более высоких целей не означает, в отличие от желания погрузиться в азартные игры, мечтания, пьянство или покончить самоубийством, отгороженности от привычного течения жизни, напротив, это попытка побороть повседневнось, которая, даже заняв подчиненное место, все же дает о себе знать. По существу, за этим скрывается стремление приобщить свою частную жизнь к жизни всего человечества. В научных исследованиях, в лабораториях и мастерских, в административных учреждениях и в ходе экспедиций зарождается и растет этот новый мир. Это не прощание с прошлым, а его безмерное обогащение, ибо человечество все более осознает себя единым целым, способным вобрать в себя индивидуальные устремления. Мы, люди творческого труда, преобразуем условия человеческой жизни»¹.

Ход времени включает взлет и падение каждой из комбинаций умений. В феодальную эпоху в Европе главной дорогой к могуществу было, судя по всему, боевое мастерство. Позже первоначально важным для консолидации национальных монархий стало организационное мастерство. В XIX – начале XX в. умение торговаться вознесло на вершину частного плутократа. В XX в. нестабильность мира, проявившая себя в мировой войне и революции, дала новые шансы человеку, искусному в пропаганде (в пользу чего говорят такие примеры, как Ленин, Муссолини и Гитлер). Как только новые идеологии утвердятся в умонастроениях сообщества, роль пропагандиста понизится. В пользу кого – человека насилия, торговца, церемониализатора?

---

¹ Цит. в пер. Ю.И. Кагарлицкого по: Уэллс Г.Дж. Опыт автобиографии. Открытия и заключения одного вполне заурядного ума (начиная с 1866 года) / подгот. Ю.И. Кагарлицкий ; [пер.: В.Р. Закревская и др.]. – Москва : Ладомир : Наука, 2007.

Глава 7

КЛАСС

Политический анализ включает в рассмотрение классовые последствия событий. Класс – важная социальная группа, основанная на сходстве функции, статуса и мировоззрения.

Революция означает изменение в классовом составе элит. В результате Гражданской войны сократилось влияние на американскую политику южной земельной аристократии. Для мира в этой замене земельной аристократии торговыми и промышленными капиталистами не было ничего примечательно нового. Это изменение произошло в условиях катастрофического насилия во Франции в конце XVIII в. В мировой перспективе выход на пик влияния новой общественной формации ознаменовала не американская Гражданская война, а Французская революция. Последнюю, следовательно, можно назвать мировой революцией. Следующая мировая революция после Французской произошла в 1917 г. в России.

Мировые революции сопровождались внезапными изменениями в господствующей лексике элиты. В Великобритании накануне революции джентри абсолютист Яков I говорил:

«Подобно тому, как спор о том, что вправе сделать Бог, есть безбожие и богохульство... так и со стороны подданного спорить о том, что вправе сделать король, или говорить, что король не вправе делать то или это, есть самонадеянность и высокомерие».

В таком же духе говорил перед буржуазной революцией и епископ Боссюэ, которому Людовик XIV поручил воспитание дофина:

«Как в Боге соединены все совершенство и вся добродетель, так и сила всех людей в сообществе соединяется в лице государя».

Когда монарх и аристократия были сметены, те, кто занял место власть имущих, стали применять совершенно новую лексику. Статья 1 Декларации прав человека и гражданина, принятой 26 августа 1789 г. французским Национальным собранием, провозглашает: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах». В статье 2 перечисляются «естественные и неотъемлемые права человека».

Когда монархия, аристократия и плутократия были свергнуты в России, те, кто пришел к власти, запустили в оборот еще один могущественный словарь. В обращении, с которым Ленин как Председатель Совета Народных Комиссаров выступил 18 ноября

1917 г., мы, в частности, читаем: «Товарищи рабочие, солдаты, крестьяне, все трудящиеся! Рабочая и крестьянская революция окончательно победила в Петрограде, рассеявши и арестовавши последние остатки небольшого числа казаков, обманутых Керенским... Победа революции рабочих и крестьян обеспечена, ибо за нее встало уже большинство народа... За нами большинство трудящихся и угнетенных во всем мире. За нами дело справедливости. Наша победа обеспечена»¹.

От «божественного права королей» к «правам человека», от «прав человека» к «пролетарской диктатуре» – таковы были основные лексические изменения в политической истории современного мира. В каждом случае язык протеста, долго воплощавший в себе утопические чаяния, становился языком установленного порядка, идеологией. С помощью новых сочетаний гласных и согласных правящая элита извлекала из населения лояльность, кровь и налоги.

Эти резкие изменения в классовом составе элит вводили новшества в практике, а не только в словаре. Французская революция ввела и на данный момент закрепила всеобщее избирательное право для мужчин, отделение церкви от государства, относительную свободу агитации и обсуждений, верховенство парламента над исполнительной властью и упразднение всех видов правовой дискриминации между классами. Благодаря перестраиванию системы тарифов и налогообложения утвердились политические программы, способствующие росту торговли и промышленности. За счет превращения крестьян в землевладельцев поощрялась индивидуальная собственность. Все это легитимировалось во имя прав человека и цементировалось в стенах интенсивного националистического чувства.

Паттерн русской революции 1917 г. складывался в разных фазах революционного кризиса. Бросалось в глаза огосударствление всех форм организованной социальной жизни. К концу июня 1918 г. банки и страховые компании, крупная промышленность, шахты, водный транспорт и немногие железные дороги, которые прежде управлялись частными компаниями, были национализированы. Внешние долги, оставшиеся в наследство от царского и Временного правительств, были аннулированы, иностранные инвестиции в частные предприятия конфискованы, а внешняя торговля монополизирована. В настоящее время начато упразднение

---

¹ Цит. по: Ленин В.И. К населению // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Издание пятое. – Москва : Изд-во политической литературы, 1974. – Т. 35. – С. 65–66.

крестьянина как особого социального образования путем развития больших коллективных хозяйств.

Контроль над делами был постепенно монополизирован единственной политической партией, приобретшей монополию на легальность. Когда революция только начиналась, в России было несколько мощных центров влияния, и Коммунистическая партия была лишь одним из них. Советы были центрами инициативы, никоим образом не подчиненными единой партийной дисциплине; были и соперничающие политические партии. Профсоюзы и кооперативы были лишь постепенно подведены под железную власть партии в тяжелые годы суровой борьбы с угрозами интервенции, голода и бунта. Кризис навязал выбор между концентрацией или коллапсом, и политический комитет Коммунистической партии стал директивным центром государства.

В каркасе огосударственного общества различия в денежных доходах были не столь разительными, как в обществе дореволюционном; это сравнительное равенство стало особенно заметным в период конфликта, не прекращавшегося до 1921 г. Дорога к индивидуальному успеху пролегает теперь главным образом через Коммунистическую партию, дающую доступ к основным влиятельным постам.

Это была «диктатура пролетариата» или, по крайней мере, диктатура от имени пролетариата. Это не было социалистическим государством, так как демократические формы еще не допускались. Это не было социалистическим обществом, так как правительству все еще приходилось пользоваться принуждением; «отмирание государства» было устремлением, обращенным в будущее, когда между функциональными группами в новом обществе возникнет добровольный консенсус.

Мировые революции – важные вехи для понимания промежуточных событий. Так, можно считать, что какие-то из событий после Французской революции способствовали, а какие-то сдерживали распространение разных деталей нового революционного паттерна символа и практики. Некоторые события прямо вели к появлению паттерна, возникшего в России. Таким образом, события можно мыслить как переходы между одним революционным взрывом и следующим.

После Французской революции были приняты и адаптированы многие детали французского паттерна «демократии». Великобритания расширяла представительство в парламенте в направлении всеобщего избирательного права. Парламенты стали осуществлять больше контроля над исполнительными органами, даже там, где ре-

волюция не упразднила (как в Пруссии) монархическую власть. Шли волны земельной реформы в пользу, как заявлялось, крестьян или мелких фермеров; происходили изменения в общественных доходах, призванные поощрять торговлю, промышленность и финансы; все шире применялся язык демократического интернационализма.

В настоящее время сложилось значительное политическое движение протеста, направленное против системы собственности, чему способствовал демократический национализм. Марксизм вытеснил «утопических» социалистов и анархистов и дал преобладающий язык, под знаменем которого контрэлиты пытаются снести установленный порядок.

Когда одно и то же событие мыслится в соотнесении с предыдущим и последующим паттернами мировой революции, оно зачастую обладает как революционными, так и контрреволюционными импликациями. Требования бесплатного общественного образования и всеобщего избирательного права часто стимулировали рабочих, крестьян и низшие слои средних классов к политическому самоутверждению; это, можно сказать, ознаменовало шаг вперед в сторону возможного появления нового революционного импульса от имени этих классов. Но некоторые из последствий образованности и права голоса были враждебны распространению мировой революции. Когда делались уступки этим требованиям и политические партии были способны добиться мест в муниципальных советах или национальных парламентах, революционный пыл часто угасал. Партийные лидеры прочно окапывались в национальной идеологии и были более склонны доказывать свой патриотизм, нежели свое пролетарство.

Правильно ориентированные люди, жившие в потоке исторических событий между Французской и Русской революциями, наверняка должны были видеть смысл каждой ситуации для распространения или сдерживания этих революционных паттернов.

Правильная самоориентация в мире после Русской революции состоит в предугадывании значения текущих событий для перехода от предыдущей мировой революции к следующей. Поскольку мы очень близки к последней эпохальной инновации, то замечать факторы, влияющие на ее ближайшую судьбу, мы, несомненно, будем успешнее, чем различать очертания следующего значительного переворота. Поиск ориентации – процедура не из тех, что совершаются раз и навсегда; это постоянная переоценка хода времени, самокритично продумываемая в связке с возможными классовыми последствиями.

Мы не совсем лишены ориентиров, когда пытаемся уяснить значение текущих дел для распространения и сдерживания революционного паттерна 1917 г. Революционные инициативы, имеющие мировое значение, нередки в истории человечества, но ни одна из них не достигала до сих пор тотальной гегемонии и не объединяла мир под знаменем одного набора доминирующих символов и в соответствии с единственным набором практик. Диалектика ограничения оказывалась более могущественной, чем диалектика диффузии, и мировые революции всегда останавливались, не дойдя до универсальности.

Не будем забывать о том, что люди во Франции, захватившие власть от имени всего человечества (*liberté, égalité, fraternité*), не были приняты всем человечеством. Притязания тех, кто захватил власть в России, на то, чтобы говорить от имени мирового пролетариата, не были повсеместно приняты всеми пролетариями. Повидимому, те же противоречия, которые фактически лишили универсальности французскую элиту, несмотря на универсальность в риторике, будут ограничивать в притязаниях и русскую элиту. Мы явно имеем дело с двояким процессом диффузии и ограничения.

Возможно, мы сможем направить наше внимание на значимые аспекты целостной ситуации, приняв некоторые особые методы сбора и предъявления данных. Мы имеем дело с ходом времени, потоком событий. Рассекая этот поток на отрезки с определенными интервалами и картируя географическое распределение отобранных символов и практик, мы сможем внести лепту в надежное понимание.

Если взять достаточно широкие интервалы между точками отсечения, то мы сможем сохранять контакт с реальностью, не утопая в огромной массе деталей. Наверное, пятилетние интервалы будут вполне пригодны для наших целей. Так, мы можем выбрать годы: 1917, 1922, 1927, 1932 и т.д. У нас есть достаточно данных, чтобы продолжить этот ряд в прошлое, разбив на такие отрезки все время от Русской революции до Французской; если бы нам понадобилось пойти еще глубже, то пришлось бы принять более широкие интервалы в качестве необходимой уступки скудости данных.

Итак, мы можем коротко суммировать особенности революционного паттерна 1917 г. Вот некоторые из позитивно сентиментализированных слов (плюсовых символов):

республика
советский
социалистический

пролетариат
мировая революция
коммунизм

А это некоторые из негативно сентиментализированных слов (минусовых символов):

монархия	империализм
религия	парламентаризм
буржуазия	буржуазный либерализм и демократия
капитализм	

Некоторые из практик (не все из них были инициированы с самого начала):

- огосударствление (организованной социальной жизни)
- уравнивание (денежных доходов)
- монополизация (легальности одной-единственной партией)

На каждом из поперечных срезов в ходе событий отмечалась степень их диффузии или ограничения. Соотношения можно классифицировать так:

- тотальная диффузия;
- ограничение географической дифференциацией;
- ограничение частичной инкорпорацией;
- ограничение функциональной дифференциацией.

На тотальную диффузию указывали бы всеобщее членство в Советском Союзе и приверженность Советского Союза символам и практикам, которые были провозглашены и приведены в действие в 1917 г. После периода гражданской войны и интервенции Советский Союз осуществил мало территориальных приращений, и, следовательно, тотальная географическая диффузия была блокирована. Способствовали ли изменения, происходившие в Советском Союзе, делу мировой революции, будет рассмотрено позже.

Ограничение географической дифференциацией проистекает из идей и пропаганды, подчеркивающих локальный, парохийный, провинциальный, ограниченный характер событий в центре нового революционного движения. Появление революционной элиты порождает уязвимость всех окружающих элит, и последние пытаются защититься от внешних и внутренних угроз их господству. Они стремятся заручиться сотрудничеством собственных масс в противовес внешней угрозе, стигматизируя ее как иноземную и чужеродную и подчеркивая свою идентификацию с местно-

стью. Поэтому революция во имя человечества трактуется как *французская* революция, а революция во имя мирового пролетариата – как *русская*. Борьба за ограничение внешней угрозы выводит на первый план парохизм: так, прусские династические и феодальные группы терпели язык германского национализма как средство, позволяющее настроить рядовой состав сообщества против французов; и так же поляки и другие новообразованные независимые народы сражались в 1919–1921 гг. с русскими.

Ограничение частичной инкорпорацией – это процесс, посредством которого успешные символы и практики нового революционного режима заимствуются в качестве уступки локальным умонастроениям. Эта техника идентификации и отличия – «я тоже, но» – работает следующим образом: если провозглашается «нация», то пусть будет своеобразие в «германской нации»; если «социализм» – добродетель, то пусть это будет «германский национальный социализм»; если «революция» – ценность, то пусть это будет наша собственная, национальная революция.

Детали этого революционного паттерна, быстрее всего воспринятые за рубежом, были наименее новаторскими. Это можно показать, составив таблицу изменений, которые произошли в государствах мира в формах правления. Свержение царя было вполне в духе буржуазных революций, и схожие движения успешно развивались за пределами России, часто вычищая существующее недовольство и уменьшая шансы для пролетарских форм политики. Следующие таблицы изображают ситуацию, существовавшую в 1917 г., накануне того, как начались революционные движения этого года. Иначе выглядит ситуация к концу приводимых лет. Данные взяты из таких стандартных источников, как *Statesman's Yearbook* и *Political Handbook of the World*. Саудовская Аравия и Ирак впервые включены в эти справочники в 1932 г. Колониальные страны, как правило, в них не включены.

Год	Абсолютные монархии		Ограниченные монархии		Парламентские монархии		Президентские республики		Парламентские республики	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
1917	6	10	7	12	17	30	21	40	5	08
1922	3	05	5	08	18	29	21	34	15	24
1927	2	04	4	06	19	30	22	35	16	25
1932	1	02	7	11	19	29	21	32	17	26

В 1917 г. было 56 государств; из них 13, или 22%, были абсолютными или ограниченными монархиями. В 1922 г. число госу-

дарств выросло до 62, и абсолютными или ограниченными монархиями из них были восемь, или 13%. В 1927 г. к этим двум категориям принадлежали шесть из 63 государств, или менее 10%. К 1932 г. к ним относились восемь из 65 государств, или 13%. Наибольший сдвиг произошел в сторону парламентских республик, куда включаются как советские, так и несоветские формы. Число монархий за этот период упало – в пользу республик – с 52 до 42%.

Какие-то из этих изменений становятся более заметными, когда формы правления классифицируются в соотношении с населением. Цифры даются на год, ближайший к указанному году, если официальные цифры или оценки отсутствуют. За исключением Китая, в случае разногласий в используемых источниках берется наибольшая цифра. Население приводится в млн человек.

Год	Абсолютные монархии		Ограниченные монархии		Парламентские монархии		Президентские республики		Парламентские республики	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
1917	4	4	675	6	171	2	89	3	374	5
1922	7	2	01	5	203	3	200	3	745	7
1927	0	1	396	5	21511	3	210	3	86	8
1932	6	1	455	6	210	12	231	13	830	48

Итак, оказывается, что в 1917 г. в абсолютных или ограниченных монархиях жили 50% населения. К 1922 г. этот процент упал до 27 и в двух последующих выборках оставался постоянным. Экспансия парламентских республик хорошо видна в этой таблице, так как доля совокупного населения государств, живущая в них, выросла с четверти до почти половины.

Более новаторские детали революционного паттерна 1917 г. распространялись медленнее. Когда собраны факты, со всей несомненностью проясняется, что вне Советского Союза быстрыми темпами происходило огосударствление организованной жизни. Эта интерпретация будет верна, если сделать оговорку о расширении государственного контроля в годы Мировой войны, сравнивая ситуацию, какой она была в 1912 г., с трансформациями, зарегистрированными в послевоенные годы. Чрезвычайные обстоятельства граждан, связанные с Великой депрессией 1929 г., были встречены заметным расширением полномочий правительства, даже в Соединенных Штатах. Корпорация финансирования реконструкции была лишь одним из ранних и показательных образцов этой тенденции.

По всей вероятности, имело место общее, хотя и очень беспорядочное движение к уравниванию денежного дохода. Несоветские сообщества Центральной и Восточной Европы пытались смягчить массовое недовольство и выстроить гарантированную и наполненную чувствами поддержку своих несоветских режимов, распределяя крупные земельные состояния. В других местах тенденциям к уравниванию содействовали высокие налоги на доходы и наследство; однако часто такая политика нивелировалась более высокими налогами на предметы общего потребления. Лозунг «Делитесь богатством» в Соединенных Штатах стал практическим политическим девизом.

Монополизация легальности единственной главенствующей партией обнаруживается в Германии, Италии и, в менее выраженной форме, в таких странах, как Китай, Турция и Югославия.

Итак, очевидно, что ограничения географической дифференциации и частичной инкорпорацией быстро и успешно сдержали расширение влияния Советского Союза. К этим процессам можно добавить также ограничение со стороны функциональной дифференциации. История прошлого столетия показывает, что поворотный пункт в политическом развитии был достигнут тогда, когда стало обычным делом говорить о Французской революции как о «буржуазной». Язык, которым поначалу пользовалась революционная элита во Франции, по сфере применения был универсалистским. В назывании этой революции «буржуазной» предполагалось и утверждалось, что некий особый класс использует имя многих ради выгоды немногих. Не всем человечеством, но буржуазией были те, кто, как предполагалось, пожал наибольшие выгоды от драматических событий тех лет, которые последовали за 1789 г.

Такое отличие наносит удар по базовому требованию революционного порядка, бросает вызов господствующему мифу, выставляет на обозрение его ложные претензии. Каждая элита, отождествившаяся с любимыми из символов и практик предыдущей революции, оказывается обвиняемой. Закладывается символический фундамент для нового революционного здания; в противовес идеологиям утвердившихся элит могут быть привлечены новая мифология протеста, новое утопическое обещание. В терминологии XIX в. альтернативой «буржуазной» революции была «пролетарская». С совершенствованием марксистского социализма был выпущен на волю новый формообразующий миф, притязающий на преданность в последующих пульсациях недовольства, и пика влияния он достиг, когда носители новых символов захватили власть в России.

Начали ли линии функциональной дифференциации сеять сомнения в универсальности Русской революции? Есть ли сомневающиеся в том, что классовые последствия этой революции несут всему пролетариату такую же пользу, как и некоторым другим классовым образованиям?

Возможно, как предполагают некоторые анархо-синдикалисты, низшие слои работников физического труда, особенно безработные, были во многом введены в заблуждение лозунгами глашатаев Русской революции. Возможно, рост современного политического социализма – это фаза в борьбе за власть, но не рабочих, а «интеллектуалов», успешно объединившихся с рабочими в вырывании власти из рук аристократии и плутократии. Едва утвердившись во власти, они отдают особые привилегии специальному умению – удерживать под контролем партию и управление. Авторитет и более высокие денежные доходы переходят не к тем, кто выполняет физическую работу, а к тем, кто выполняет технические и организационные функции. Интеллектуалы продемонстрировали, что Маркс на самом деле не собирался устанавливать механическое равенство денежного дохода. Поэтому низшие слои населения, обладающие меньшим мастерством по сравнению с верхними слоями, – это потенциальные источники неприязненного и подозрительного отношения к «бюрократии».

Эта линия анализа рассматривает Русскую революцию как эпизод в восхождении к власти мелкой буржуазии, как русскую реализацию тех тенденций, которые скрыто содержатся в ходе событий в Италии, Германии и других местах.

Возможно, общим фактором в кажущейся политической неразберихе нашего времени является восхождение к власти среднедоходной квалификационной группы. Несмотря на противоречия и aberrации русского коммунизма, итальянского фашизма и немецкого национал-социализма, мы, быть может, имеем развертывание новой мировой революции, которая будет осуществлена независимо от включения мира в состав Советского Союза. От имени «национальных рабочих» и под знаменем локального патриотизма и неприязни ко всему чужому среднедоходные квалификационные группы восходят к власти в ущерб аристократии и плутократии.

Конечно, среднедоходные квалификационные группы еще не нашли общего имени; не распознали они и внутренний принцип жертвы, на котором держится их единство; не дошли они и до полного понимания собственного исторического предназначения. В Европе их разобщенность вскармливала политику катастрофы; но в Америке у них может быть больше времени для обретения

общего имени, общей политики и общего чувства политического предназначения.

Лишенные самосознания, мелкие фермеры, мелкие бизнесмены, низкооплачиваемые интеллектуалы и квалифицированные рабочие, вместо того чтобы действовать сообща, боролись друг с другом. Рабочие движения XIX и XX вв. множеством способов скорее обостряли противоречия внутри среднедоходной квалификационной группы, нежели разрешали их. Один из элементов среднедоходной квалификационной группы угождает наемным рабочим; он состоит из профсоюзных организаторов, издателей профсоюзной прессы, профсоюзных секретарей, организаторов Социалистической партии, секретарей Социалистической партии, чиновников кооперативных обществ. Такие функционеры часто бывают «ренегатами» из старых среднедоходных квалификационных образований; их отцы, возможно, были торговцами, фермерами, учителями, чиновниками. Другие являются выходцами из рядов рабочих, которые учатся уклоняться от тяжелого физического труда за счет культивирования ораторского мастерства, литературных способностей и административной техники.

Старейшие среднедоходные группы испытывали лютую ненависть к квалификационной группе пролетарского происхождения или пролетарской принадлежности. Одно из оснований для этого – чувство негодования, вызываемое тем, что люди, претворяющие то же мастерство, вырываются вперед за счет простых различий в словарном запасе. Орудием проповедника, учителя, юриста и журналиста является горло, а не бицепсы. Когда обратя по тяжелому труду языком и на печатной машинке устраиваются на службу, произнося с шипением «буржуазия» и с гордостью «пролетариат», обида превращается в горечь и перерастает в негодование.

Все это казалось былой буржуазии чистейшим лицемерием, и к одному оскорблению добавляется другое, когда поборники пролетариата обвиняют эту группу как орудие эксплуататора. Легко понять, почему, захватив власть в Германии, национал-социалисты очистили официальные шарниры от «коммунистов», «социал-демократов» и «демократов» и отправили их всех скопом в концлагеря. Вместо них заправлять делами стали люди, более тесно идентифицируемые с прежними среднедоходными группами, но называемые «национал-социалистами».

Такая острая внутренняя борьба – один из признаков социального образования, еще не обретшего самого себя и не достигшего

полного классового сознания. Ему недостает последовательной политики, звучного объединяющего названия и воодушевляющего мифа о своей исторической миссии. Как правило, энергии среднедоходной квалификационной группы в Америке отвлекались на запрет рабства и сдерживание расточительства при помощи попыток отменить алкоголь, азартные игры и проституцию. Волны возмущения несправедливыми результатами промышленной концентрации расплескивались в борьбе за регулирование «нечестной конкуренции» и за получение «легкого кредита». Фермеры и мелкие бизнесмены на угасающем фронтире шли на поводу заклинаний «16 к 1», «антимонополии» и «новой свободы»; но главным итогом попыток «восстановить конкуренцию» было усложнение корпораций. Мелкие аграрные, деловые, профессиональные и квалифицированные рабочие элементы остаются без какого бы то ни было общего корпуса действенных политических символов.

Энергия, израсходованная на брайанизм, рузвельтизм и вильсонизм, могла организовать течения чувств вокруг символов, способных прояснить особые требования среднедоходной квалифицированной группы. Наверное, за эти многие годы низкодоходные фермеры, лавочники, школьные учителя и священники могли научиться требовать жесткого применения национальной силы налогообложения для устранения чрезмерных доходов. Знай они, что Америкой управляет однопартийная система, они могли бы перестать делить свое потенциальное большинство голосов между республиканским и демократическим крыльями Республиканской партии.

В сегодняшнем виде среднедоходная группа лишена даже признанного названия, которое позволяло бы отличить ее от пролетариата и плутократии. В названии «средний класс» есть что-то отвратительное для индивидуализма этого класса. Для анализа оно удобно, но для пропаганды не годится. В деле отличия от «чуждого» пролетариата среднедоходную квалификационную группу согревают такие двусмысленные выражения, как «гражданин», «американец», «патриот», употребляемые демагогами, которых зачастую поддерживают из-за кулис более крупные промышленные, коммерческие и финансовые интересы.

Лишенная вдохновляющего имени и ясных требований в отношении национальной политики, среднедоходная квалификационная группа не имеет никакого мифа о собственных добродетелях и своем предназначении. Можно утверждать, что узы, объединяющие этот класс, одновременно внешние и внутренние: внеш-

ние, поскольку она уступает денежные вознаграждения плутократии; внутренние, поскольку жертвой, приносимой ради обретения социально полезного мастерства, становится общий опыт нравственного достоинства. В обретении мастерства посредством специального обучения заключена самодисциплина, служащая основой для взаимного оценивания в кругу механиков, интеллектуалов и предпринимателей.

Среднедоходная квалификационная группа в разных нациях могла бы осмыслить свою историческую миссию в следующих терминах: перехватить инициативу в борьбе за социальную справедливость. В XVIII в. миссией среднедоходной квалификационной группы было сотрудничество со всеми встречаемыми в разрушении цепей феодально-монархического общества и в стремлении установить принцип соразмерности жертвы и вознаграждения.

В XIX–XX вв. экспансия современного индустриализма создала плутократию, наличие которой показывает, что баланс между жертвой и вознаграждением был кардинально нарушен. Ясно опять же и политическое «предназначение» среднедоходной квалификационной группы: оно состоит в реморализации общества путем изменения практик общества в отношении вознаграждений и жертв.

По мере того как среднедоходная квалификационная группа обретает достоинство и пронизательность действенного социального образования, она начинает видеть, что стала жертвой психологического лага. Среднедоходная квалификационная группа сохранила верность словарю индивидуализма после того, как практики, поддерживаемые этим словарем, создали огромные расходы между жертвой и вознаграждением.

Несмотря на все оговорки, можно утверждать, что среднедоходная квалификационная группа идет к конечной победе. Неумолимые процессы торгового, промышленного и финансового капитализма подтолкнули ее к политической активности. Возможно, среднедоходная квалификационная группа и не пострадала от абсолютного падения материального дохода, но она пережила несомненный упадок в психологическом доходе, в авторитете. Квалификационные группы, особенно давно сложившиеся, подстегивались, с одной стороны, организованными силами, выступавшими от имени пролетариата, с другой – могущественными объединениями плутократии.

В Германии на психологические потери столетия наложились невзгоды войны, поражения, инфляции и депрессии. Доведенные до

отчаяния, старшие среднедоходные элементы достигли частичной самореализации в национал-социалистическом движении и даже обеспечили в нем свое лидерство в лице Гитлера, сына мелкого таможенного чиновника, состоявшего в прошлом на службе у Габсбургов. Итальянское фашистское движение до этого уже было использовано человеком, сделавшим ранее свою карьеру на употреблении словаря «пролетарского» протеста. Муссолини, возможно, и ренегат в том смысле, что во взрослой жизни сменил политические убеждения и подверг гонениям прежних друзей, однако в классовом смысле он был блудным сыном, вернувшимся в свою семью.

Разумеется, итальянское и немецкое движения – только частные случаи того процесса, посредством которого последний мировой революционный паттерн одновременно ограничивается и универсализируется. Главенство Москвы решительно отвергается; но было бы ошибкой полагать, что сама революция мертва. Ограничение происходило путем перехвата некоторых символов и практик нового паттерна, причем так же, как и в случае французского революционного паттерна, продолжавшего распространяться после подчеркнутого отказа от авторитета французов в руководстве этой революцией.

Такое отношение к Русской революции как ко «второй буржуазной революции» может способствовать восхождению к власти среднедоходных квалификационных групп в других странах, хотя и не под командованием Москвы. Оно может также обесценить претензии русского революционного движения на привлечение имени пролетариата. Анархо-синдикалистский призыв к рабочим восстать против бюрократического государства, возможно, «исподволь» воплощает зачатки следующего великого революционного подъема; все указывает на то, этот призыв будет безрезультатным в любом обозримом будущем, но «квалификационная революция» будет шаг за шагом продвигаться к универсальности.

В этой главе были развернуты импликации точки зрения, состоящей в том, что политические события можно видеть как переход от преобладания одной классовой формы к преобладанию следующей. Французская революция ознаменовала подъем буржуазии; Русская революция, возможно, знаменует возвышение мелкой буржуазии, т.е. квалификационных групп. Следующая крупная революционная вспышка может прийти от имени работников физического труда в противовес бюрократическому государству, вскормленному социализмом. Между тем круг элиты, захватившей власть в России, очерчивается теми же процессами, которые ограничивали круг эли-

ты в революционной Франции. Основные черты нового революционного паттерна при этом продолжают стремиться к универсальности, пусть даже в разъединенном мире.

Глава 8

ЛИЧНОСТЬ

Какова значимость общественной жизни для выживания форм политической личности? В некоторых отношениях этот вопрос о политике ближе к повседневным установкам индивидуалистического общества, чем анализ под углом зрения класса или мастерства. Кто не драматизировал политику как борьбу между Сталиным и Троцким, Рузвельтом и Гувером? Что бы ни стояло здесь на кону – ссылка или диктатура, президентство или частная жизнь, Вашингтон или старый родной городок, – игроки являются опознаваемыми личностями, и их судьба по-человечески возбуждает.

Но нас интересует не судьба каких-то конкретных Тома, Дика и Гарри. Политический анализ больше интересуется общим, чем уникальным. Наша задача – исследовать факторы, влияющие на успех или неудачу личностного типа. Франклины, Бенито, Адольфы и Иосифы должны видаться как случаи более общих форм политического развития, дабы затем мы могли сравнить их с предшественниками, современниками и преемниками.

Романистов, поэтов и художников давно волновали тонкие нюансы, связывающие людей друг с другом или обрекающие их на столкновение с как будто бы непреодолимыми безднами непонимания. За фасадами классово-борьбы и борьбы между разными видами мастерства скрывается диалектика личности. В «Братьях Карамазовых» изображаются тончайшие оттенки субъективного, раскалывающие одну личность и отделяющие одну личность от другой. Современный исследователь пытался осветить эту темную область языком разъяснения, а не описания. Разъяснительные труды таких авторов, как Фрейд, Клагес, Юнг и Кречмер, стали частью общего наследия образованных мужчин и женщин во всей западноевропейской цивилизации.

Политическая жизнь, в самом узком смысле слова, – это конфликтная жизнь, и она предполагает людей, способных вступить в активную связь со своим окружением. Импульсы должны

экстернализоваться в человеческую среду. Полностью развитая политическая личность сочетает определенные мотивы с определенными умениями, сплавливая эмоциональную способность экстернализовать импульсы с достаточной умелостью, позволяющей добиться успеха.

Эта необходимость экстернализованного импульса сразу устранила с арены силовой политики некоторые личности, которым не удалось достичь эмоциональной жизни, достаточно свободной, чтобы позволить им выразить себя в мире реальности. Посмотрите на людские развалины, томящиеся в палатах учреждений, призванных заботиться о тех, кто страдает тяжелыми душевными заболеваниями. В каких-то из этих случаев факты убедительно свидетельствуют, что системы мотивации в личности так резко столкнулись с другими системами мотивации в той же личности, что все силы человека ушли на внутреннюю борьбу, не оставив ровным счетом ничего для задачи сохранения ориентации на окружение. Такие индивиды могут дни и недели проводить без движения, словно забыв обо всем, что находится вне их.

Такие патологические картины полной интернализации демонстрируют нам максимальный контраст с активной политической фигурой. Политик переносит свои частные мотивы на публичные объекты и рационализирует этот перенос в терминах общественной выгоды. Когда это эмоциональное и символическое приспособление сочетается со способностью к приобретению манипулятивного мастерства, возникает эффективный политик.

Некоторые из проблем, связанных с синтезом мотива и мастерства в политике, можно затронуть, рассмотрев поведение Авраама Линкольна в его зрелые годы. Линкольн был тверд в своих публичных заявлениях и в своих официальных актах, проявляя гибкую способность к приноровлению своей тактики к меняющимся чертам реальности. Он сохранял сильный, хотя и не деспотический контроль над ситуацией. Ему можно противопоставить Стэнтона, его военного министра, чьи упорство и энергия часто граничили с садизмом, Макклеллана, генерала, который никогда не чувствовал себя вполне готовым к сражению и чья неготовность действовать под давлением представляла собой не твердость, а негативизм, питаемый бессознательным страхом, или Грили, пылкого журналиста, родившего массу фантастических уловок и ухищрений.

Неотделимой от публичного образа Линкольна была его мягкость. Он всюду славился своим милосердием, выделяясь этим

среди коллег. Те, кому довелось знать Линкольна поближе, видели, что он очень мягок и что ему недостает твердости в близких отношениях. Они видели, насколько он был неспособен воспитывать собственных детей и сколь многое позволял своей привередливой жене. Подлинной мерой этой мягкости было сохранение ее вопреки всем провокациям. Линкольн очень редко позволял вспышкам гнева вырваться наружу. Но однажды, когда один офицер попытался «надавить» на президента, чтобы он удовлетворил его прошение, и презрительно бросил: «Вижу, Вы настроены против того, чтобы воздать мне по справедливости», – лицо Линкольна передернуло судорогой, и, говорят, он схватил офицера за шиворот и бесцеремонно вышвырнул вон из комнаты.

Современников поражала его печальность: они видели сведенные брови, запавшие щеки, блеск глаз, продуманность поступков; они видели его слезы в Геттисберге. Те, кто знали Линкольна близко, находили, что печаль была одним из многочисленных признаков депрессии; Линкольна мучили бессонница, чувство неполноценности, бремя ответственности, пессимизм. Временами президент был на грани самоубийства. Во время сражения при Чанселорсвилле, когда показалось, что генерал Хукер обратился в бегство, Линкольн, по словам Стэнтона, воздел руки и воскликнул: «О, Боже! Стэнтон, наше дело проиграно! Это больше, чем я смогу вынести!» Позже президент говорил, что был полон решимости свести счеты с жизнью в реке Потомак.

Печаль Линкольна облегчалась иногда остроумием, часто в свойской манере, оскорблявшей людей культурных, но доставлявшей удовольствие простым. Его исключительная верность долгу все больше и больше отрезала его от близких человеческих контактов. Его честность и желание обращаться с другими с неукоснительной справедливостью были очевидны. Бок о бок с выдержкой и мягкостью шла терпимость к персональной критике. И, конечно, неоспоримым было физическое мужество Линкольна.

Не суммируя во всех деталях многогранную личность этого человека, но остановившись лишь на основных чертах, мы не можем не впечатлиться расхождением между его твердостью в отношении технических объектов (общественных обязанностей) и зависимой, пассивно-терпеливой установкой по отношению к своей жене. Ясно также, что Линкольн тратил немалую часть своей энергии на реакции, направленные против собственного Я, варьирующие во всем спектре от угрюмых настроений и гнетущих фантазий до мыслей о самоубийстве. Меланхолический окрас его бодрст-

вующей жизни резко контрастирует с субъективным тоном людей, имеющих в жизни мало мучительных мгновений и живущих в безмятежной уверенности в себе. Ясно, что немалая часть огромной энергии Линкольна не была внешне действенной в обращении с окружением, а возвращалась назад, против его личности; а значительная часть энергии, которая была интернализирована, принимала форму скорее болезненной, чем грандиозной мечтательности.

Многое говорит о том, что Линкольн жаждал одобрения широкой общественности. Когда на него обрушились вести из Чанселорвилла, его реакцией было не только «Наше дело проиграно!», но и вопрос: «Что скажут люди?» Было много других высших руководителей, переживавших моменты мнящейся катастрофы без проявления столь сильной зависимости от общественного мнения и без порывов к самоубийству, когда общественное одобрение казалось потерянным.

Многое в личности Линкольна было защитным образованием против крайних требований широкого признания. Умеряя поведение непрерывными мыслями о справедливости, а не популярности, и не обращая, насколько возможно, внимания на те лавины критики, которые на него обрушивались, Линкольн смог выстроить буферы против собственного рвения к постоянной одобрительной оценке.

Что можно сказать об условиях, в которых обретает видное положение такой личностный тип? Линкольн выиграл выдвижение на президентский пост у Сьюарда в значительной степени потому, что его язык был не столь категоричным, как у него. Когда Республиканская партия собралась на съезд, в личной популярности Сьюарда не было ни малейших сомнений. Но партия хотела победить на выборах, и были сомнительные штаты – Нью-Джерси, Пенсильвания, Индиана и Иллинойс, – которые необходимо было принять в расчет. С прямолинейно откровенным Сьюардом республиканцы оказались бы в невыгодном положении против демократического кандидата Дугласа. Сьюард взывал к «высшему праву», стоящему над Конституцией. На данной стадии развивающегося кризиса это глубоко шокировало; в этом виделся признак непреклонной решимости форсировать события. В рядах северных штатов был раскол. Даже без учета конституционных вопросов, были далеко не единодушны умонастроения против рабства. Линкольн выделялся своей твердостью; при этом он говорил языком, несколько вуалирующим весь ужас кризиса. Линкольн говорил о «моральных кодексах», призванных дополнить правовые. Как писал

Л. Пирс Кларк, один из его биографов, «принципы этих двух воззрений идентичны, но Линкольн знает, как сформулировать принцип так, чтобы это мало кого встревожило, хотя многие наверняка знают, что по сути между ними нет никакой разницы». Линкольн был менее безжалостным и категоричным, более успокаивающим и выигрышным, чем Сьюард; в этой фазе кризиса его личность была более приемлемой.

После победы на выборах Линкольн постепенно привел северные штаты к образованию единого фронта против сецессии и рабства. Именно его способность обуздывать деструктивные побуждения, умерять их, соотнося с реальностью, или оборачивать против самого себя хорошо прикладывалась к ситуации. Северные штаты, раздираемые локальными, региональными, деноминационными и иными различиями, скорее оказались на грани войны, нежели рвались к ней. Южане же, объединившиеся под знаменем «наших священных институтов», двигались навстречу кризису с открытым забралом. Смесь твердости и мягкости в Линкольне попеременно то прямо призывала северян к единому действию, то исподволь к нему подталкивала.

Возможно, Линкольн так и не взобрался бы на вершину, если бы Север был единым, а не расколотым народом. У южан лидерский круг определенно включал мало фигур линкольновского склада. Единый народ категоричен, когда его атакуют. Поскольку разнородные люди становятся более едиными во времена кризисов, то они становятся и более безжалостными; отчасти это реакция на былые сомнения и угрызения совести. Примирительные личности обычно отменяются в сторону как нерешительные слабаки. Напомним, что в 1864 г. Линкольн чудом избежал поражения.

Правильно будет сказать, что Линкольн был агитатором в том смысле, что перенес сильную тягу к эмоциональной реакции с ближнего круга на широкую публику и приобрел достаточно мастерства в устной и письменной речи, чтобы преуспеть. Но чисто агитационной ролью он ограничен не был, так как – в отличие, например, от Грили – он был способен удерживать свои деструктивные импульсы под достаточным контролем, что позволяло ему координировать усилия других в рамках организации.

Допустим, мы попытаемся объяснить тип развития, демонстрируемый Линкольном. Возникают сразу же три вопроса. При каких условиях спрос на любовь смещается с первичной публики на вторичную? При каких условиях возникает исключительный

спрос на любовь? Когда агрессивные импульсы удерживаются под контролем и частично обращаются против самого себя?

Переносу сильных потребностей в отклике с ближней публики на более широкую способствует неудача в интимной сфере. Мы видели, что брак Линкольна не был эмоционально успешным, и если мы углубимся дальше в его историю, то обнаружим, что Линкольн проявлял некоторые трудности в отношениях с женщинами. В «фатальный день 1 января 1841 г.» он оставил Мэри Тодд ждать у алтаря, погрузившись в депрессию, которая была столь серьезной, что врачи до сих пор затрудняются в диагнозе и не знают точно, к какой категории эту реакцию отнести – невротической или психотической. В глубокую депрессию Линкольн впал и тогда, когда умерла Энн Рутледж; еще раньше он тяжело страдал после кончины матери, когда ему было девять лет от роду. Застенчивый и слабый в общении с женщинами своего возраста, он хорошо ладил с женщинами-матерями, которые были обычно старше него. Его переключение на политическую публику можно приписать фокусировке внимания на политической деятельности в окружении, в котором он вырос.

Откуда появилась эта огромная потребность в любви, которая, не сумев найти разрешения в первичной сфере, обрела частичное разрешение путем переноса? Когда нам доводится иметь дело с живым человеком, который готов попытаться понять себя с помощью метода свободных ассоциаций (психоанализа), т.е. с помощью проговаривания всего, что приходит ему на ум, мы можем очень многое узнать о ранних формирующих переживаниях. Вспоминается множество старых, давно забытых эпизодов, многие старые порывы открываются заново. Этот метод не годится, конечно, для изучения Линкольна; но психоаналитики часто изучали личности, демонстрирующие основные характеристики линкольновской жизни.

Обнаружено, что когда мать слишком балует маленького ребенка во время кормления или при обращении с его телом, ребенок может проявлять совершенную неготовность ослабить свои требования, чтобы его покормили. Порывы к поглощению предметов ртом, к тому, чтобы быть зависимым, быть под опекой, оставаться бездеятельным, могут стать очень могущественными. Отсюда индивид остается относительно фиксированным на ранних способах реагирования на мир и сталкивается с многочисленными трудностями в дальнейшем развитии. В последующих кризисах

индивид склонен регрессировать к этой ранней фиксации и оставаться незрелым.

Ранняя среда Линкольна была в некоторых отношениях эмоционально нестабильной. Его отец часто был строг, но часто и многое ему позволял; этот тип противоречивого обращения пробуждает крайнюю неуверенность в том, любят ли тебя. Нет никаких данных о том, что юный Линкольн реагировал на препятствия, создаваемые отцом на его пути, тем, что рос несговорчивым. Ничто не говорит и о том, что он отказался от борьбы и полностью ушел в себя. Но многое указывает на то, что у Линкольна были сильные склонности к регрессированию, когда на его пути возникали трудности. Отмечается, что на протяжении всей жизни при обострении кризисов у него повторялся сон о корабле. Этот сон того типа, который часто встречали и описывали в нашей цивилизации у схожих людей в схожих обстоятельствах.

Вообще говоря, мы можем мыслить поведение как систему актов, которые движутся к завершению на разных скоростях по разным каналам. Завершенный акт – это последовательность событий, движущихся от импульса через субъективность к внешнему выражению и к восстановлению ситуации, очень похожей на ту, какой она была до запуска импульса. Так, за мышечными сокращениями, вызванными голодом, могут последовать – и будут сопровождать их – субъективное чувство голода и кормление, которое завершает акт, устраняя эти мышечные сокращения. Младенческий организм оснащен для завершения некоторых актов, таких как сосание, глотание и дефекация. Когда в эти акты входят помехи, могут произойти замещения или проявиться реакции упорства и гнева. Если реакции упорства и гнева не достигают успеха в устранении помехи, то такие реакции могут обратиться против самой личности, создавая внутреннее сопротивление завершению соответствующих импульсов. Благодаря этому процессу может развиться строгая система подавления и принуждения¹.

Мать или кормилица не только балуют младенца и маленького ребенка, но и отказывают ему; поэтому мать для ребенка и

---

¹ В технических целях первоначальные паттерны выражения можно назвать либидинальными каналами; реакции упорства и гнева можно назвать эгоканалами; другие паттерны можно назвать превращениями. Превращения включают полное подавление, частичное подавление, идентификацию, проекцию, мазохизм, отчуждение и некоторые другие реакции, которые здесь обсуждаться не будут. Подробности см. в ключевых трактатах Зигмунда Фрейда.

«хорошая», и «плохая» (и его установка, стало быть, амбивалентна). Основа депрессии закладывается тогда, когда ребенок лишается любимого человека (например, вследствие его кончины) и реагирует регрессивно, т.е. пытается заместить реальность фантазией. «Хорошая» мать с любовью вспоминается как мать совершенно снисходительная; в то же время гнев на «плохую» мать обращается против собственного Я. Поэтому индивид в крайних случаях наказывает часть своей личности от имени другой части своей личности. Когда дети претерпевают большие лишения в фазах высокой амбивалентности, они часто реагируют посредством этого депрессивного механизма. Позднее они любят людей в согласии с амбивалентными паттернами младенчества, и если их не снабжать постоянно любовью, то верх берет гнев, но гнев этот интернализирован в форме депрессии и, возможно, даже самоубийства.

Отчего же происходит эта интернализация? От острого страха потери. Подобный страх может быть спровоцирован страхом физического возмездия, страхом утраты будущей любви, страхом перед презрительным обращением. Может постигнуть неудача в тактике упорства и ярости; однако порывы к неповиновению при этом приглушаются, но не исчезают. Сильная структура торможения постоянно конфликтует с могущественными импульсами. Такие люди чрезвычайно застенчивы или даже чрезмерно совестливы. Линкольн, напомним, славился своей безукоризненной честностью. Таившиеся под спудом деструктивные тенденции редко прорывались наружу. Нам известны лишь крайне садистские нападки Линкольна на Шилдса¹ и, возможно, его угрожающие анонимные письма Григсби (их подлинность под вопросом).

---

¹ Джеймс Шилдс (1806–1879) – американский политический и военный деятель, сенатор. В конце 1830-х – начале 1840-х годов Шилдс занимал должность государственного аудитора штата Иллинойс. Его деятельность на этом посту подверглась крайне резким нападкам со стороны молодого Авраама Линкольна, который вместе со своей невестой Мэри Тодд опубликовал под псевдонимом *Ребекка* серию статей в местной газете с критикой Шилдса. Последний вызвал Линкольна на дуэль, которая должна была состояться 22 сентября 1842 г. на Кровавом острове посреди реки Миссисипи напротив г. Сент-Луис. Это было идеальное место для дуэлянтов, поскольку остров, расположенный на стыке штатов Иллинойс и Миссури, в административном отношении считался ничейной землей. Во время встречи на острове Линкольн выбрал оружие, но после объяснения между соперниками поединок не состоялся. Впоследствии Шилдс и Линкольн стали друзьями. – *Прим. ред.*

Таким образом, очевидно, что Линкольна мы должны отнести к типам с частично заторможенным гневом. Типы с относительно заторможенным гневом обычно входят в постоянный конфликт с другими людьми, в силу чего играют скромную роль в политической деятельности. Они крайне своенравны, агрессивны, властны и эгоцентричны. Ребенок, привыкший к истерикам и насилию как средствам реагирования на отказ, может получить мало любви в юности и укрепиться в склонностях к сохранению обидчивой фиксации на примитивных способах обращения с миром. Типы с незаторможенным гневом способны добиваться чего-то путем запугивания, но они постоянно сталкиваются с трудностями ввиду защитного поведения со стороны общества. Многие из этих типов с незаторможенным гневом пополняют ряды агрессивных делинквентов, людей, непригодных к труду, и преступников.

Успех в запугивании окружающих своеволием формирует личность, предрасположенную к деспотическому насилию. Первый из Наполеонов, похоже, добивался своего за счет своеволия со второго года жизни. Он рос вздорным и задиристым ребенком; а когда родители, пытаясь обуздать его свирепость, отправили его в возрасте пяти лет в школу для девочек, учителя и одноклассницы только испортили его, терпя эксцентричные выходки единственного среди них мальчика. Наполеон был явно глубоко фиксирован на материнском имаго и обидчиво относился к соперничеству старшего брата Жозефа, коего имел обыкновение «колотить и кусать». Его необычайная тяга к тому, чтобы ему уступали, удовлетворялась лишь частично, даже успехом; ведь картина внутреннего Я, против которой он боролся, всегда оставалась с ним. Среди своих товарищей в кадетской школе в Бриене он чувствовал себя безнадежно неполноценным, поскольку был всего пяти с половиной футов ростом. Его дразнили бедняком и корсиканцем. Он втайне беспокоился, как бы не атрофировались его половые органы, и вел активную половую жизнь, используя это как постоянное средство удостоверения самого себя в своей сомнительной маскулинности. При этом Наполеон всю жизнь был подвержен меланхолическим настроениям и мыслям о собственной неполноценности и изолированности. В какой-то мере их смягчали фантазии и претензии на величие: «Я не обычный человек, и законы приличия и морали ко мне неприменимы». В то же время его преследовали преувеличенные страхи перед тем, что вокруг него зреет заговор. В основных аспектах Наполеон был очень близок к подлинному политическому типу. При ненасытной жажде жестов почтения и уступчивости

по отношению к его эго со стороны других, он не испытывал стойкого интереса к объективным природным процессам и состояниям красоты. Он искал бальзам успеха для своего уязвленного эго и был обречен всегда заливать нанесенные самому себе раны.

Типы с заторможенным гневом во время коллективных кризисов часто избавляются от своих торможений и переходят в деструктивность. Они склонны укреплять свои личности, связывая себя с коллективно принятыми символами и практиками. Поэтому они могут играть в политических движениях роли, закрытые для типов с плохо отмеренным, неуправляемым, нетерпеливым гневом.

Есть тип с почти полностью заторможенным гневом. Он изображается в расхожей фразе о ребенке, «у которого сломлена воля». Этой личностью агрессивные тенденции дезавуируются, и она истолковывает само окружение как чрезвычайно опасное; отсюда чрезмерная робость.

Группа с частично заторможенным гневом может быть подчеркнута мазохистской. Испытывая колоссальные душевные страдания, Линкольн был способен давать выражение своим агрессивным импульсам в сдержанной форме твердости без накопления катастрофического груза парализующей вины. Страдание искупало вину и высвобождало импульс к выражению. Его очевидное страдание приносило ему симпатию некоторых людей, близко его знавших; они чувствовали себя обязанными прийти на защиту человека, испытывающего такие внутренние муки. Подлинные мазохисты прямо-таки жаждут любви и, как отмечает Карен Хорни, часто используют физическую сексуальность и переживания интимной вседозволенности как средство для восстановления уверенности перед лицом тревог, порождаемых попытками справиться с глубоко деструктивными компонентами собственных натур.

Такие крайне мазохистские типы часто бывают преданны агрессивным личностям, экстернализирующим собственные агрессии. Окружение каждого доминирующего лидера чаще всего содержит таких мазохистских индивидов, добросовестно служащих «вождю» и «делу».

Еще одним важным способом обращения с внутренним напряжением является отчужденность, которая тоже была в какой-то степени вплетена в сложную личность Линкольна. Крайняя отчужденность может проявляться в поведении, которое выглядит «бесчеловечным». Такой индивид может быть очень вежлив, но никогда не спонтанен. Тонкий барьер едва ощутимого льда охлаждает более экспрессивные натуры.

Чрезмерная отчужденность отличала личность одного химика, который довольно случайно вовлекся в практическую политику. Коллеги знали его как исключительно одаренного в математике и экспериментальной науке. В личных отношениях он был тихим, говорил мягко, был кроток, вежлив и уступчив. Те, кто лучше всего его знали, чувствовали, что внутренняя его жизнь не окрашена никакими яркими пятнами энтузиазма, депрессии, гнева или любви. Казалось, он относится к миру с самообладанием и равнодушием. Он попал в поле зрения полиции, когда лежал, ошеломленный взрывом на «бомбовом заводе», который он запустил для своих друзей-революционеров. Психоаналитические интервью показали, что революционная философия его товарищей очень мало его волновала. Он запустил «бомбовый завод» в качестве побочного дела, отчасти потому, что интересовался сопряженными с этим техническими проблемами, а отчасти потому, что хотел угодить своим товарищам.

Важное открытие, однако, было сделано на раннем этапе интервью. Он сказал, что им овладел непреодолимый порыв швырнуть бомбу через окно своей лаборатории и разнести все здание. Почти как если бы это было во сне, он подошел к выходящему во двор окну и кинул бомбу, но она взорвалась слишком рано и разрушила прилегающие комнаты.

Позже он вспомнил, что в каких-то предшествующих случаях им так же овладевал этот повелительный порыв к разрушению. Однажды, взбираясь на какой-то пик в Альпах, он поймал себя на мысли, что если камень под его рукой немного раскатать, то он скатится вниз по горе и собьет человека, поднимающегося вслед за ним. Казалось, какая-то странная сила овладела его рукой: она высвободила камень, и его компаньон разбился насмерть. Химик не испытал никакого шока, только немного удивился. Не было ни малейшего ощущения, что этот разрушительный импульс принадлежал его собственной личности.

В крайних случаях «безэмоциональности» у человека часто встречается хорошо развитое «зрительское Я», которое как бы наблюдает его душевные процессы, не испытывая никаких чувств личной вовлеченности. Если такие личности появляются в политике, то обычно как теоретики или случайно.

Личности Линкольна часто противопоставлялся агитатор, одержимый бредом преследования, наподобие Грили. Основой такого типа является, вероятно, расширенное использование проекции и вытеснения как способов справиться с чувством вины и враждебными наклонностями. Для подобных агитаторов общими

являются типичные неудачи в достижении достаточной уступчивости в отношениях с ближними и перенос этого влечения на расширенный мир объектов. Они достигают успеха в экстернализации своих утвердительных импульсов, проецируя внутреннее чувство вины на внешний мир; если этот мир погряз во зле, то они, атакуя его, оказываются на правильной стороне. Неустойчивый характер этого приспособления часто демонстрируется его коллапсом в бедственной ситуации. Когда, например, Грили на склоне лет пережил потерю собственности и политическое поражение, у него развилась сильная меланхолия. Его агрессия рикошетом ударила по нему самому, и он перестал проявлять себя в мире действия.

Некоторые личности отличаются скорее надменным поведением, чем поведением с мотивом преследования. Анализ надменных людей часто обнаруживал функциональную основу надменного поведения в борьбе с презрением к себе. Смещая презрение к себе на окружение и трактуя мир как презренный, личность обретает способность ослабить внутренний кризис. Когда ребенок отстает контроль над своими экскрециями, для выражения брезгливости часто применяют вербальные методы. К «плохому запаху» надо относиться с отвращением, его надо стыдиться. Склонность к принятию слов «ты плохо пахнешь» как правильной самооценки борется со склонностью к проекции этой оценки на окружающих. За счет надменного отношения к окружающим как к смердам часто сохраняется самоуважение¹.

Еще один способ снятия напряжений, возникающих от затормаживания деструктивных импульсов, – действовать одержимо и компульсивно. Такие реакции варьируют во всем диапазоне от поведения Стэнтона, поражавшего всех своей фанатичной преданностью работе, которую он выполнял со всем энергичным сосредоточением, раздражением и жестокостью, до поведения бюрократов и церемониализаторов, замыкающих себя в ритуалистической повторяемости. Преследуемые разрушительными порывами, они держат себя под контролем с помощью порядка, волокиты, рутин, стереотипа. А деструктивные импульсы находят выражение путем того, что миру досаждают, его изводят, ему сопротивляются.

---

¹ Более мстительные, крохоборские и скрытные склонности связаны с обидой на вмешательства кормилицы в фекальные и мочеиспускательные вольности. Младенцы и маленькие дети могут упрямо цепляться за удовольствие от удержания фекалий и обижаться на нарушения приватности и требования придерживаться распорядка.

Некоторые формы экстравертированных личностей остро реагируют на сиюминутные настроения. Изучение таких личностей обнаруживает скудную субъективную жизнь. Часто индивида внезапно бросает из одной крайности в другую: он шарахается между избыточной активностью в бизнесе, сексе или общительности и глубокой депрессией, усталостью и сонливостью. Шумные и настойчивые типы пропагандистов часто берутся именно из подобных экстравертированных личностей. Обычно они бывают невосприимчивыми к реакциям других, не ощущают своей назойливости и обращаются с людьми так, словно те вещи, легко раскладывающиеся на небольшое число простых категорий. Более пристальное исследование обычно обнаруживает острые кризисы развития, разрешающиеся бегством в экстраверсию.

По-видимому, твердо установлено, что философы и иные мыслители, размышляющие о природе и мире, обычно рекрутируются из заторможенных типов. Александр Херцберг в книге «Психология философов»¹ собрал личные данные о тридцати всемирно известных философах. Большинство из них колебались в выборе карьеры и были неэффективными в своих занятиях. Большинство из них не хотели или не умели зарабатывать деньги. Жизнь в браке у философов имела ряд характерных особенностей: 15 из 30 вообще не были женаты, шестеро женились очень поздно, четверо были несчастливы в браке, двое расстались с супругами. Большинство из них были застенчивыми в общении или вовсе к нему непригодными. Херцберг выяснил, что так же бездарны они были в политике. Попытки Платона оказывать практическое влияние были безрезультатными, а Аристотель вышел из фавора. Бэкон впал в немилость из-за мздоимства, а Милля из раза в раз преследовали неудачи. Юм был великим исключением. Как секретарь и позже заместитель британского посла в Париже, а под конец заместитель госсекретаря, он добился большого успеха. Все эти люди, похоже, обладали бурной импульсивной жизнью, которую сдерживали своей совестью так строго, что их попытки справиться с непосредственной реальностью были скованы; отсюда и стремление находить прибежище в мышлении.

Так как мы видели, что многие активные политики движимы сильной совестью, то мы можем задуматься о факторах, определяющих, что будет возникать в результате – философия, невроз

---

¹ Herzberg A. The Psychology of Philosophers. – London : Keagan, Paul, Trench, Trubner & Company Limited, 1929.

или политика. Насколько можно судить исходя из неадекватных данных, агитаторы являются политиками, имеющими больше всего общего с философами. Их раннее окружение было ненадежным. В годы формирования личности оно было в основном очень снисходительным, но снисходительность эта легко прерывалась внезапными лишениями. Нестабильные отношения между родителями в доме, возможно, означали, что приятная эмоциональная атмосфера нарушалась бурями, вызывающими расстройство; поэтому ребенок учился чутко реагировать на изменчивый барометр человеческих установок.

Ясно, что острые кризисы могут решать внутренние проблемы индивида, высвобождая сдерживаемые импульсы для выражения во внешнем мире. Робкие и стеснительные мальчики, сумевшие пережить тяжелый опыт артиллерийских канонад, превращались вдруг в спокойных, решительных и властных людей. Тревоги «отреагировались» и преодолевались.

Когда кризисы обостряются и дело движется в сторону насилия, типы с незаторможенным гневом находят более социальную санкцию для разрядки своих садистских влечений; типы с заторможенным гневом, в какой-то мере избавляясь от страха возмездия, дают больше воли своим агрессивным наклонностям; здоровые утвердительные типы прибегают к безжалостности, хотя и меньше окрашенной гиперактивной жестокостью и мстительностью. В начальных фазах кризиса эмоциональные решения проявляются в разных местах с разной скоростью. Примирительные личности популярны тогда, когда из-за гетерогенности возникает нерешительность. Когда достигается повелительное единство, они отходят на задний план. После кризиса в шкале популярности повышаются менее диктаторские типы.

Небезопасность современного мира, усугубляемая превращениями быстро расширяющейся и быстро сжимающейся экономики, создает условия постоянного кризиса, благоприятствующие захвату власти агитатором и удержанию ее человеком, предрасположенным к безжалостному насилию.

Глава 9

УСТАНОВКА

Каково значение общественной жизни для политических установок последовательных элит? Конечно, разделять общие политические воззрения и принадлежать к одной элите могут очень разные формы личностей. В одно время преобладающие установки могут быть «локальными», «региональными», «национальными» или «интернациональными». В другое время господствующие установки могут быть лояльностью «классу» или «мастерству». В каких-то условиях правящие группы «воинственны»; часто они «примирительны». Политика – это меняющийся паттерн лояльностей, стратегий, тактик; и политический анализ вполне правомерно может быть обзором последовательности преобладающих установок в потоке времени.

Акты, представляющие наибольший политический интерес, – это акты, меняющие социальную среду. Следовательно, политические акты – это акты экстернализованные, поскольку они затрагивают среду по мере того, как движутся к завершению. Интернализированные акты затрагивают только сам организм. Если понаблюдать за каким-нибудь индивидом на протяжении заданного отрезка времени, то мы сможем ощутить, что он стимулирует свое личное окружение, а это окружение в свою очередь прямо стимулирует его самого. Нет сомнения, что его акты – это *ориентации на объекты*. Но если индивид на пять минут выйдет из контакта с непосредственной ситуацией, то мы окажемся в некоторых колебаниях по поводу природы его субъективных реакций. Возможно, он решает проблему, и это увенчается релевантным действием в какой-то будущей ситуации. В этом случае его мышление *приспособительное*. Но может случиться и так, что он погрузится в угрюмое размышление о своих недостатках, просто усугубляющее депрессивное настроение и не создающее никакой активности, которая исправила бы его связь с миром. Его мысли в этом случае будут *аутистичны* (заняты собственным Я). Также изучаемым субъектом может демонстрироваться еще одна важная реакция. Он может быть лишен способности к любви или работе вследствие проблем с желудком, кожных недугов или головной болью, не основанных на каких-либо органических повреждениях. Такие реакции – это *соматические* (телесные) *превращения*.

Четыре только что очерченные реакции можно суммировать так:

- ориентация на объект;
- приспособительное мышление;
- аутистические грезы;
- соматическое превращение.

Политики часто проявляют в своем поведении заметные изменения, которые можно емко описать в этих терминах. Когда м-р Х, член Конгресса, проиграл выборы, он тут же установил новую связь с миром практической политики, став адвокатом-лоббистом в Вашингтоне. Когда умерла его жена, он сразу же снова женился. Другие люди встречали аналогичные повороты в профессиональной и интимной жизни, отстраняясь от непосредственной реальности и посвящая себя творческим исканиям или писательскому труду. Неудача в политической карьере привела Макиавелли к переключению усилий на историю и политическую науку. Другие люди реагировали на неудачу тем, что выводились из строя грезами или телесным недугом. Какой-нибудь член совета при каждом поражении на выборах впадал бы в уныние, отказывался есть и отправлялся в лечебницу, где лелеял бы угрюмые мысли о самоубийстве. Его друзья снова выдвигали бы его на должность, и, будучи избранным, он мгновенно забывал бы о своих трудностях и функционировал так же эффективно, как и обычно. Еще какой-нибудь заседатель, будучи отвергнутым на выборах, приобретал бы проблемы с желчным пузырем или что-нибудь в этом роде.

Сама политика часто бывает заместительной реакцией, возникающей из деприваций в других сферах жизни. Бригадный генерал Эзра Мэннон в трилогии Юджина О'Нила «Траур – участь Электры» раскрывается своей жене в следующих словах:

«Наверно, ты всегда понимала, что не любишь меня. Вспоминается мексиканская война. Я не мог не заметить, как ты хотела, чтобы я уехал. У меня появилось ощущение, что ты стала ненавидеть меня. <...> Именно поэтому я и отправился. Я надеялся, что меня убьют. Да и ты, кажется, надеялась на это, так ведь? <...> Когда я возвратился, то ты всю себя посвятила Орину. <...> Я посвятил всего себя Винни, но дочь – это ведь не жена. Тогда я принял решение отдать все свое время работе, предоставить тебя самой себе в твоей личной жизни и больше не думать об этом. Именно поэтому мне судоводных дел оказалось недостаточно, именно поэтому я стал судьей, мэром и занялся всей этой чепу-

хой... Именно поэтому в городе на меня смотрели как на очень способного! Ха!»¹

Сол К. Падовер в биографии Иосифа II² показал, какое воздействие на Иосифа произвела смерть его жены, Изабеллы Пармской; переживание это было отягощено открытием того, что его меланхоличная жена никогда его не любила. С тех пор Иосиф II был «тверд, сух и жесток», целиком погрузился в управление и был резок, холоден и презрителен по отношению к женщинам. По меткому замечанию Казановы, даже в лице Иосифа были выражены «высокомерие и самоубийство».

Даже вседозволяющее окружение не всегда вызывает единообразные реакции. Продвижение по служебной лестнице может вызвать целый новый всплеск активности; новоиспеченный офисный менеджер может прямо-таки бурлить новыми идеями и обзавестись женой. Успех одной книги может подбить автора написание целого потока книг. Но иногда реакции на успех бывают совершенно несоразмерны. У индивида могут развиваться серьезные сомнения в своих способностях, он может впасть в угрюмость и уныние. У него могут развиваться физические симптомы, он может слететь с тормозов в избыточном употреблении лекарств. Либо он может стать высокомерным, властным, жестоким, готовя тем самым путь к финальному падению. Фрейду удалось описать типы, терпящие катастрофу именно тогда, когда приходит успех. Он обнаружил, что часто ими двигало бессознательное чувство вины от встречи с возможностью принять властную роль, отдавать распоряжения, требовать внимания.

Отдельные случаи вроде только что рассмотренных можно поместить в более широкий событийный контекст, в котором они проявляются. Каждая депривация и уступчивость, каждая форма реакции находят аналоги в любом сообществе в виде других случаев того же рода или нетипичным образом отклоняются от них. Мы можем выделить последовательности, характерные для отдельных групп.

Безработица, например, является частым лишением, которое каждое из сообществ в современном мире навлекает на своих чле-

---

¹ Цит. по изданию: О'Нил Ю. Траур – участь Электры : трилогия / пер. с англ. В. Алексеева ; ред. и послесл. В. Маликова. – Москва : Искусство, 1975. – С. 68–69.

² Padover S.K. The Revolutionary Emperor, Joseph the Second, 1741–1790. – London : Jonatan Cape, 1934.

нов. Индивидуальные реакции на нее располагаются во всем диапазоне интернализированных и экстернализированных решений. Возможны болезненные самообвинения в неудаче, приводящие к суициду, и физические проблемы функционального происхождения. Возможно растущее погружение в фантазии в форме грез, приключенческих историй или киноромантики. Возможно приватное чтение с целью овладения новыми навыками, которые окажутся полезными в случае открытия новых возможностей. Возможны серьезное чтение и исследования, посвященные экономическим условиям; это может увенчаться выражением требований внешних изменений в реальной среде.

Блокированные утвердительные импульсы могут в какой-то степени переключаться на людей в ближайшем окружении; тогда индивид становится вспльчивым. Блокированный интерес к жизни может в какой-то степени находить выражение в сексуальности и общительности. В других случаях самоутверждение может отрабатываться социально стигматизированными способами, например в виде краж и грабежей. В контакте с представителями власти, такими как чиновники, занятые предоставлением государственной помощи, может нарастать личная агрессивность. Человек может оправдывать эти акты перед собой и другими, апеллируя к коллективным символам, таким как «лояльный гражданин», «бывший военнослужащий, пострадавший за свою страну». Индивидуальные акты терроризма могут оправдываться необходимостью «возвратить прогнившую систему».

Организованная деятельность, в отличие от частной, может выражаться в церемониалах, оставляющих внешнюю среду неизменной. Люди могут присоединяться к сектам, тратящим многие часы на исповеди, пение, танцы, слушание. Либо организация будет поддерживать простые и ограниченные требования. Например, комитеты безработных могут протестовать против «злоупотреблений» властью управляющими. Опять же возможны и детально продуманные требования институциональных преобразований, таких как обобществление промышленности. А эти более широкие требования могут соединяться с методами, которые являются либо конвенциональными, вроде проведения выборов и голосования, либо радикальными и запрещенными, как, например, всеобщие забастовки и вооруженные восстания.

Вышеописанные альтернативы можно выразить в общем виде:

- частно интернализированные акты;
- частно экстернализированные акты;

- социально интернализированные акты;
- социально экстернализированные акты.

Политический анализ занимается отчасти выяснением того, какие люди действуют каким образом при каких условиях. Поведение в данной ситуации может быть частично предсказано, если заметить, как те, кто в нее вовлечен, реагировали на схожие ситуации в прошлом и с каким успехом.

Исследование чикагских безработных, проведенное Гэбриелом Алмондом и автором этих строк¹, имело целью обогатить наше знание того, *кто* и *как* реагировал на лишения, связанные с отсутствием занятости. Кто прибегал к «частно экстернализированным актам», а кто – к «социально экстернализированным»?

Гиперагрессивность в отношениях лицом-к-лицу, как выяснилось, была альтернативой организованному протесту. Гиперагрессивность выявлялась при наблюдении поведения клиентов, когда они входили в личный контакт с администраторами, отвечавшими за государственную помощь. Выборка, в которую вошли 100 гиперагрессивных, в некоторых отношениях заметно отличалась от выборки, включавшей 100 членов протестных организаций, таких как рабочие комитеты и советы безработных. Гиперагрессивные, в отличие от организованных, до депрессии редко принадлежали к партиям, профсоюзам или ассоциациям, чаще меняли работу и чаще находились на частной или государственной поддержке, чаще совершали импульсивные правонарушения, такие как нападения, и чаще уклонялись от персональных обязанностей (бросали своих жен, например).

Как правило, гиперагрессивные были психопатическими личностями: настолько нарциссичными, что у них было мало любви, которую они могли бы отдать организованной деятельности; настолько остро реагирующими на покладистые стороны своих личностей, что дисциплина их возмущала; настолько неуправляемыми в отношении своих импульсов, что у них часто возникали стычки с товарищами. Это были типы с экстернализированным гневом, способные к организованным усилиям только во время самых острых кризисов. Стоит лишь организованным усилиям напороться на трудности, как такие личности сбрасывают путы дисциплины и уходят в изоляцию.

---

¹ Almond G., Lasswell H.D. Aggressive Behavior by Clients Toward Public Relief Administrators: A Configurative Analysis // American Political Science Review. – 1934. – Vol. 28, N 4. – P. 643–655.

Схожим образом было показано, что гиперпокорность тоже выступает альтернативой организованному протесту. Сто гиперпокорных клиентов, в отличие от 100 членов протестных организаций, до депрессии редко состояли в организациях (и еще реже – в протестных группах). Они редко совершали правонарушения и моральные проступки; у них были скромные рабочие места; они были выходцами из сельских районов Соединенных Штатов и Европы; они часто стигматизировались своим окружением (как, например, негры, являющиеся объектом расовых предрассудков).

Коллективно с наибольшей вероятностью себя утверждали, разумеется, те, кто состоял в профсоюзах, братствах и схожих объединениях. Этот способ обращения с миром переносился и на чрезвычайную ситуацию.

Более решительное самоутверждение, проявляющееся в виде членства в революционной партии, апеллировало к тем, кто и раньше был связан с радикальными партиями и наиболее откровенно попираал нравы. Лидеры организаций, возглавляемых коммунистами, рекрутировались из числа тех, кто совершал более импульсивные нарушения закона, чем характерные для лидеров организаций, во главе которых были социалисты. У социалистов среди лидеров чаще встречались те, кто совершал расчетливые преступления против собственности. Самые радикальные лидеры совершали преступления именно импульсивные, вроде вооруженных нападений, а не «расчетливые», вроде подлога. Такие лидеры имели много общего с гиперагрессивными личностями, описанными выше.

Лидеры групп безработных происходили из лидеров партий, бизнеса и общественной жизни докризисной эпохи; рядовой их состав происходил из рядового состава докризисных организаций. Было очевидно, что подготовка, умения и социальные связи лидеров радикальных и менее радикальных движений больше походили друг на друга, чем на имеющиеся у рядовых участников. Основной связью с рядовым составом был символ, под знаменем которого лидеры получали поддержку.

Важно понимать процессы морального износа в политической жизни. Организации, которые не «добиваются результатов», оставляют часть своих членов в бездействии; другие переключаются на конкурирующие символы и практики. Сравнительные исследования, похоже, показывают, что в любом организованном движении руководящая элита менее мобильна, чем рядовой состав; в конце концов, руководители способны извлекать доход,

авторитет и иногда безопасность из своих официальных положений. Они выстраивают со своими должностями материальные и сентиментальные узы, являющиеся более осязаемыми, чем те, которые выстраивает рядовой состав. Выборочное обследование отделения Социал-демократической партии в центре Берлина, проведенное в 1931 г., показало, что 60% были членами партии менее пяти лет. Другой отчет, посвященный 75 тысячам членов, показал, что меньше пяти лет в партии состояли 50% из них. Молодые люди (в особенности) переходили из социал-демократических в коммунистические и национал-социалистические организации и даже обратно по мере того, как повторяющиеся волны успехов и неудач меняли их оценку общей ситуации. Широкие массы редко бывают достаточно активными или достаточно радикализированными, чтобы прочно связать себя с особыми средствами выражения. Один самокритичный автор из социал-демократов показал, что, несмотря на многолетнюю пролетарскую агитацию и организаторскую деятельность, пролетарские организации в донацистской Германии оказывали слабое влияние на массы тех, кого можно было назвать пролетариями. Из 40 млн пролетариев лишь 2,5% можно было считать полными членами пролетарских партий (Социал-демократической, Коммунистической и фракционных коммунистических партий). 65% наемных рабочих не состояли в профсоюзах, а 28% тех, кто в них состояли, были членами «буржуазных профсоюзов» (в частности, контролируемых религиозными организациями).

Проблема переприспособления очевидно связана с уровнем общей небезопасности, который является функцией того, как изменения в среде интерпретируются с точки зрения доставления поблажек или лишений. В «Артхашастре» Каутильи, индийской классике, недовольные подразделяются на «разгневанных», «запуганных», «жадных» и «надменных» и обсуждаются методы, которые позволят поднять их против конкретного правителя или привлечь на свою сторону. Основным вкладом современного анализа служит, несомненно, открытие времени, а также особый упор на процессы, которыми усиливаются или сдерживаются всемирные движения. Понятно, что один и тот же объем безработицы может быть более опасен для элиты, находящейся ближе к центру текущей революционной волны, чем для элиты, которая от него далеко. Варшава находится под куда большей угрозой, чем Нью-Йорк.

До сих пор в фокусе обсуждения находилась связь между человеком и человеком или между человеком и сообществом.

Но эти же самые категории анализа пригодны для изучения связей сообщества с сообществом, особенно связей одного государства с другими государствами в современной системе государств. Внезапное поражение государства может привести к волне суицидов среди его униженных лидеров и к такому интернализированному коллективному поведению, как религиозное возрождение. Организованное действие может вызвать также экономическую и техническую реабилитацию нации ради восстановления статуса и осуществления реванша (Франция после 1870 г.; Германия после 1918 г.).

Эти же основные категории можно использовать для рассмотрения последствий контакта между людьми сильно различающихся культур.

Экспансия европейской цивилизации оставляла после себя обширную волну культурных кризисов, изменчивые исходы которых дают примеры как культурной адаптации, так и культурной катастрофы. Важным фактором в этом исходе являются скорость и масштаб внешнего вмешательства. Но если некоторые культуры, подвергшиеся вследствие контакта с европейцами примерно одинаковой степени подавления, быстро распались, то другие адаптировались и выживали.

Под культурным выживанием понимается сохранение отличительного названия культуры и многочисленных поддерживающих ее отличительных символов и практик, а также сохранение населения для передачи культурного наследия. Иногда происходит ее ровный и постепенный переход к действительному участию в качестве члена политического тела государства, признанного в западноевропейской государственной системе. Прежнее племенное название сохраняется как уважительная социальная метка, но нет никаких требований обретения государственности. Маори Новой Зеландии, несомненно, представляют эту форму адаптации.

В некоторых случаях носители примитивной культуры в столь крайней степени интернализировали свое поведение, что культура быстро двигалась к вымиранию не только через отказ от ее форм, но и через саморазрушение ее носителей. У.Х.Р. Риверс предлагал объяснять депопуляцию Меланезии, опираясь на эту гипотезу, поскольку отвергал точку зрения, что внешнее вмешательство здесь было более жестким, чем в ареалах, где результаты были не столь фатальными. Согласно его интерпретации, появление белого человека, который нарушал все священные запреты и которому в ответ не наносилось никакого ущерба, породило такую

фрустрацию, депрессию и апатию, что культурными паттернами стали пренебрегать, и людей совершенно перестало интересовать даже продолжение рода.

Такой же процесс может происходить менее заметно, когда многие индивиды покидают примитивную культуру, упираются в невозможность закрепиться в более широкой внешней среде и в итоге губят самих себя чрезмерным употреблением наркотиков или беспечным заражением разными болезнями. Те же, кто остается верен примитивной культуре, могут строго блюсти старые формы, не будучи порой в состоянии принять достаточно нового, чтобы осуществить плавный переход.

Иногда объем социально интернализованного поведения нарастает в ответ на депривацию. Новые секты могут увеличивать затраты времени и энергии на танцы, молитвы, медитации. Они могут повышать среди членов сообщества частоту аутистических опытов, модифицируя тем самым нормы этого сообщества. Некоторые сведения указывают на то, что там, где у индейцев пуэбло, таких как таос, развился культ пейота, возросла важность личных, субъективных событий. Как показала Рут Бенедикт, индейцы пуэбло преимущественно практичны. Они не полагаются на грезы как на средство установления личного контакта с силой, в отличие от индейцев равнин. Те, кто жует пейот (высушенный кактус), общаются о насыщенных видениях, часто в цвете, и этот частный аутистический опыт, похоже, представляет новую ценность в жизни пуэбло.

Социально экстернализованные акты могут использовать в качестве мишени, на которую они направлены, не только мир вне сообщества, но и само сообщество. Мы видели, что когда агрессивные импульсы блокируются, агрессия обращается на мишени, близкие к Я. Некоторые данные говорят о том, что часто этот процесс проявляется в развитии фракций среди побежденных, особенно если они привыкли к очень самоуверенному поведению. М.Э. Оплер показал удивительный пример этого процесса у мескалери-апачей. С уничтожением стад буйволов и подавлением отрядов мародеров мескалери были брошены в резервацию, где оказались в тесной близости друг к другу. Среди них быстро распространился культ пейота, но в особой форме. Культовые собрания здесь были театрами острого конфликта между соперничающими шаманами, каждый из которых пытался подбить других на то, чтобы те выдали свои особые секреты. Распри и месть стали столь кровавыми, что настоятельно требовалось иное приспособ-

ление; в противном случае мескалеро, по-видимому, были обречены на взаимное истребление.

Символы, распространяющиеся в сообществах в ответ на депривацию, связаны с прежними паттернами внешнего выражения. Индейцы равнин были преданы охоте и войне, в отличие от индейцев пуэбло на Юго-Западе, которые на момент прихода белого человека были прежде всего аграриями; и именно у индейцев равнин сильнее всего распространился Танец Призрака, в котором было много антибелых элементов.

Некоторые символы организуют коллективные импульсы в акты, влияющие на внешнюю среду. Заговорщические восстания вроде восстания боксеров в Китае могут быть полны решительной ненависти к чужеземцам; но без превосходящей техники чужеземцев им гарантировано поражение, если только вторгающуюся цивилизацию не ослабят другие обстоятельства. Когда носители высшей боевой техники расколоты, это снижает давление на людей периферии с их более простой техникой, и тогда они могут нагрянуть со своих далеких гор, пустынь и степей и смести чуждые сообщества до основания либо осесть в них и ассимилироваться.

Социально экстернализированные формы приспособления встречаются тогда, когда в сообществе принимаются чужеземные техники сельского хозяйства, торговли, ремесла, промышленного производства и войны.

Экстернализированные формы приспособления могут также заключать в себе заимствование символов и институциональных практик задающей ограничения цивилизации. Так, могут заимствоваться и распространяться националистические программы; например, китайцы перенимают западные концепции конкурентной системы государств и национализма и обращают их против западных держав, упраздняя экстерриториальность и другие виды чужеземных привилегий. У более слабых народов предвещать национализм могут такие признаки, как увеличение числа туземных сект, конкурирующих с сектами и деноминациями, находящимися под чужеземным контролем. Сообщают, что у чернокожих туземцев Юго-Западной Африки за последние годы сформировалось больше 500 туземных деноминаций. Это, несомненно, культурная активность, которая перебрасывает негров через долгий период бдительного выжидания внешнего властного баланса к переключению на преимущества черных в противовес белым.

Приведенные соображения показали, как контакт может быть встречен интернализированными или экстернализированными актами, некоторые из которых дают толчок пассивным или активным программам. Какие факторы воздействуют на географическое распределение лояльностей? Современные националистические движения консолидировали лояльности жителей многих локальных ареалов вокруг символов значительно более крупных сообществ. Но так же верно было и обратное. Лишенные истории нации Центральной и Восточной Европы стимулировались в последнее время к самооткрытию или повторному самооткрытию. Результатом было прерывание преемственности правления в Австро-Венгерской, Российской и Турецкой империях. Такие спросы на самоопределение во имя национального единства часто следуют старым административным разграничениям. Великобритания и Франция обе организовывались вокруг городских центров старых административных районов. Столичная речь становилась стандартным языком правосудия, гражданского и военного управления, дебатов, обучения, общества. Такие объединяющие черты распространялись в отдаленные провинции зачастую несовершенно. Поэтому культурные различия по мере возрастания ценности национального статуса могли перерастать в политический сепаратизм.

Несмотря на убеждающие или воинственные претензии многих самозванных мировых элит, мир не является единым сообществом. В нем нет солидарности чувства и практики. Такое единение до сих пор блокировалось спонтанной и отчасти намеренной игрой баланса сил, или, точнее говоря, балансирования сил. Эта игра ограничивает поле действия амбициозного монарха, расширяющегося буржуазного государства, воинственного революционного общества. Именно баланс сил склонял чашу весов против каждого местного мечтателя о мировой гегемонии и оберегал верность человеческих народов символам более инклюзивным, чем ближнее соседство, но менее инклюзивным, чем весь мир. Никакая внешняя угроза, никакая общая надежда на выигрыш, никакой общий кодекс правильного не достигали такого господства, которое гарантировало бы мирную смену элиты в едином мире.

Лояльности могут соответствовать функциональным разграничениям не меньше, чем географическим. Новое разделение труда, вызванное к жизни машинами, создало заметные различия между теми, кто трудился на заводах, и теми, кто ими владел или управлял. Когда крестьяне устремились в города, возникли многообразные виды незащищенности. Прежние кодексы морали и при-

личий подверглись чудовищному удару и нашли выражение в символах протеста, направленных против правящего «класса». Когда революционная ситуация в России привела к захвату власти от имени «пролетариата», сразу пошли процессы географического сдерживания, так как иностранные элиты старались защитить себя, подчеркивая местнический характер новых элит. Выразятся ли незащищенности в символах географии или функции, зависит во многом от их положения во времени и пространстве по отношению к самому всемирно-революционному процессу.

Когда индивидуальные импульсы переключаются на коллективные символы? Периоды процветания бывают периодами индивидуалистической экспрессии, когда в соотнесенности с благоклонным мирозданием строятся частные планы. Периоды же депрессии или войны – это периоды подчинения коллективным символам.

Когда с наибольшей вероятностью принимаются примирительные или воинственные установки? Жестокость особенно характерна для тех, кто чувствовал вину и неполноценность и стремится преодолеть склонность к подчинению с помощью чрезмерной реакции. Типы с экстернализированным гневом и частично заторможенным гневом – это те, от кого следует ожидать деструктивных актов в случае стресса. Элиты и сообщества, которые чувствовали вину и неполноценность и стараются преодолеть недостаток уверенности в себе, более всего предрасположены к необузданной ярости и к актам коллективной деструкции.

Мы коротко рассмотрели установки, представляющие особый интерес для исследователя политики: экстернализированные установки, установки сообщества, воинственные установки и все, что с ними соотносится. Когда мы рассматриваем эти установки в перспективе мирового развития, мы не можем не поразиться тому упорству, с которым некоторые формы установок, включенные в паттерн западноевропейской цивилизации, сохранялись в ходе конкуренции и конфликта с соперничающими установками. Эта цивилизация благоприятствует экстернализации, воинственности и местничеству. Энергии направляются вовне, на манипулирование человеком и природой. Ожидание насилия ведет к непрекращающемуся оцениванию социального изменения в терминах боевой эффективности. Локальные группы, участвующие в технических процессах этой цивилизации, откалываются друг от друга этим предчувствием насилия как вероятного разрешения внутренних и внешних трудностей и сентиментализацией локальных различий.

Сентиментализация локальных различий приняла современную форму национальности и национализма. Национализм – это массовое требование стать или оставаться государством среди других государств¹. Национализм представляет собой форму провинциализма, которая стимулировалась современной торговлей и промышленностью, акцентирующими преимущества более крупных рынков.

Между тем тенденции к укрупнению локального рынка сдерживались конфликтом с другими в той же цивилизации, которые стремились к тому же расширению рынка. Тенденции к экстернализации человеческой активности в выгодных экономических направлениях оказывались несовместимыми с тенденциями к уважению локализма и к ожиданию обращения к насилию. Никакой единой группы в русле мировых экономических процессов не возникало, поскольку каждая экономическая группа стремилась укрепить свои позиции, превознося патриотизм и практикуя насилие, что в свою очередь не допускало полного единения с доминирующими экономическими группами со стороны других, делающих ставку на то же самое.

Время от времени возникают функциональные символы, бросающие вызов господству парохияльных символов. Новейшая атака на парохиялизм была предпринята от имени всемирного пролетарского класса. Но другие характеристики западноевропейской цивилизации обнулили или обнуляют успешность этих призывов вступить на функциональный путь к единому миру. Те, кто захватывает власть от имени всеобъемлющего символа, быстро изолируются игрой баланса сил, которая особенно щекотлива в цивилизации, ожидающей насилия и сентиментализирующей национальность и национализм. Обороняя себя, носители нового призыва к функциональной всеобщности принимают базовые условия выживания в этой среде и делают ставку на собственные локальные ценности в мире потенциального насилия. Поэтому нас ничуть не удивляет, когда мы узнаем, что слово «Родина», означающее место рождения или родную землю, допускается в прессе Советского Союза для обозначения СССР. Фразы вроде «социалисти-

---

¹ В натуралистических целях, в отличие от некоторых нормативных (юридических), государство можно определить как некоторое множество событий. «Тем субъективным событием, которое является уникальным признаком государства, является признание того, что человек принадлежит к сообществу с системой верховных требований и ожиданий» (Lasswell H.D. *Psychopathology and politics*. – Chicago : University of Chicago Press, 1930. – Chap. 13 : The state as a manifold of events. – P. 245).

ческого Отечества» применялись в прошлом для подчеркивания идеи интернационализма.

Активизм, воинственность и парохизм западной цивилизации всюду соединяются и подавляют всех, чьи установки им противостоят.

ЧАСТЬ IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Глава 10

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Под изучением политики здесь имеется в виду изучение влияния и влиятельных. Влиятельных нельзя удовлетворительно описать с помощью одного показателя. В какой-то степени о влиянии говорят притязания на ценности, такие как авторитет, доход, безопасность. Но авторитет может не приходить к богатым, а безопасность – к выдающимся. При выборе разных критериев влияния, разумеется, можно получить разные результаты.

Результаты политического анализа зависят также от характеристик элиты, которую предполагается исследовать. В этой книге говорилось о квалификационных, классовых, личностных и установочных группах и обсуждалось значение социального изменения для относительного подъема таких образований. Важнейший политический анализ современной эпохи (марксистский) сосредоточивался на классовых результатах социального изменения. Это отвлекало внимание от множества столь же релевантных способов видения результатов социальной жизни, таких как судьбы квалификационных, личностных и установочных групп.

Акцент на классе, так же как и акцент на мастерстве или личности, – это методологический инструмент мыслителей-систематиков, отобранная схема соотнесения, которая должна оставаться постоянной в ходе *конкретного* акта анализа. Акт применения новых схем соотнесения для целей политического анализа будет, как правило, модифицировать предпочтения тех, кто ими пользуется. Те, кто привык мыслить в терминах установок сообщества (таких как национальность, национализм), часто обретали новые озарения при помощи классового анализа и нередко моди-

фицировали свои практические предпочтения. Иногда они переклюкались с патриотизма на пролетарство. Мыслители, привыкшие к классовому анализу, могут подвигаться к новым озарениям и новым шкалам предпочтений подключением других способов осмысления социальных результатов. Они могут захотеть идентифицировать себя с борьбой умений, а не с классовой борьбой, или искать самореализации под знаменами нации, расы или личности. Любой акт анализа выправляет предпочтения самим актом приложения их к новым натуралистическим озарениям.

В сообществах, разделяющих западноевропейскую цивилизацию, те немногие, что называются здесь элитой, влиятельнее, чем многие, или масса. Лорд Брайс говорил, что правительство – всегда правительство немногих, выступает ли оно от лица одного, немногих или многих.

Возвышение элиты зависит отчасти от успешного манипулирования ею своей средой. Методы управления заключают в себе символы, насилие, блага и практики. Контрэлиты зависят от этих же средств.

Некоторые методы особенно пригодны для атаки на элиту, другие – для ее защиты. Утвердившаяся элита обычно занимает столь прочное положение для контроля над благами, насилием и практиками сообщества, что вызов этой элите ограничивается преимущественно опорой на символы. В конце концов, символы дешевы и неуловимы; они могут распространяться из уст в уста, оставаясь невидимыми для бдительно следящей власти; они могут организовать согласованное действие среди недовольных и подогреть кризис, в котором станут полезны другие методы. Всякий установленный порядок обладает господствующим мифом (идеологией); но монополию на символы не так легко отстоять, как монополию на блага и насилие.

Ровно функционирующий политический порядок мало нуждается в мышлении о пропаганде среди членов собственного сообщества. Идеология, будучи однажды принятой, увековечивает себя с удивительной живучестью. Индивиды, рождающиеся в государстве, направляют часть своей любви на символы, поддерживающие систему: общее название, общих героев, общую миссию, общие требования. Часть деструктивных тенденций направляется на соперников, предателей, ереси и контртребования. Индивиды в связи со сложным процессом взросления генерируют чувства вины; и часть этой вины проецируется вовне, на символы коллективных врагов, которые трактуются как позорные попиратели нравов.

Личная слабость тоже проецируется на внешний мир. В конце концов, разве враг не обречен на поражение при нашей победе?

Пропаганда революции имеет по крайней мере одно долгосрочное преимущество. Недовольство, чем бы оно ни создавалось, имеет тенденцию ослаблять могущество доминирующей системы символов и практики. Любая элита, которой не довелось совпасть с процветанием и победой, может быть отвергнута массами. Поражение, депрессия и катастрофа, чем бы они ни были вызваны, рождают сомнения в легитимности Сына Неба. Когда люди терпят лишения, они обычно забирают свою любовь у символов внешнего мира и сосредоточивают ее на самих себе, а также переводят с внешнего мира на самих себя свои самоутверждающие импульсы. Крайние реакции ведут к нарциссическому психозу или самоубийству. Большинство людей, однако, избегает подобных крайностей, ставя новые наборы коллективных символов на место старых. Задача революционного пропагандиста состоит в том, чтобы направить разрозненные проявления небезопасности в каналы, позволяющие ему захватить власть. Он стремится контролировать проекцию любви, деструктивности, вины и слабости в связке с утопией, способной стать идеологией.

Чтобы произвести революционные потрясения, одних только лишений недостаточно. Социальные революции происходят тогда, когда в силу роста новых социальных образований, обусловленного техническим развитием, становятся возможными новые индальгенции. Только новая уверенность в собственном успехе дает силу для возмущения против лишений.

Именно повторяющийся рост небезопасности, чем бы он ни вызывался, выводит на передний план непрекращающиеся инновации в деталях как в сохранении власти, так и в ее захвате. Скука от одного символа означает важность другого символа; провал сухопутных войск подчеркивает важность военно-воздушных сил; неудачи в свободной конкуренции указывают на возможности монополии; недовольство законодательными органами наводит на мысль о популярности сильной исполнительной власти.

Безвредную разрядку массовой эмоции (катарсис) могут производить пропаганда, насилие или управление благами и практиками. Каждый из этих методов может способствовать и приспособлению. Но все методы могут потерпеть поражение в случае неумелого применения и неблагоприятных обстоятельств.

Результаты социального изменения политически значимы в той мере, в какой они влияют на распределение ценностей между

разного рода элитами. Элиты описывались здесь в терминах мастерства, класса, личности, установки.

Некоторые типы мастерства редко приводили к видимому положению. В этом отношении рабочие, крестьяне, физики, инженеры (манипуляторы вещами) были гораздо менее заметны, чем те, кто управляли людьми. В западноевропейской цивилизации во все времена было важно мастерство в таких сферах, как насилие, организация, торг и манипулирование символами. Однако относительная роль разных видов мастерства менялась. Мастерство в насилии было основным путем к власти в феодальной Европе. Мастерство в организации обеспечивало цемент, скреплявший национальные монархии. Мастерство торга возвысилось с эпохой промышленной экспансии. В рамках недавних кризисов мирового развития решающую роль играло мастерство в пропаганде, а мастерство в торге отошло отчасти на второй план.

Рост новых классов, как и развитие новых умений, неразрывно связан с появлением новых средств производства. Новая технология была главной предпосылкой упадка аристократии и возвышения буржуазии. На это отчасти указывали захваты власти во Франции (и в других местах) во время кризисов большой интенсивности. Мировая революция – это захват власти, который идет на пользу новому социальному образованию. Этот захват локален и протекает под знаменем нового набора руководящих символов. Французская революция, напомним, была совершена под знаменем «прав человека», а в число практик входило всеобщее избирательное право, парламентаризм, отделение церкви от государства и поддержка деловых людей в ущерб феодальным аристократам.

Мы приняли положение, что революция 1917 г. в России была еще одной мировой революцией. Те, кто захватил власть, выступали от имени пролетариата и учредили относительное равенство денежных доходов, огосударствление организованной социальной жизни, монополизацию легальности в руках одной господствующей партии. Где мы находимся относительно этого позднейшего революционного переворота и следующего?

Наш анализ привлек внимание к тому, как всемирно-революционные инициативы одновременно частично удерживаются в границах и частично универсализируются. Тех, кто захватывал власть во Франции и в России, сдерживала игра внешнего баланса сил. Поэтому мир не был объединен теми, кто выступал от имени новых политических символов. Одним из средств защиты

была частичная инкорпорация символов и практик, связанных с этим паттерном. Так, мы интерпретируем нынешнее положение дел в мире как движение в сторону относительного денежного равенства, огосударствления социальной жизни и монополии на легальность единственных политических партий.

С этой точки зрения мы находимся в гуще единого мирового движения, выражающего себя в своих ранних фазах во множестве противоречивых форм. В Соединенных Штатах эти развития вряд ли пройдут через период *«романтического» фашизма*, как в Италии и Германии. Для романтического фашизма характерен захват должностей – за шатким фасадом легальности – лидерами массового движения. Костяком массового движения является низший средний класс; агитаторы, находящиеся на его вершине, получают также поддержку от крупного бизнеса и аристократических групп. Поначалу консервируется частнособственнический капитализм; но кажется вероятным, что перед лицом необходимости единства нации частнособственнический капитализм во время военного стресса будет ликвидирован. В военном государстве, несомненно, развернулось бы движение в сторону уравнивания, огосударствления и монополизации.

Другой возможный путь к фашизму в Соединенных Штатах заключал бы в себе упрямое посягательство нетерпеливого сообщества на применение забастовок. Этот *«частичный» фашизм* мог бы возникнуть, если бы группы среднего класса были подняты организованными силами крупного бизнеса и больших финансов против «агитаторов», «красных» и «радикалов».

Более мирное развитие американской жизни могло бы последовать, если бы средние классы избавились от своей нынешней психологической зависимости от сил крупного бизнеса и больших финансов. Сегодня ораторы общенациональных деловых организаций говорят от имени американского бизнеса как единого целого, не акцентируя конфликт интересов между независимым и монополистическим бизнесом. В прошлом недовольство независимого бизнеса и профессиональных групп монополистическими тенденциями современного индустриализма полностью исчерпывалось партийными каналами. Эффективное действие в современном мире зависит от функциональных организаций, которые стоят за партиями и придают силу партийному действию. Следовательно, рост сознания среднего класса зависит от преобразования среднеклассовых групп в действенные национальные организации, имеющие в своем распоряжении собственный штат управленцев, собственные средства

коммуникации и развивающие собственные самосознание, мировоззрение и программу.

Что касается Соединенных Штатов, то среднеклассовому активизму способствовало бы создание Независимой палаты американского бизнеса и службы. Можно было бы выдвинуть практические требования использовать возможности налогообложения для обуздания крупного бизнеса и крупных финансов и для обеспечения кредитами независимых групп. Опираясь на эту программу, малый бизнес и профессионалы могут сотрудничать, в каких-то пределах, с организациями наемного труда, особенно квалифицированного. Мелкие сельскохозяйственные интересы могут тесно идентифицироваться с антимонопольными требованиями. Эти компоненты среднего класса мог бы объединить для борьбы за общие цели Американский конгресс мастерства, открытый для всех американцев, принесших свои жертвы ради приобретения социально полезных умений и относящихся к менее доходной группе. На проводимой раз в год ассамблее Американский конгресс мастерства мог бы координировать разрозненные программы сотрудничающих организаций и стимулировать в них развитие действенного профессионального сознания.

Такой орган, выступающий в роли краеугольного камня, стимулировал бы действенное самосознание в социальных образованиях, которыми тут и там в настоящее время движут исторические процессы, в которых они мало что понимают. Наверное, главнейший парадокс состоит в том, что именно квалификационные группы низших средних классов восходят к контролю в современной мировой политике. В Советском Союзе нынешние процессы благоприятствуют тем, кто достигает мастерства в инженерии, организации, пропаганде, насилии. Огромные разницы в денежном доходе были стерты с уничтожением земельной аристократии и иерархий частного бизнеса. В Соединенных Штатах, где среднеклассовые образования все еще пребывают в относительном расцвете, мировые процессы обуздания больших разниц в доходах могут принять довольно своеобразную форму.

Недавно независимые фармацевты, торговцы бытовой техникой, бакалейщики и другие бизнесмены попытались обуздать сетевые магазины. Их поддержали оптовые продавцы, встревоженные возможностью того, что их рынки окажутся под господством торговых сетей. Некоторыми мелкими производственными предприятиями руководят люди, чутко отзывающиеся на возможные выгоды, которые можно извлечь из защиты их независимости

с помощью организованного действия. Консервная промышленность, широко рассеянная по всей стране во множестве мелких предприятий, типична для наиболее многообещающих фундаментов среднеклассовой политики. Многие деловые люди получали стимул к росту осознания своих особых интересов, видя, как их крупные конкуренты пытаются монополизировать механизм Национального закона о восстановлении промышленности. Некоторые увидели выгоды, которые они могут получить от поставок дешевой энергии такими государственными предприятиями, как Администрация долины реки Теннесси, Боулдер Дам и проект Гранд-Кули. Государственные «критерии» могут использоваться для контроля расценок в частных коммунальных компаниях.

Недавно было осознано, что средства современного корпоративного контроля можно использовать как инструменты публичной политики, а не только частной. Крупные частные коммунальные компании, особенно в областях электроэнергетики и связи, широко распространили свои акции по всей стране. Надежда была на то, что созданные таким образом материальные интересы защитят коммунальные предприятия от требований общественной собственности и общественного управления. В то же время считалось, что номинальные владельцы слишком широко рассеяны, чтобы оказывать хоть какое-то действенное влияние на небольшие контролирующие группы, заправляющие в холдинговых операционных компаниях.

Публичная политика может требовать использовать «доли» не только для того, чтобы пропагандировать иллюзию контроля в качестве «политики связей с общественностью», но и для того, чтобы обеспечить средство действенного контроля. Правительства уже научились использовать корпорацию с общественной собственностью, и есть много примеров того, как долями в акционерном капитале совместно владеют государственный орган, частные группы и индивиды. Можно представить бесконечно большое разнообразие совместных механизмов. В важных кредитных, энергетических, транспортных и коммуникационных компаниях (региональных, национальных, наднациональных) акции с правом голоса могут закрепляться за значимыми функциональными группами, такими как департаменты и комиссии федерального правительства, деловые ассоциации (включая иждивенцев), фермеры, организованные рабочие, потребители, кооперативы, правительства штатов и крупных городов.

В настоящее время в русле политики связей с общественностью стало обычным делом закреплять блоки акций за «привилегированным списком» индивидов, связанных с банками, брокерскими домами, инвестиционными трестами, страховыми компаниями, инженерными компаниями и политическими партиями. Эту практику могут «институционализировать» и поставить под более ответственный контроль с помощью закрепления долей за важными функциональными группами в их корпоративном качестве.

Если создается этот или любой другой инструмент контроля, результат будет зависеть от относительного мастерства и силы функциональных групп. Если среднедоходные квалификационные группы хотят оказывать влияние на национальную политику от своего имени, они должны быть организованы в национальном масштабе и способны к независимому самоутверждению. Они должны быть представлены некоторым множеством ораторов, которых не будут сбивать с толку глашатаи каких-нибудь крупных деловых групп, жалующиеся на «красных», когда независимые деловые, профессиональные и профсоюзные группы грозят обузданием монополистических практик.

Дальновидные умы уже предсказывали времена, когда инструменты корпоративного контроля будут подогнаны к требованиям интегрированной национальной политики. Они видели впереди возможность превращения «каждого гражданина» в «акционера» компании «США, Инкорпорейтед», наслаждающегося гарантированным базовым доходом как фиксированным обязательством национального экономического предприятия (при условии удовлетворительного участия сего гражданина в национальном предприятии) и принадлежащего к функционально-территориальным группам, способным оказывать некоторое скорее официальное, чем тайное или внешнее, влияние на политику.

Совершенно отдельно от таких амбициозных проектов мы видим много менее претенциозных средств, позволяющих справляться с проблемами «эффективности и приемлемости», создаваемыми крупными предприятиями в Американской Республике. Много изобретательных практик предлагается в трудах таких опытных исследователей современного общества, как Сидней и Беатрис Уэббы.

Многие состоятельные люди поймут, что сохранение американского бизнеса зависит от здорового среднего класса американских бизнесменов и профессионалов. Крупный бизнес нуждается в меньшем бизнесе и может благоразумно принять меры, необходимые

для его поддержки. Иначе пропасть между богатыми и бедными, столь катастрофичная для сохранения республиканских институтов, расширится до угрожающих масштабов. В критические дни дебатов о принятии новой Конституции «The Federalist» подошел к этим вопросам со всей откровенностью. Понятно, что «самым обычным и устойчивым источником фракций было неравномерное и неравное распределение собственности». Принималось как данность, что фракции устранить невозможно, но их эффекты можно контролировать. И среди ранних государственных деятелей Соединенных Штатов были люди, видевшие, что можно что-то сделать для сохранения того рассредоточения экономического контроля, от которого зависит стабильность республиканского правительства.

Если литература, посвященная классовому анализу, огромна, то значение социальной жизни для относительного успеха личностных типов мало исследовалось. Между тем быстрые перемены событий благоволят то одному стилю личности, то другому. Главной чертой политика в целом является сильная тяга к авторитету; но чтобы пришел успех, этот мотив должен соединиться с подходящими умениями и благоприятным стечением обстоятельств. В рамках общего паттерна политика различимы несколько подтипов. Примечателен агитатор, у которого жажда авторитета настолько сильна, что меньшим, чем *возбужденная* реакция его современников, он не довольствуется. Как средства для достижения экзальтации он культивирует ораторское мастерство и навыки полемической журналистики. Организатор меньше связан нуждой в возбужденной реакции; у него больше энергии для координации человеческой деятельности. Примирительные личности происходят из типов с частично заторможенным гневом; безжалостные и властные – из типов с экстернализированным гневом. Агитационному и безжалостному типам благоприятствует кризис, и их в изобилии можно было наблюдать в ходе недавних кризисов мирового экономического расширения-сжатия. Для организаторов и примирительных личностей более благодатны периоды между кризисами и начальные фазы напряжения.

Превратности социального развития можно видеть в соотношении с их воздействием на установочные группы. Хотя эта схема соотношения и связана тесно с другими, установочные группы перпендикулярны всем им. Самые разные личностные типы могут разделять одну и ту же националистическую лояльность; самые схожие личностные типы могут разобщаться классовыми лояльно-

стями. Люди, искушенные в насилии, могут обладать обостренным групповым сознанием и быть политически утвердительными; люди, умелые в инженерии, явно менее активны в политике. Успеху классов могут мешать установки национальной лояльности.

Цивилизацию Западной Европы отличают определенные установки, выживающие в самых разных локальных изменениях и навязывающие себя одному поколению за другим. Европейская цивилизация – активистская: она поощряет манипулирование человеком и природой; она благоприятствует скорее экстернализации, чем интернализации человеческих импульсов. Европейская цивилизация парохияльна: она поощряет локальные лояльности, с пристрастием относится к национализму и обуздывает тенденцию утверждения функциональных лояльностей как средства достижения всеобщего единения. Европейской цивилизации свойственно ожидание насилия: она воспринимает войны, революции, сецессии, бунты, борьбу банд и человекоубийство как нечто само собой разумеющееся; как бы насилие ни осуждалось, вероятность насилия с печалью допускается преобладающим большинством. Существуют другие культуры («примитивные» культуры), не считающие ничто из этого само собой разумеющимся. Но западноевропейский паттерн сегодня держит в своих тисках преобладающую часть человечества.

Возможно, отличительным и объединяющим политическим движением нашего времени является приход низкодоходных квалификационных групп к гегемонии в мире, где поверх мира, созданного революцией 1789 г., происходит частичное распространение и частичное сдерживание всемирно-революционного паттерна 1917 г. Тем не менее за величиём классовых фасадов пронизательный политический анализ может обнаружить дополнительную – и, возможно, более тонкую – диалектику личных умений, личностных типов и личностных установок. Таким образом, изучение политики может не приносить никаких окончательных достижений, никакой удовлетворительной определенности; но оно может помочь в какой-то мере сориентироваться в непрестанной переоценке смещающихся линий общей небезопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1

Анализ политики, который вы найдете в этой книге, изложен автором в сжатом виде в: Lasswell H.D. *World politics and personal insecurity*. – New York : Whittlesey House, McGraw-Hill Book Co., 1935 (гл. 1 «Конфигуративный метод»). В переопределении предмета политической науки в Соединенных Штатах особенно влиятельным был Чарльз Э. Мерриам. См.: Merriam C.E. *Political power: Its composition and incidence*. – New York : Whittlesey House, McGraw-Hill Book Co., 1934. См. также работы Чарльза Э. Бирда. Из работ более молодых авторов заслуживают упоминания: Catlin G.E.G. *The science and method of politics*. – New York : Harcourt Brace and Co., 1927; Schuman F.L. *International politics: An introduction to the Western state system*. – New York : McGraw-Hill Book Co., 1933 (см. гл. 13). У европейских авторов не являются редкостью схожие формулировки. См., в частности: Mosca G. *Elementi di scienza politico*. – 2. ed. con una seconda parte inedita. – Torino : Fratelli Bocca, 1923 [рус. пер.: Моска Г. *Начала политической науки*. Части 1 и 2 / пер. с итал. Е.И. Темнова. – Москва : КноРус, 2020]; Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft // Grundriss der Sozialökonomik. Abteilung III*. – Tübingen : Mohr, 1925 (включены т. 1, гл. 3; т. 2, гл. 7; т. 3, гл. 1–11) [рус. пер.: Вебер М. *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии* : в 4 т. : [пер. с нем.] / сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016–2019. – Т. 1. – 2016. – С. 252–333 ; Т. 2. – 2017. – С. 297–312 ; Т. 3. – 2018. – С. 19–220]. Данные о составах и последовательностях элит см.: Sorokin P. *Social mobility*. – New York: Harper & Brothers, 1927 [рус. пер.: Сорокин П.А. *Социальная мобильность* / пер. с англ. М.В. Соколовой ; под общей ред. В.В. Сапова. – Москва : Academia; LVS, 2005]; Pareto V. *The mind and society <Trattato di sociologia generale>* : 4 vols. – New York : Harcourt, Brace and Company, 1935; Michels R. *Umschichtungen in den herrschenden Klassen nach dem Kriege*. – Stuttgart [u.a.] : Kohlhammer, 1934. Данные по Соединенным Штатам см.: *Recent economic changes in the United States* : 2 vols. – New York : McGraw-Hill, 1929; *Recent social trends in the United States: report of the President's*

Research Committee on Social Trends : 2 vols. – New York; London : McGraw-Hill Book Co., 1933; Holcombe A.N. The new party politics. – New York : W.W. Norton Company, 1933; Holcombe A.N. The political parties of today; a study in Republican and Democratic politics. – 2 d ed. – New York : Harper & Brothers, 1925.

Глава 2

Подробный список литературы см.: Propaganda and promotional activities: an annotated bibliography, compiled by H.D. Lasswell, R.D. Casey, and B.L. Smith. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1935. Об общих категориях мифа, идеологии, утопии см.: Sorel G. Réflexions sur la violence. – Paris : Marcel Rivière et Cie, 1908 [Сорель Ж. Размышления о насилии / пер. с фр. Б. Скуратова, В. Фриче ; редактор В. Акулова. – Москва : Фаланстер, 2013]; Mannheim K. Ideologie und Utopie. – Bonn : F. Cohen, 1929 [рус. пер.: Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. – Москва : Юрист, 1994. – С. 7–276]. О привитии патриотизма и распространении национализма см.: Merriam C.E. The making of citizens: a comparative study of methods of civil training. – Chicago, Ill. : University of Chicago Press, 1931 (обобщающий том «Civil Training Series», содержащей монографии о Советском Союзе, Италии, Германии, Швейцарии, Франции, Двойной монархии, Великобритании, Соединенных Штатах и примитивных обществах). О новой Германии см.: Schuman F.L. The Nazi dictatorship; a study in social pathology and the politics of Fascism. – New York : Alfred A. Knopf, 1935. Об Италии: Finer H. Mussolini's Italy. – New York : Henry Holt and Company, 1935. В этой главе я опирался на свою статью: Lasswell H.D. The psychology of Hitlerism // Political quarterly. – 1933. – Vol. 4, N 3. – P. 373–384. Характер и результативность пропаганды Антанты против Германии оцениваются в книге: Thimme H. Weltkrieg ohne Waffen. Die Propaganda der Westmächte gegen Deutschland, ihre Wirkung und ihre Abwehr. – Stuttgart : J.G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger, 1932. Пропаганда, нацеленная на получение и продолжение зарубежной помощи, изучается в: Renaut F.P. La politique de propagande des Americains durant la Guerre d'indépendance. – Т. 1–2. – Paris : Editions du Graouli, 1922–1925. О революционной пропаганде см.: Lenin V.I. What is to be done? / Tr. Joe Fineberg. – New York : International Publishers, 1928 [оригинал на рус. яз.: Ленин В.И. Что делать? Наболевшие

вопросы нашего движения // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1963. – Т. 6. – С. 1–192]. О пропаганде в Соединенных Штатах в целом: Herring E.P., Jr. Group representation before Congress. – Baltimore : The Johns Hopkins Press, 1929; Herring E.P., Jr. Public administration and the public interest. – New York : McGraw-Hill Book Company, 1936. Теория пропаганды изложена Леонардом Дубом: Doob L.W. Propaganda: Its psychology and technique. – New York : Henry Holt and Company, 1935. По общим вопросам можно обратиться к источнику: Pressure groups and propaganda: symposium / Childs H.L. (ed.) // Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 1935. – Vol. 179. – May.

Глава 3

О войне см.: Wright Q. The causes of war and the conditions of peace. – London ; New York ; Toronto : Longmans, Green & Co., 1935; Sorokin P. Contemporary sociological theories. – New York : Harper and Brothers, 1928 (см. гл. 6) [рус. пер.: Сорокин П.А. Современные социологические теории (включая первую четверть XX столетия) / пер. и сост. А.П. Конюхова и В.В. Сапова ; вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. – Сыктывкар : ООО «Анбур», 2020]; Steinmetz S.R. Soziologie des Krieges. – Leipzig : J.A. Barth, 1929. Древнее обсуждение стратегии и тактики можно найти в книге: The book of war: the military classic of the Far East. – London : J. Murray, 1908. См.: Clausewitz C. von. Vom Kriege : 3 Bde. – Berlin : bei Ferdinand Dümmler, 1832–1834 [рус. пер.: Клаузевиц К. О войне. – Москва : Госвоениздат, 1934]. Недавно издан небольшой трактат сэра Фредерика Морриса: Maurice F.B. Principles of strategy: A study of the application of the principles of war. – New York : Richard R. Smith, 1930. Отдельные стороны предмета освещаются в: Caspary A. Wirtschaftsstrategie und Kriegsführung. – Berlin : Mittler & Sohn, 1932; Rowan R.W. Spy and counterspy; the development of modern espionage. – New York : Viking, 1928; Longe M. Kriegs- und Industrie-Spionage: Zwölf Jahre Kundschaftdienst. – Wien : Amalthea-Verlag, 1930; Lasswell H.D. Propaganda technique in the world war. – London : K. Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd.; New York : A.A. Knopf, 1927 [рус. пер.: Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне : перевод с англ. / РАН. ИНИОН, Отд. политической науки, Отд. социологии и социальной психологии ; сост. и переводчик

В.Г. Николаев ; отв. ред. Д.В. Ефременко ; вступ. статья Д.В. Ефременко, И.К. Богомолова. – Издание второе, дополненное. – Москва : ИНИОН РАН, 2022]. О полиции: Fosdick R.B. American police systems. – New York : The Century Company, 1920; Fosdick R.B. European police systems. – New York : The Century Company, 1915; Vassilyev A.T. The ochrana, the Russian secret police. – Philadelphia : J.B. Lippincott Company, 1930 [на рус. яз.: Васильев А.Т. Охрана: русская секретная полиция // «Охранка»: воспоминания руководителей охранных отделений / вступ. статья, подгот. текста и коммент. З.И. Перегудовой. – Т. 2. – Москва : Новое литературное обозрение, 2004. – С. 345–515]; Smith B. The state police, organization and administration. – New York : The Macmillan Company, 1925; Shalloo J.P. Private police, with special reference to Pennsylvania. – Philadelphia : The American Academy of Political and Social Science, 1934; Levinson E. I break strikes!: The technique of Pearl L. Bergoff. – New York : R.M. McBride & Company, 1935. О теории вооруженного революционного восстания см.: Neuberger A. (pseud.), Der bewaffnete Aufstand: Versuch einer theoretischen Darstellung. – Zürich, 1928 (секретная литература Третьего Интернационала; выходные данные ложные). О теории политического убийства см. «Катехизис революционера» Нечаева.

Глава 4

Исследования конкретных систем нормирования, практиковавшихся во время Мировой войны, можно найти в: Economic and social history of the world war Publications of the Carnegie Endowment for International Peace, Division of Economics and History / Shotwell J.T. (ed.). – Washington (D.C.) : Carnegie Endowment for International Peace, 1924. Условия, при которых цены могут устанавливаться свободной конкуренцией, формулируются в: Knight F.H. Risk, uncertainty and profit. – Boston : Houghton Mifflin Company, 1921. Исследования отклонения от «совершенной конкуренции» содержатся в следующих книгах: Egner E. Der Sinn des Monopols in der gegenwärtigen Wirtschaftsordnung. – Berlin : Paul Parey, 1931; Clark J.M. Social control of business. – Chicago : University of Chicago Press, 1926; Keezer D.M., May S. The public control of business. – New York : Harper & Brothers, 1930; Salz A. Macht und Wirtschaftsgesetz. – Leipzig : Teubner, 1930. О Советском Союзе см.: Hoover C.B. The economic life of Soviet Russia. – New York :

The Macmillan Company, 1931; Chamberlin W.H. Russia's iron age. – Boston : Little, Brown, 1934; Webb S. and B. Soviet Communism: a new civilization. – New York : Charles Scribner's Sons, 1936. О некоторых аспектах современного экономического развития см.: Berle A.A., Jr., Means G.C. The modern corporation and private property. – New York : The Macmillan Co., 1932; Berle A.A., Jr., Pederson V.J. Liquid claims and national wealth. – New York : The Macmillan Co., 1934; Moulton H.G. The formation of capital. – Washington (D.C.) : The Brookings Institution, 1935; Simons H.C. A positive program for laissez-faire; some proposals for a liberal economic policy. – Chicago : University of Chicago Press, 1934; Clark J.M. Studies in the economics of overhead costs. – Chicago : University of Chicago Press, 1923. О торговой политике см.: Gruntzel J. System der Handelspolitik. – Dritte Auflage. – Wien : Verlag von Julius Springer, 1928. А также: Staley E. War and the private investor. – New York : Doubleday, Doran and Company, 1935; Hawtrey R.G. Economic aspects of sovereignty. – London : Longmans, Green & Co., 1930. Об особых аспектах отказа от сотрудничества см.: Hiller E.T. The strike; a study in collective action. – Chicago : University of Chicago Press, 1928; Crook W.H. The general strike; a study of labor's tragic weapon in theory and practice. – Chapel Hill : University of North Carolina, 1931; Boycotts and peace: a report by the Committee on Economic Sanctions / Clark E. (ed.). – New York : Harper & Brothers, 1932; Remer C.F., Palmer W.B. A study of Chinese boycotts, with special reference to their economic effectiveness. – Baltimore : Johns Hopkins Press, 1933; Case C.M. Non-violent coercion; a study in methods of social control. – New York : Century, 1923.

Глава 5

Немарксистская литература о правительстве и управлении обычно умаляла последствия институциональных практик для элит, рассматривая относительную «эффективность» или пользуясь такими универсалистскими терминами, как «свобода» или «подчинение». Изучение правительственных практик в связи с целостным контекстом получило в англоязычных странах значительный стимул со стороны Грэма Уоллеса. См. его работы: Wallas G. Human nature in politics. – London : A. Constable & Co., Ltd., 1908; The great society; a psychological analysis. – London : Macmillan, 1914; Our social heritage. – London : George Allen & Unwin, 1921;

The art of thought. – London : Jonathan Cape Ltd., 1926. См. также: Arnold T.W. The symbols of government. – New Haven : Yale University Press, 1935; Frank J. Law and the modern mind. – New York : Coward-McCann, 1930; Robinson E.S. Law and the lawyers. – New Haven : Yale University Press, 1935; Cairns H. Law and the social sciences. – New York : Harcourt, Brace & Company, 1935; Robson W.A. Civilization and the growth of law. – New York : The Macmillan Company, 1935; Pound R. An introduction to the philosophy of law. – New Haven : Yale University Press, 1922; Leist G.A. Privatrecht und Kapitalismus in 19. Jahrhundert. – Tübingen : J.C.B. Mohr, 1911; Dicey A.V. Lectures on the relation between law and public opinion in England during the nineteenth century. – 2 d ed. – London : Macmillan & Co., 1914; Centralization and the law / Bigelow M.M. [et al.]. – Boston : Little, Brown, 1906. См. также: Laski H.J. A grammar of politics. – New Haven : Yale University Press, 1925 (часть U); MacIver R.M. The modern state. – Oxford : Oxford University Press, 1926; Oppenheimer F. The state: its history and development viewed sociologically / Authorized translation by John M. Gittermann. – Indianapolis : Bobbs-Merrill Company, 1914 [рус. пер.: Оппенгеймер Ф. Государство: переосмысление / пер. с англ. А. Стихина и С. Анкапова. – Москва : Проект RUSTATE.ORG, 2020]; Garner J.W. Political science and government. – New York : American Book Co., 1928; Weber A. Ideen zur Staats- und Kultursoziologie. – Karlsruhe : G. Braun, 1927 [рус. пер.: Вебер А. Идеи к проблемам социологии государства и культуры (пер. Т.Е. Егоровой) // Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. – Санкт-Петербург : Университетская книга, 1998. – С. 41–168]; Jellinek G. Allgemeine Staatslehre. – Dritte Ausgabe. – Berlin : O. Häring, 1914 [рус. пер.: Еллинек Г. Общее учение о государстве. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004]; Kjellen R. Grundriss zu einem System der Politik. – Leipzig : S. Hirzel, 1920; Seeley J.R. Introduction to political science; two series of lectures. – London : Macmillan and Co., 1896; Burgess J.W. Political science and comparative constitutional law : 2 vols. – Boston : Ginn & Company, 1890; Sidgwick H. The elements of politics. – London : Macmillan, 1891; Lowie R.H. The origin of the State. – New York : Harcourt, Brace & Company, 1927; MacLeod W.C. The origin and history of politics. – New York : John Wiley & Sons, 1931; Goodnow F.J. Politics and administration; a study in government. – New York : Macmillan, 1900; Freund E. Administrative powers over persons and property. – Chicago : University of Chicago Press, 1928; Freund E. Standards of American

legislation. – Chicago : University of Chicago Press, 1917; Willoughby W.F. Principles of public administration. – Baltimore : The Johns Hopkins Press, 1927; White L.D. Introduction to the study of public administration. – New York : The Macmillan Company, 1926. Относительно новых подходов см. статьи Андерхилла Мура и его соавторов в *Yale Law Review*, а также: Lasswell H.D., Almond G. Twisting relief rules // *Personnel journal*. – 1935. – Vol. 13. April. – P. 338–343.

Глава 6

Данные о квалификациях и составах законодателей содержатся в: Braunias K. *Das parlamentarische Wahlrecht: Ein Handbuch über die Bildung der gesetzgebenden Körperschaften in Europa* : 2 Bde. – Berlin ; Leipzig : de Gruyter, 1932. Видные фигуры в Германии анализируются Фрицем Гизе: Giese F. *Die öffentliche Persönlichkeit: statistische Untersuchungen an geistigen Führern der Gegenwart / Beihefte zur Zeitschrift für angewandte Psychologie* 44. – Leipzig : Verlag von Johann Ambrosius Barth, 1928. За целостной картиной можно обратиться к книге: Carr-Saunders A.M., Wilson P.A. *The professions*. – Oxford : Oxford University Press, 1933. Об инженерах см.: Fleming A.P.M., Brocklehurst H.J. *A history of engineering*. – London : A. & C. Black, 1925. Об ученых-физиках: Dampier W.C. *A history of science and its relations with philosophy and religion*. – London : Cambridge University Press, 1929. О врачах: Newsholme A. *International studies on the relation between the private and the official practice of medicine with special reference to the prevention of disease* : 3 vols. – London : George Allen & Unwin, 1931. О священниках: Bertholet A. *Priesthood* // *Encyclopaedia of the social sciences*. – Vol. 11. – New York : The Macmillan Company, 1933. – P. 388–395. О вождах, бюрократах, гражданских служащих: MacLeod W.C. *The origin and history of politics*. – New York : John Wiley & Sons, 1931; Weber M. *Politik als Beruf* // *Gesammelte politische Schriften*. – München : Duncker & Humblot, 1921. – S. 396–450 [рус. пер.: Вебер М. *Политика как призвание и профессия* // Вебер М. *Избранные произведения* : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова ; предисл. П.П. Гайденоко. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 644–706]; Lefas A.A. *L'État et les fonctionnaires*. – Paris : M. Giard & E. Brière, 1913; Gablentz O.H. von der. *Industriebureaukratie* // *Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und*

Volkswirtschaft im Deutschen Reiche. – Bd. 50. – München ; Leipzig : Duncker & Humblot, 1926. – S. 539–572. О дипломатах: Clemens S. Der Beruf des Diplomaten. – Berlin : Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1926; Hartman D.A. British and American ambassadors // *Economica*. – 1931. – Vol. 11. – P. 328–341. О торговцах: Sombart W. Der Bourgeois; zur Geistesgeschichte des modernen Wirtschaftsmenschen. – München ; Leipzig : Duncker & Humblot, 1920 [рус. пер.: Зомбарт В. Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека / изд. подгот. Ю.Н. Давыдов, В.В. Сапов ; [Рос. АН, Ин-т социол.]. – Москва : Наука, 1994]; Taussig F.W., Joslyn C.S. American business leaders; a study in social origin and social stratification. – New York : The Macmillan Company, 1932. Об учителях, философах, социальных ученых: Reisner E.H. Historical foundations of modern education. – New York : The Macmillan Co., 1927; Rashdall H. The universities of Europe in the middle ages : 2 vols. – Oxford : Clarendon Press, 1895; Bryson G. The emergence of the social sciences from moral philosophy // *International journal of ethics*. – 1932. – Vol. 42, 3, April. – P. 304–323. О юристах: Rumpf M. Anwalt und Anwaltstand: Eine rechtswissenschaftliche und rechtssoziologische Untersuchung. – Leipzig : Deutschen Anwaltverein, 1926; Hazeltine H.D., Radin M., Berle A.A., Jr. Legal profession and legal education // *Encyclopaedia of the social sciences*. – Vol. 9. – New York : The Macmillan Company, 1933. – P. 324–346. О журналистах: International Labour Office. An enquiry into the conditions of work and life of journalists (Studies and reports, ser. L, N 2). – Geneva : International Labour Office, 1928; *Le journalisme d'aujourd'hui* / Bourdon G. [*et al.*]. – Paris : Firmin-Didot, 1931; Lasswell H.D. Research on the distribution of symbol specialists // *Journalism quarterly*. – 1935. – Vol. 12. June. – P. 146–157.

Глава 7

Подробнее о классовом анализе политики см.: Lasswell H.D. World politics and personal insecurity. – New York : Whittlesey House, McGraw-Hill Book Co., 1935; Nomad M. Rebels and renegades. – New York : The Macmillan Company, 1932; Pareto V. Les systèmes socialistes. – Paris : V. Giard & E. Brière, 1902–1903 [рус. пер.: Парето В. Социалистические системы / пер. с фр. А.А. Зотова. – Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2019]; de Man H. The psychology of socialism. – London : Allen & Unwin, 1928; Sombart W. Der proletarische Sozialismus

(«Marxismus») : 2 Bde. – Jena : Gustav Fischer, 1924; Lorwin L.L. Labor and internationalism. – New York : Macmillan, 1929; Michels R. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie: Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens. – Zweite Auflage. – Leipzig : Alfred Kröner Verlag, 1925; Benda J. The treason of the intellectuals. – New York : William Morrow, 1928 [рус. пер.: Бенда Ж. Предательство интеллектуалов / пер. с фр. В. Гайдамака, А. Матешук. – Москва : ИРИСЭН, 2009]. Важный исторический анализ см. в книге: Rosenstock E. Die europäischen Revolutionen: Volkscharaktere und Staatenbildung. – Jena : Eugen Diederichs Verlag, 1931. О диалектическом материализме см.: Hook S. Towards the understanding of Karl Marx. – New York : John Day Company, 1933; Lukács G. Geschichte und Klassenbewusstsein. – Berlin : Malik Verlag, 1923 [рус. пер.: Лукач Д. История и классовое сознание: исследования по марксистской диалектике / пер. с нем. С. Земляного. – Москва : Логос-альтера : Левая карта, 2003]; Bukharin N. Historical materialism: A system of sociology. – New York : International Publishers, 1925 [рус. яз.: Бухарин Н.И. Теория исторического материализма : популярный учебник марксистской социологии. – Москва : Вече, 2008]; Lenin N. Materialism and Empirio-criticism. – New York : International Publishers, 1927 [рус. яз.: Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. – Москва : Политиздат, 1984]; Kautsky K. Die materialistische Geschichtsauffassung : 2 Bde. – Berlin : Verlag J.H.W. Dietz, 1927 [рус. пер.: Каутский К. Материалистическое понимание истории. Т. 1, 2. – Москва ; Ленинград : Соцэкгиз, 1931]; Cunow H. Die marxische Geschichts-, Gesellschafts- und Staatstheorie : 2 Bde. – Berlin : Vorwärts, 1923 [неполный рус. пер.: Кунов Г. Марксова теория исторического процесса, общества и государства / пер. с нем. С.А. Алексеева ; предисл. И. Альтера. – Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1930]; Adoratsky V. Dialectical materialism: the theoretical foundations of Marxism-Leninism. – New York : International Publishers, 1934. См. также: Dictatorship in the modern world / Ford G.S. (ed.). – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1935 (особенно очерки Макса Лернера, Ральфа Х. Лутца, Дж. Фреда Риппи, Ганса Кона); Dictatorship and propaganda / Childs H.L. (ed.). – Princeton : Princeton University Press, 1936 (особенно очерки Оскара Яси, Фрица М. Маркса, Г.Д. Лассуэлла); Kantorowicz H. Dictatorships (with a bibliography by Alexander Elkin) // Politica. – 1935. – N 4. – P. 470–508; Florinsky M.T. World revolution and the U.S.S.R. – New York : The Macmillan Company, 1933;

Laski H.J. The state in theory and practice. – New York : The Viking Press, 1935.

Глава 8

Современные методы интенсивного изучения личности варьируют в диапазоне от затяжных интервью в духе Зигмунда Фрейда, в которых субъект погружается в свободные ассоциации, до различных сокращенных интервью и систематического наблюдения действий субъектов, не осознающих, что их исследуют. Новейшая литература сосредоточивает внимание на позиции наблюдателя в наблюдаемом поле; его абстрактный язык, соответственно, истолковывается с точки зрения характерного для него метода. Общую оценку разнообразия интенсивных подходов можно получить, обратившись к обобщающей книге: Young P.V. *Interviewing in social work: A sociological analysis*. – New York : McGraw-Hill, 1935. Джон Доллард попытался сформулировать критерии для изучения жизненных историй: Dollard J. *Criteria for the life history; with analysis of six notable documents*. – New Haven : Yale University Press, 1935. Способы объективирования продолжительных психоаналитических интервью обсуждаются в: Lasswell H.D. *Psychopathology and politics*. – Chicago : University of Chicago Press, 1930 (глава 9), – а также в последующих статьях автора в *Psychoanalytic Review* и *Imago* (Вена). Краткое введение в современные психологические концепции можно найти в книге: Hart B. *Psychology of insanity*. – Cambridge : Cambridge University Press, 1912 [рус. пер.: Гарт Б. Психология помешательства / пер. с англ. С.Г. Займовского. – Москва : Современные проблемы, 1914]. Об общей психиатрии см.: White W.A. *Outline of psychiatry*. – 13th ed. – Washington : Nervous and Mental Disease Publishing Company, 1932. Среди влиятельных авторов можно назвать Зигмунда Фрейда, Альфреда Адлера и Карла Юнга. Акцент на связи символического выражения с биологическими особенностями можно найти в: Kretschmer E. *Textbook of medical psychology* / Trans. by E.B. Strauss. – London : Oxford University Press, 1934 [рус. пер.: Кречмер Э. Медицинская психология : пер. с нем. / послесл. Вал. А. Лукова. – Санкт-Петербург : Союз, 1998]. Современные течения в разных областях психологии можно проследить по учебникам под редакцией Карла Мерчисона, изданным в издательстве Clark University Press (Вустер, шт. Массачусетс). В отношении типологических и индивидуальных исследова-

ний, представляющих особый интерес для политических ученых, можно сослаться на следующие книги: Behrendt R. Politischer Aktivismus: Ein Versuch zur Soziologie und Psychologie der Politik. – Leipzig : C.L. Hirschfeld Verlag, 1932; Künkel F. Grundzüge der politischen Charakterkunde. – Leipzig : Junker und Dünnhaupt, 1933; Herzberg A. The psychology of philosophers. – New York : Harcourt, Brace & Co., 1929; Clark L.P. Lincoln; a psycho-biography. – New York : Charles Scribner's Sons, 1933 (широко используется в этой главе); Gosnell H.F. Negro politicians: the rise of Negro politics in Chicago. – Chicago : University of Chicago Press, 1935; Gunther J. Inside Europe. – New York : Harper & Brothers, 1936; Vergin F. Sub-conscious Europe. – London : Jonathan Cape, 1932.

Глава 9

Анализ специфических установок усложняется тем, что установки находятся под влиянием других установок, а также материальных условий. Психологическая значимость государства исследуется в книге: Wackernagel J. Der Wert des Staates. – Basel : Helbing & Lichtenhahn, 1934. Скрупулезное исследование связи между семьей и любимыми формами авторитета см.: Horkheimer M. (Hrsg.) Studien über Autorität und Familie. Forschungsberichte aus dem Institut für Sozialforschung / Horkheimer M. (Hrsg.) ; Schriften des Instituts für Sozialforschung. – Paris : Alcan, 1936. Национализм, национальность и патриотизм анализируются с разных точек зрения в публикациях Чарльза Э. Мерриам, Ганса Кона, Карлтона Дж.Х. Хейса, Роберта Михельса. См. в особенности: Ziegler H.O. Die moderne Nation; Ein Beitrag zur politischen Soziologie. – Tübingen : Mohr, 1931. Относительно воинственных установок см.: Glover E. War, sadism and pacifism: three essays. – London : G. Allen & Unwin, 1933; Waelder R. Lettre sur l'étiologie et l'évolution des psychoses collectives. – Paris : Institut international de coopération intellectuel, 1933. Об экспериментах с моральным духом на современных промышленных предприятиях см.: Mayo E. The human problems of an industrial civilization. – New York : Macmillan Co., 1933. Процедура наблюдения и письменного опроса для изучения позитивных и негативных личных отношений описывается в книге: Moreno J.L. Who shall survive? A new approach to the problem of human interrelations. – Washington : Nervous and Mental Disease Publishing Co., 1934. Психологические характеристики личности и культуры обсуждаются в

книге: Benedict R. Patterns of culture. – Boston : Houghton Mifflin Co., 1934. Анализ изменения взаимоотношений см.: Lasswell H.D. Collective autism as a consequence of culture contact // Zeitschrift für Sozialforschung. – 1935. – Bd. 4, N 2. – S. 232–247. Анализ утвердительности в ответ на депривацию см.: Almond G., Lasswell H.D. Aggressive behavior by clients toward public relief administrators: a configurative analysis // American political science review. – 1934. – Vol. 28, N 4. – P. 643–655. О некоторых сторонах пролетарского социализма см.: Die Organisation im Klassenkampf. Probleme der politischen Organisation der Arbeiterklasse. – Berlin : Verlag der Marxistischen Verlagsgesellschaft, 1932 (особенно статья Фрица Беллига). О связи между меняющимися коллективными установками и правом см.: Ranulf S. The jealousy of the gods and criminal law at Athens. A contribution to the sociology of moral indignation : 2 vols. – London ; Copenhagen : Williams & Norgate, 1933–1934; Hall J. Theft, law and society. – Boston : Little, Brown & Co., 1935.

Глава 10

О том, как развиваются дела в Соединенных Штатах, см.: Corey L. The crisis of the middle class. – New York : Covici, Friede, 1935; Bingham A. Insurgent America: Revolt of the middle classes. – New York : Harper and Brothers, 1935; Dennis L. The coming American fascism. – New York : Harper and Brothers, 1936; “The Unofficial Observer” (pseud.). American messiahs. – New York : Simon & Schuster, 1935; Swing R.G. Forerunners of American fascism. – New York : Julian Messner Inc., 1935; Elliott W.Y. The need for constitutional reform; a program for national security. – New York : Whittlesey House, 1935; (и особенно) Smith T.V. The promise of American politics. – Chicago : University of Chicago Press, 1936. Относительно функциональных групп есть несколько разрозненных публикаций об отраслевых ассоциациях, федерациях труда, фермерских организациях и т.д. Об инструментах смешанного правления и частного контроля см.: Webb S. and B. A constitution for the socialist commonwealth of Great Britain. – London ; New York : Longmans, Green and Co., 1920; Van Dorn H.A. Government owned corporations. – New York : A.A. Knopf, 1926; Dimock M.E. British public utilities and national development. – London : George Allen and Unwin, 1933; Dimock M.E. Government-operated enterprises in the Panama canal zone. – Chicago : University of Chicago Press, 1934; Childs M.W.

Sweden: the middle way. – New Haven : Yale University Press, 1936; Wiedenfeld K. Wesen und Bedeutung der gemischt-wirtschaftlichen Unternehmung // Schmollers Jahrbuch. – 1931. – Bd. 55. – S. 439–456; Moderne Organisationsformen der öffentlichen Unternehmungen / Landmann J. (ed.) // Schriften des Vereins für Sozialpolitik. Bd. 176. T. 2. – München : Duncker & Humblot, 1931; Webbink P. Government owned corporations // Encyclopaedia of the social sciences. – Vol. 7. – New York : The Macmillan Company, 1937. – P. 106–111. О формах корпораций см.: Bonbright J.C., Means G.C. The holding company; its public significance and its regulation. – New York : McGraw-Hill Book Co., 1932; Jones E. The trust problem in the United States. – New York : Macmillan Company, 1921; Liefmann R. Die Unternehmungsformen. – 4. Ausgabe. – Stuttgart : Moritz, 1930.

Г.Д. Лассуэлл

ГАРНИЗОННОЕ ГОСУДАРСТВО¹

Задача этой статьи – рассмотреть возможность того, что мы движемся к миру «гарнизонных государств», миру, в котором самой могущественной группой в обществе будут специалисты по насилию. С этой точки зрения тенденцией нашей эпохи является отход от господства специалиста по торгу, т.е. бизнесмена, к верховенству солдата. Мы можем различить переходные формы, такие как партийно-пропагандистское государство, где главенствует фигура пропагандиста, и партийно-бюрократическое государство, в котором ключевые решения принимают партийные функционеры. Есть и смешанные формы, где господство делят монополисты партийной и рыночной власти².

На всех людей глубоко воздействуют, наряду с их желаниями, их ожидания. Мы разносим свои специфические желания и усилия во времени, соотнося это с тем, что разумно надеемся получить. Поэтому, действуя рационально, мы принимаем во внимание альтернативные версии будущего, извлекая наружу те ожидания в отношении будущего, которые зачастую погребены в царстве наития.

В практике социальной науки, как и при практиковании любого из искусств, существующих в обществе, на нас неизбежно в

---

¹ Источник: Lasswell H.D. The garrison state // American journal of sociology. – 1941. – Vol. 46, N 4. – P. 455–468. Русский перевод: Лассуэлл Г.Д. Гарнизонное государство / пер. с англ. В.Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2021. – № 2. – С. 173–188.

² Предварительное обсуждение гарнизонного государства см. в моей статье: Lasswell H.D. Sino-Japanese crisis: The garrison state versus the civilian state // China quarterly. – 1937. – Vol. 11. – P. 643–649.

той или иной мере влияют наши представления о будущем развитии. При проведении научной работы есть проблема своевременности – своевременности с точки зрения доступности данных и политических соображений. В мире, где примитивные общества на глазах исчезают, рационально действовать быстро и собирать данные о примитивных формах социальной организации. В мире, в котором ученый может быть также демократическим гражданином, разделяющим демократическое уважение к человеческой личности, ученому рационально отдавать первенство проблемам, связанным с выживанием демократического общества. Здесь не идет речь об ученом, черпающем свои ценности из науки; ценности *приобретаются* главным образом из личного переживания данной культуры, *извлекаются* из того слоя культуры, коим являются философия и теология, и *имплементируются* наукой и практикой.

Рисуемая здесь картина гарнизонного государства – не догматический прогноз. Скорее это изображение вероятного. Ничего неизбежного в нем нет. Оно, возможно, даже не обладает той же вероятностью в каких-то других описаниях будущего хода развития. Какова тогда функция этой картины для ученых? Она призвана побудить индивидуального специалиста прояснить для себя свои ожидания в отношении будущего и служить руководством для распределения во времени научной работы. Бок о бок с этим «конструктом» гарнизонного государства могут идти еще другие конструкты; рационально мыслящий человек присвоит степени вероятности каждой альтернативной картине¹.

Ожидания в отношении будущего могут покоиться на экстраполяции в будущее прошлых тенденций. Мы можем выбрать несколько единичных показателей – например, демографическую кривую и кривую выпуска продукции – и спроецировать их в будущее в соответствии с некоторым установленным правилом. Это «поэлементная» процедура. В противовес этому мы можем задать

---

¹ Термин «субъективная вероятность» мы используем для обозначения степени вероятности, приписываемой будущему событию; «объективная вероятность» относится к утверждениям о прошлых событиях. Интеллектуальный акт задания ориентировочной картины значимых связей между прошлым и будущим есть обдумывание развития (см.: Lasswell H.D. *World Politics and Personal Insecurity*. – New York ; London : Whittlesey House, McGraw-Hill Book Co., 1935. – Chap. 1 : “Configurative analysis”; Mannheim K. *Man and Society in an Age of Reconstruction: Studies of Modern Social Structure*. – New York : Harcourt, Brace and Co., 1940. – Part 4 : Thought at the level of planning).

некий конструкт, откровенно воображаемый, хотя и дисциплинированный тщательным рассмотрением прошлого. Коль скоро кривые тенденций суммируют много черт прошлого, то при подготовке каждого конструкта они должны быть скрупулезно приняты во внимание. Корреляционный анализ кривых тенденций в сочетании с результатами эксперимента может дать нам частичное подтверждение многих положений о социальном изменении; эти результаты тоже следует принять во внимание. Вдобавок к этим вымуштрованным батальонам данных имеется тотальная погруженность индивида в непосредственное и документированное прошлое, и этот целостный контакт с ним может стимулировать продуктивный инсайт, позволяющий мысленно постичь структуру совокупного множества событий, включающего как прошлое, так и будущее. В интересах верной ориентации в мире событий благоразумный и мудрый человек не станет отбрасывать все, кроме кодифицированного опыта. (Картины будущего, выстраиваемые на более чем «поэлементной» основе, можно назвать «тотальными».)

Говорить о гарнизонном государстве – не значит предсказывать что-то совершенно новое под солнцем. Для исследователя политических институтов в мысли о том, что специалисты по насилию могут управлять государством, точно нет ничего нового. Напротив, в некоторых влиятельнейших трактовках политических институтов военное государство называлось одной из главных форм организованного общества. Конт видел в истории последовательность (и прогрессию), проходящую, насколько это касается государства, через военную, феодальную и промышленную фазы. Спенсер подразделял все человеческие общества на общества военного типа, базирующиеся на силе, и общества промышленного типа, базирующиеся на договоре и свободном согласии.

Что важно для нас, так это предусмотреть возможность возникновения военного государства при нынешних технических условиях. Нет примеров военного государства, сочетающегося с современной технологией. Во время чрезвычайных ситуаций великие державы придавали военным полномочиям небывалые масштабы, но временным приобретениям подобных полномочий недостает элементов сравнительного постоянства и признания, доводящих гарнизонное государство до завершенности. В государствах, маргинальных по отношению к творческим центрам западной цивилизации, военные диктаторы не спаяны с современной технологией; они лишь пользуются некоторыми из ее специфических элементов.

Военные, заправляющие в современном техническом обществе, будут сильно отличаться от офицеров, какими мы их знаем из истории и традиции. Вероятно, специалисты по насилию включают в свою подготовку немалую степень экспертности во многих из тех областей, которые мы традиционно воспринимали как часть современного гражданского управления.

Отличительной системой координат в воюющем обществе является военная эффективность. Всякое социальное изменение переводится в боевой потенциал. Но не может быть никакого реалистического расчета военной эффективности без знания технических и психологических характеристик современных производственных процессов. Функцию менеджмента в таком обществе мы уже знаем; она включает реализацию мастерства в надзоре над техническими операциями, в административной организации, в управлении персоналом, в связях с общественностью. Эти умения нужны для перевода сложнейших операций современной жизни в любую релевантную систему координат, будь то денежной выгоды или боевой эффективности.

Это приводит к кажущемуся парадоксу, что чем больше современные государства милитаризируются, тем выше интерес специалистов по насилию к навыкам и установкам, считающимся характерными для ненасилия. Мы ожидаем сплавления разных навыков, начиная с традиционных атрибутов профессионального солдата и заканчивая умениями менеджера и промоутера крупного гражданского предприятия.

В гарнизонном государстве, по крайней мере в начальных его фазах, на сознание управленческого аппарата неизбежно ложатся тяжелым бременем проблемы морального духа. В шестерни современной конвейерной линии легко забросить песок; а следовательно, должно быть глубокое и общее чувство участия в целостном предприятии государства, чтобы коллективные усилия были устойчивыми. Привлекая внимание к важности «человеческого фактора» в современном производстве, мы иногда не замечаем, что она проистекает из множественности особых сред, созданных современной технологией. Там, где раньше обнаруживались считанные сотни технических операций, сегодня их уже тысячи. Такое усложнение материальной среды означает умножение фокусов внимания у тех, кто живет в нашем обществе. Диверсифицированные фокусы внимания плодят различия в мировоззрении, предпочтениях и лояльности. Лабиринт специализированных «материальных» сред порождает глубокие идеологические расхождения,

которые невозможно устранить, хотя и можно смягчить с помощью методов, доступных в настоящее время лидерам в нашем обществе. Пока главенствует современная технология, общество испещрено клеточками особого опыта, индивидуальности, частичной свободы. Согласованное действие при таких условиях зависит от искусного руководства человеческими умами; и отсюда необычайная значимость символического манипулирования в современном обществе.

Важность фактора морального духа подчеркивается всеобщим страхом, который с помощью современных инструментов войны можно поддерживать в больших населенных пунктах. Развитие воздушной войны, в частности, все больше вело к устранению различия между гражданскими и военными функциями. Невозможно более утверждать, что те, кто идет на военную службу, берут на себя физический риск, а те, кто остается дома, находятся в безопасности и вносят вклад в снабжение и комфорт мужественных героев, сражающихся на фронте. На самом деле в некоторые периоды современной войны людские потери среди гражданского населения могут превосходить потери в армии. При социализации опасности как постоянной черты современного насилия нация становится единым техническим предприятием. Тем, кто направляет операции насилия, приходится принимать во внимание всю гамму проблем, возникающих в совместной жизни при современных условиях.

Будут прилагаться энергичные усилия для инкорпорирования молодых и старых в судьбу и миссию государства. Вероятно, одной из форм этого символического приспособления будет упразднение «безработных». Этот стигматизирующий символ станет в гарнизонном государстве устаревшим. Он оскорбляет достоинство миллионов, ибо подразумевает бесполезность. И неважно, дают ли «безработному» «пособие» или подключают к проектам «оказания помощи». Всегда остается пагубная стигма его избыточности. Гарнизонное государство, несомненно, будет отличаться психологическим упразднением безработицы – «психологическим», потому что это главным образом вопрос переопределения символов.

В гарнизонном государстве должен быть труд – и долг трудиться – для всех. Поскольку весь труд становится общественным трудом, то все, кто уклоняется от работы, попирают военную дисциплину. Для тех, кто не вливается в структуру государства, должна быть только одна альтернатива: подчиниться или умереть.

Следовательно, ожидается наличие принуждения как мощного инструмента внутреннего контроля.

Использование принуждения может оказывать значимое воздействие на много большее количество людей, чем те, кого оно достигает напрямую; это пропагандистский компонент всякой «пропаганды делом». Зрелище принудительного труда и трудовых бригад в тюрьмах и концентрационных лагерях служит негативным средством сохранения морального духа – «негативным», поскольку пробуждает страх и чувство вины. В военном государстве подобные трудовые группы – подходящие популярные козлы отпущения. Долг подчинения, служения государству, труда – вот ключевые добродетели в гарнизонном государстве. Беспрестанное подчеркивание долга непременно порождает противоположные тенденции в личностной структуре всех, кто живет при гарнизонном режиме. Каждый должен всеми силами держать под контролем любые порывы, сознательные или бессознательные, к непокорности, нарушению трудового кодекса, уклонению от беспрестанного требования приносить жертвы в интересах коллектива. Молодежь с ранних лет будут учить подавлять малейшие признаки неприятия господствующего кодекса коллективных бесчинств, отрекаться от них, бороться с ними.

Всякий раз, когда у индивида возникают, хотя бы едва заметно, порывы к нарушению кодекса, совесть навязывает ему чувства вины и тревоги. Когда угроза, санкционирующая кодекс военного государства, интернализируется в совесть молодежи, зрелище трудовых бригад становится глубоко тревожным. Характерной реакцией на это является самодовольство – быстрое оправдание насильственных наказаний, молчаливое принятие заключения, что все, кого подвергают такому принуждению, виновны в антиобщественном поведении. Воздерживаться от оценки, оправдывать других в особых случаях – значит проявлять по крайней мере частичную терпимость к контрнравственным тенденциям внутри Я. Отсюда быстрые замещающие реакции: установка собственной правоты и самоуверенности, отвлечение внимания. И в самом деле, характерным психическим паттерном военного государства является «паттерн испуга», который переводится во внешнюю и внутреннюю угрозу. Этот паттерн испуганности превозмогается и стилизуется как бдительное, оперативное, повелительное приспособление к реальности. Он выражается в той властной манере, которая определяет военный стиль: в жестикуляции, интонации и идиоме.

Главными мишенями принуждения к трудовой службе будут неквалифицированные работники физического труда вместе с теми элементами контрэлиты, которые окажутся под подозрением. Положение неквалифицированных в нашем обществе до сих пор ухудшалось, поскольку машинное общество все меньше использовало неквалифицированный ручной труд. Пришествие машины было революцией в навыках, расширением роли квалифицированных и полуквалифицированных компонентов общества¹. Раз ценность труда падает в производстве, то падает она и в войне; поэтому с ним будут меньше считаться. (Когда на неквалифицированных работников полагаются как на рядовых бойцов, они должны, конечно, участвовать в идеологической экзальтации сообщества в целом и получать постоянный поток уважения со стороны социального окружения.) Прогноз в отношении низших слоев населения в будущем гарнизонном государстве омрачается еще одним фактором. Если недавние успехи в фармакологии продолжатся, а мы можем такое предвидеть, то на смену символическим методам могут прийти физические средства контроля реакций. Речь идет о применении химических веществ не только для создания временных взрывов энергии у бойцов на передовой, но и для умерщвления критических функций у всех, кто придется не ко двору правящей элите.

Что касается ближайшего будущего, то здесь правящие элиты должны продолжать опираться главным образом на пропаганду как на инструмент поддержания морального духа. Но манипулирования символами, даже в сочетании с принуждающими инструментами насилия, еще недостаточно для достижения всех целей правящей группы. Мы уже говорили о социализации опасности, и она принесет с собой некоторые эгалитарные приспособления в распределении дохода с целью сохранения воли к борьбе и производству.

Добавок к приспособлению символов, благ и насилия, политическая элита гарнизонного государства будет считать необходимыми некоторые адаптации в краеугольных практиках государства. Решения будут больше диктаторскими, чем демократическими, а

---

¹ См.: Sogge T.M. Industrial Classes in the United States in 1930 // Journal of the American Statistical Association. – 1933. – Vol. 28. – P. 199–203; Clark C. National Income and Outlay // Pigou A.C. Socialism versus Capitalism. – London : Macmillan & Co., Ltd., 1937. – P. 12–22. Статья Зогге является продолжением более раннего исследования Алвина Х. Хансена.

институциональные практики, издавна связанные с современной демократией, исчезнут. Вместо выборов на должности и референдумов по тем или иным вопросам придет правление путем плебисцита. Если выборы способствуют формированию и выражению общественного мнения, то плебисциты поощряют всего лишь единодушные демонстрации коллективных чувств. Соперничающие политические партии будут подавлены – либо путем монополизации легальности одной политической партией (правильнее называть ее политическим «режимом»), либо путем упразднения всех политических партий. Правящая группа будет осуществлять монополию на публичное выражение мнения, упраздняя тем самым свободную коммуникационную циркуляцию фактов и интерпретаций. С законодательными органами будет покончено, и если будет дозволен консультативный орган с большим составом, то он будет функционировать в качестве ассамблеи, т.е. собираться на очень короткое время раз в год, и от него будет ожидать ратификация решений центрального руководства после произнесения речей, по сути своей главным образом церемониальных. Таким образом, частью церемониализационного процесса в военном государстве становятся плебисциты и ассамблеи.

Поскольку законодательные органы и выборы выйдут из употребления, более важную роль будет играть практика подачи петиций. Законотворчество будет сосредоточено в руках верховной власти и ее советников; и пока такое государство сохраняется, эта инстанция будет осуществлять эффективный контроль (термином «власть» здесь обозначаются формальные ожидания, а термином «контроль» – действительное распределение фактической власти).

Это означает, что инструментальная демократия будет в подвешенном состоянии, хотя символы мистической «демократии» будут, несомненно, сохраняться и дальше. Инструментальная демократия обнаруживается везде, где власть и контроль широко распределены между членами государства. Мистическая «демократия», строго говоря, вообще не является демократией, так как может обнаруживаться там, где власть и контроль в высокой степени сконцентрированы, пусть даже частью установленной практики является говорение от имени народа в целом. Таким образом, любая диктатура может прославлять свою «демократию» и с презрением отзываться о таких «механических» средствах, как правило большинства на выборах или в законодательных органах.

На какую часть социальной структуры будут опираться при рекрутировании политических правителей гарнизонного государства?

Как мы уже видели, этот процесс будет осуществляться не посредством всеобщих выборов, а путем самоувековечения через кооптацию. Ключевые позиции будут открыты для чиновничьего корпуса, и задача – предсказать, из какой части социальной структуры будут набираться чиновники. Соображения поддержания морального духа оправдывают широкую базу рекрутирования на основании способностей, а не социального положения. Хотя боевая эффективность – относительно безличный критерий, отдающий первенство способностям, а не наследственному статусу, ротация в правящих семьях от поколения к поколению будет, вероятно, низкой. Всякий вновь возникающий кризис, однако, будет усиливать тенденцию к предпочтению способностей. Представляется ясным, что рекрутировать будут гораздо больше на основе предубежденности и послушности, а не объективности и оригинальности. И все же, как мы сейчас увидим, современное машинное общество привнесло в военное государство новые факторы – факторы, способствующие усилению объективности и оригинальности.

В гарнизонном государстве вся организованная социальная активность будет огосударствлена; поэтому роль независимых ассоциаций сойдет на нет, если не брать тайные общества (а именно, не будет никакой организованной экономической, религиозной или культурной жизни вне должным образом конституированных государственных учреждений и ведомств). Правление будет в высокой степени централизованным, хотя может практиковаться и разукрупнение для смягчения «бюрократизма». В современной цивилизации так много открытого сопротивления бюрократизму, что мы можем ожидать переноса этой установки и в гарнизонное государство. Централизованной будет не только вся административная структура; на каждом уровне будет проявляться тенденция к собиранию власти в немногих руках. Упор будет делаться на лидерство; ответственность, как правило, будет сфокусирована в индивидуальных «главах».

Мы набросали некоторые из методов, имеющихся в распоряжении правящих элит гарнизонного государства: управление пропагандой, насилием, благами, практиками. Давайте теперь рассмотрим эту картину с несколько иной точки зрения. Как будут распределяться в таком государстве разные виды влияния?¹ Власть

---

¹ Влияние измеряется контролем над ценностями (желаемыми событиями). В целях анализа мы классифицировали ценности, разделив их на доход, безопасность и авторитет. Быть в авторитете – значит приниматься в расчет окружением.

будет в высокой степени сконцентрирована, как и при любом диктаторском режиме. Мы уже предположили сильную тенденцию к выравниванию распределения безопасности во всем сообществе (а именно, негативной безопасности, социализации угрозы в современной войне). В интересах поддержания морального духа произойдет некоторое смягчение огромных различий в индивидуальных доходах: сглаживание пирамиды в ее вершине с выпячиванием в верхнесредней и средней зонах. Пирамида уважения в гарнизонном государстве будет, вероятно, напоминать пирамиду дохода. (Те, на кого будут направлены принудительно-трудовые ограничения, станут основными получателями негативного уважения и, следовательно, займут самые нижние уровни.) Множественность функций в современных производственных процессах настолько велика, что простая схема военных рангов явно не стыкуется с фактами. Даже при сохранении в военном государстве небольшого числа рангов будет признаваться, что разнообразие функций, осуществляемых каждым рангом, столь велико, что смысл специфической классификации будет неясным. Если подвести итог, то распределение безопасности в сообществе будет наиболее однородным, а распределение власти будет проявлять наибольшие неравенства. Паттерны дохода и уважения будут располагаться между этими двумя крайностями, проявляя заметное расширение в верхнесреднем и среднем слоях. Низшие слои сообщества будут состоять из людей, подчиненных принудительному труду и тяготеющих к образованию постоянной касты париев.

Что сказать о способности гарнизонного государства к производству большого объема материальных ценностей? Как и элиты недавних деловых государств, элиты гарнизонного государства

Авторитет, в свою очередь, делится на власть и уважение. Власть измеряется степенью участия в принятии важных решений. Решение – это выбор, подкрепленный самыми суровыми лишениями, имеющимися в распоряжении сообщества (обычно смертью). Принятие этих решений в сообществе – *функция* правительства. *Институт* правительства – это то, что называют правительством те, кто живет в данном сообществе в конкретный промежуток времени; это важнейший секулярный институт принятия решений. Ясно, что функция правительства может осуществляться иными институтами, нежели правительственные, т.е. «правительством» и монополистическим «крупным бизнесом». (Государство – одно из самых влиятельных сообществ в мировой политике.) Уважение измеряется взаимной доверительностью. Общество может быть разделено на разные классы на основе каждой ценности – или на основе комбинаций ценностей. В самом широком смысле политика изучает условия, воздействующие на распределение большинства ценностей; в более узком смысле она изучает власть.

будут сталкиваться с проблемой удержания под контролем колоссальных производительных возможностей современной науки и инженерии. Мы знаем, что правящие элиты современного делового государства так и не научились контролировать производственные мощности; они не желали принимать необходимые меры в целях регулирования темпов экономического развития. Вследствие этого современное общество характеризовалось периодами необузданного роста, на смену которым приходили периоды явного недоиспользования средств производства¹.

Правители гарнизонного государства будут способны регулировать темпы производства, поскольку будут свободны от многих условностей, стоявших на пути принятия соответствующих мер в деловом государстве. Деловая элита не была готова к пересмотру институциональных практик в той степени, в какой это было нужно для сохранения непрерывно растущего потока инвестиций. Институциональная структура делового государства требовала гибкого взаимоприспособления правительственных и частных каналов деятельности и строгих мер для поддержания гибкости цен. Везде, где деловая элита не поддерживала такие необходимые упорядочения, само деловое государство начинало распадаться.

Хотя правители гарнизонного государства будут вольны регулировать темпы производства, они совершенно определенно не будут допускать полного использования современных производственных мощностей для невоенных потребительских целей. Элита гарнизонного государства будет профессионально заинтересована в тиражировании специальных устройств для актов насилия. Правители гарнизонного государства будут опираться на военные паники как на средство поддержания массовой готовности к отказу от непосредственного потребления. Военные страхи и паники, не находящие кульминации в насилии, в конечном счете утрачивают свою ценность; и это та точка, в которой правящие классы будут чувствовать, что необходимо кровопролитие, дабы сохранить добродетели прочного молчаливого согласия с режимом, которыми они столь восхищаются и от которых получают столь много выгод.

---

¹ О масштабах этих производственных потерь см., например, рис. 1 «Потери потенциального реального национального дохода, вызванные депрессией, безработицей людей и машинного оборудования, 1930–1937 гг.» в: National Resources Committee. The Structure of the American Economy. – Washington, D.C.: Government Printing Office, 1939. – P. 2. Потери потенциального дохода оценивались в 200 млн долл.

Мы можем быть уверены, что если где-то и будет случаться подъем производства невоенных потребительских благ, вопреки объемам энергии, направляемой на производство военного оборудования, правящий класс непременно будет чувствовать себя в опасности, видя для себя угрозу в растущей «фривольности» сообщества¹.

Нам нужно рассмотреть, в какой степени на объемы производимых в гарнизонном государстве ценностей будет влиять тенденция к ригидности. Многие факторы в гарнизонном государстве дают основания ожидать, что тенденции к однообразным повторениям и церемониализации будут ярко выражены. В какой-то степени это функция бюрократии и диктатуры. Но в какой-то степени это проистекает и из озабоченности военного государства опасностью. Даже там, где чтут военные операции, боец должен закалить себя против глубоко заложенных в нем склонностей к уклонению от смерти и увечий. Одно из простейших и могущественнейших средств избавления от страха – какая-нибудь воспроизводящаяся операция, повторение чего-нибудь старого и прочно установленного. Отсюда опора на муштру как на средство дисциплинирования, приучающее людей переносить личные опасности без впадения в страх перед смертью. Склонность к повторению как средство уменьшения нерешительности намного усиливается успешным повторением, поскольку индивид очень привязан ко всему, что оказалось действенным для сохранения самоконтроля в предыдущих попытках. Даже те, кто отрицает у себя страх перед смертью, могут проявлять глубину своего бессознательного страха своим интересом к ритуалу и церемонии. Это один из тончайших способов, которыми индивид может оберегать свой разум от открытия собственной робости. Церемониалист даже не догадывается, что в паутине церемонии он нашел моральный эквивалент войны – непознаваемую замену личной опасности.

---

¹ Увековечению гарнизонного государства будут благоприятствовать некоторые психологические последствия потакания собственным слабостям. Когда у людей, которых дисциплина приучила держать себя в черном теле, возрастают удовольствия, их часто мучают угрызения совести. Такие навязанные самим себе тревоги означают, что совесть всегда начеку и всегда готова навязать ортодоксальный кодекс человеческого поведения. Следовательно, отходы от установленного порядка дисциплинированного молчаливого согласия с провозглашаемыми ценностями гарнизонного государства будут исправляться сами собой. От чувства вины, порождаемого потаканием собственным слабостям, может избавлять оргиастическое восстановление установленных нравов дисциплинированного самопожертвования.

Склонность скорее церемониализировать, чем сражаться, будет в гарнизонном государстве особенно заметна у наиболее влиятельных его элементов. Те, кто располагается на самой вершине военной пирамиды, будут, несомненно, занимать высокие положения и в пирамиде дохода. Во времена реальной войны может возникать необходимость в уступках в направлении сглаживания разницы доходов ради сохранения общего боевого духа. Можно ожидать, что перспектива подобных уступок будет служить сдерживающим фактором против войны. Уравновешивающей тенденцией будет, конечно, угроза закоснелым и хорошо устроенным членам высшего слоя со стороны целеустремленных членов низшего служивого корпуса. Эта угроза возникает также тогда, когда нарастает ропот недовольства установленным порядком вещей в более широких общественных слоях.

Представляется вероятным, что гарнизонное государство будущего будет гораздо менее ригидным, чем военные государства древности. До тех пор, пока сохраняется современное техническое общество, будет оставаться огромный корпус специалистов, фокус внимания которых целиком посвящен открытию новых способов использования природы. Прежде всего, есть физики и инженеры. Они способны демонстрировать с помощью вполне безличных процедур действенность многих своих предложений в отношении улучшения боевой эффективности. Поэтому мы предвидим в общей рамке гарнизонного государства дальнейшее освоение технических возможностей современной цивилизации.

Каковы некоторые из следствий этой картины для исследовательской программы ученых, которые, будучи еще и гражданами, желают защитить достоинство человеческой личности?

Ясно, что друг демократии смотрит на возникновение гарнизонного государства с отвращением и тревогой. Он будет делать все, что в его силах, чтобы его отсрочить. Если же гарнизонное государство станет неизбежным, то друг демократии будет стараться сохранить в этой общей рамке нового общества столько ценностей, сколько только сможет. Какие демократические ценности можно сохранить? И как?

Наш анализ показал, что некоторые элементы паттерна гарнизонного государства совместимы с демократическим уважением к человеческому достоинству. Так, в нем будет некоторая социализация уважения ко всем, кто участвует в гарнизонном обществе (за вездесущим исключением низших слоев).

Сократятся ли человеческие издержки гарнизонного государства, если огражданствит правящую элиту? Как именно мож-

но способствовать сплаву военных и гражданских искусств? Каковы хотя бы некоторые из средств, позволяющих преодолеть бюрократизм? В какой степени можно развить или сдержать церемониализирующие тенденции гарнизонного государства?

Ясно, что нам нужны более адекватные данные из прошлого по каждой из этих проблем и что можно спланировать сбор релевантных данных в будущем. Нам нужно, например, больше осведомленности о тенденциях в конфигурации навыков господствующих элитных групп в разных частях мира. Вдобавок к данным о тенденциях, нам нужны экспериментальные и кейсовые данные об успешных и безуспешных попытках огражданствления специалистов по насилию¹.

В связи с представленным наброском возникает много интересных вопросов о переходе к гарнизонному государству. Каков вероятный порядок его появления: Япония, Германия, Россия, Соединенные Штаты Америки? Каковы вероятные комбинации торга, пропаганды, организации и насилия в структуре навыков элит? Вероятно ли, что гарнизонное государство появится вместе с насильственной революцией или без нее? Появится ли гарнизонное государство сначала в небольшом числе больших континентальных государств (России, Германии, Японии [в Китае], Соединенных Штатах) или в едином мировом государстве, в котором будет главенствовать одна из этих держав? С какими символическими паттернами будет ассоциирован переход к гарнизонному государству? В настоящее время имеется четыре важных идеологических паттерна.

Четыре мировых символических паттерна

<i>Во имя:</i>	<i>Некоторые утверждаемые требования и ожидания</i>
1. Национальной демократии (Британия, Соединенные Штаты)	Универсализировать федерацию демократических свободных наций
2. Национальной антиплутократии (также антипролетарские) (Германия, Россия, Япония, Италия)	Универсализировать «ось» национал-социалистических держав
3. Мирового пролетариата (Россия)	Универсализировать Советский Союз, Коммунистический Интернационал
4. Подлинного мирового пролетариата (в настоящее время нет таких государств)	Новая элита овладевает революционным кризисом, чтобы ликвидировать «русских предателей», все «национал-социализмы» и «плутократические демократии»

¹ Анализ тенденций к милитаризации в современном обществе можно посмотреть у Ганса Шпейера; его статьи обычно публикуются в журнале Social Research.

Функция любого конструкта развития – такого, как предлагаемый здесь в отношении гарнизонного государства, – состоит в том, чтобы прояснить для специалиста возможную релевантность его исследований надвигающимся событиям, затрагивающим ценности, которые он одобряет как гражданин. Хотя конструкты развития и не являются ни научными законами, ни догматическими прогнозами, они помогают выстроить во времени научную работу, стимулируя как плановое наблюдение будущего, так и обновление интереса ко всем прошлым событиям, имеющим вероятное огромное значение для рождающегося будущего. В пределах общей структуры науки об обществе есть место для множества специальных наук, посвященных изучению всевозможных факторов, обуславливающих выживание избранных ценностей. Именно в этом смысле в рамках социальной науки и возможна наука о демократии, или наука политической психиатрии. Если гарнизонное государство вероятно, то сейчас самое время приступить к специальным его исследованиям¹.

---

¹ Роберт С. Линд проявляет озабоченность своевременностью познания в книге «Знание для чего?». В этой книге содержится масса ценных предложений, но не уточняется, какие формы мышления наиболее полезны для достижения целей, которые он имеет в виду.

**ГАРОЛЬД ФУТ ГОСНЕЛЛ
(1896–1997)**

Г.Ф. Госнелл

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ VERSUS
ПОЛИТИЧЕСКАЯ МАШИНА¹**

Разумность действия сорока миллионов избирателей в Соединенных Штатах на многочисленных выборах, в которых они участвуют, требует тщательной организации и планирования. Нужны политические партии, чтобы просвещать избирателей относительно проблем и кандидатов и побуждать их выполнять свои гражданские обязанности в дни регистрации и голосования. У этих партий должен быть хорошо обученный корпус рядовых бойцов – людей, готовых выполнять рутинные задачи, столь необходимые в политике, такие как агитация, распространение петиций, предоставление своих домов для небольших собраний, рассылка писем, раздача литературы, произнесение публичных речей и присмотр за техническими деталями избирательного процесса. Должны быть также партийные лидеры, которые знают, как проводить избирательные кампании, организовывать митинги, управлять освещением кампании и отвечать на тактику оппозиции. Вдобавок к тому партия должна иметь доступ к средствам массового внушения. Где-то она должна находить толпы для своих ораторов и читателей для своей агитационной литературы.

Можно подумать, что элементы политической партии можно собрать на практически добровольной основе. Многие рабочие партии в европейских странах опираются главным образом на волонтеров. Рабочие и лидеры с одинаковым пылом верны общему делу. В нашей стране многие партийные дела делаются без денеж-

---

¹ Источник: Gosnell H.F. Political party versus political machine // The annals of the American academy of political and social science. – 1933. – Vol. 169, Iss. 1. – P. 21–28. Русский перевод: Госнелл Г.Ф. Политическая партия versus политическая машина / пер. с англ. В.Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2023. – № 1.

ной компенсации. Вместе с тем хорошо известно, что партии в Соединенных Штатах могут опираться на усилия добровольцев лишь в небольшой части работы, которая должна делаться. Деньги придают стержень американским политическим партиям. Некоторые услуги, такие как печать, пользование почтой, рекламные объявления в газетах, использование аудиторий и офисных помещений, телефонные услуги и радиотрансляции, недоступны без больших денежных расходов. На деньги можно купить и практически любой другой тип политической услуги. Ораторы, клерки, агитаторы, профессиональные рекламные агенты, опытные организаторы, юристы, разбирающиеся в избирательных делах, – все могут быть наняты за некоторое вознаграждение¹. Часто партийные работники не получают оплату наличными, а вознаграждаются косвенно – каким-нибудь политическим назначением или административной поддержкой. Когда в политической организации преобладает элемент добычи, она называется политической машиной.

Что такое политическая машина?

Термин «политическая машина» применяют для передачи негативного впечатления от данной партийной организации. В Нью-Йорке республиканцы говорят о машине Таммани-холла, в Филадельфии демократы и независимые – о машине республиканцев, консервативные газеты на Среднем Западе – о машине Лафоллета. Любую политическую фракцию, которая обладает властью на протяжении значительного периода времени, противостоящие силы, скорее всего, будут называть машиной.

Когда это слово употребляется в связи с такой организацией, как Таммани-холл, оно вызывает в памяти картину политического феодализма с безжалостными боссами, нечистыми на руку чиновниками, политиками-гангстерами, мошенничеством на выборах и беспринципными юристами и бизнесменами, которые сообщают манипулируют запутавшимися и апатичными избирателями с помощью особых одолжений, обмана и силы. Когда слово «машина» применяется какой-нибудь реакционной газетой к организации Лафоллета в Висконсине, оно несет в себе то значение, что здесь есть группа опасных радикалов, использующих демагогические методы

---

¹ См.: Overacker L. Money in Elections. – New York : The Macmillan Company, 1932.

и престиж государственной службы для введения в заблуждение избирателей. Однако более привычное употребление этого слова – и далее мы ему здесь будем следовать – это то, которое описывает организации вроде демократической организации Таммани-холла.

Части машины

Чтобы прояснить, как выстроены политические машины, необходимо проанализировать их части. Как связаны эти машины с разными элементами американской жизни – с церквями, прессой, деловыми и профессиональными группами, рабочими организациями, братствами и общественными организациями, преступным миром? Какие из этих групп поставляют машинам рядовой состав, какие – материальные средства для ведения войны, и какие – лидеры?

Церкви

Были времена, когда политические машины в нашей стране получали важную поддержку от церквей. Религиозные узы связывали многих вождей и мелких политиков из Таммани-холла. Демократическая машина Бреннана – Чермака в Чикаго тоже во многом опиралась на католические элементы, находимые в тех частях города, где преобладали группы иностранного происхождения. С другой стороны, печально известная машина Стивенсона в Индиане пользовалась активной поддержкой многих протестантских церквей, а машине мэра Томпсона в Чикаго помогали белые и цветные протестантские священники. Священники могут выступать с речами, давать своим конгрегациям советы относительно того, как голосовать, и помогать в распределении партийных фондов.

Газеты

Часто случается так, что машина может выиграть выборы вопреки значительному противостоянию со стороны газет. Победы Таммани-холла в Нью-Йорке и Томпсона в Чикаго – свидетельство способности машин бороться с негативным публичным образом. Однако более пристальный анализ ситуации показывает, что никакая машина, скорее всего, не смогла бы существовать без некото-

рой газетной поддержки. Местные районные газеты и газеты на иностранных языках были захвачены политическими боссами¹, а в некоторых случаях и крупные ежедневные газеты были готовы помогать какой-то организации в обмен на горячие новости и благосклонность. Другие газеты могут содействовать продажной политике тем, что не печатают материалов, которые могли бы повредить политическим властям.

Деловые интересы

Тесная связь между бизнесом и машинной политикой раскрывалась во многих исследованиях². Хотя промышленные и финансовые магнаты, как правило, не контролируют партийные машины открыто, они оказывают на них большое влияние. Низложенный монарх коммунальной отрасли Сэмюэл Инсулл мог дергать за ниточки, соединявшие его с важными фигурами в обеих основных политических партиях в нескольких штатах. Когда местные правительства после депрессии, начавшейся в 1929 г., оказались в трудном финансовом положении, ведущие банкиры в разных городах практически диктовали свою волю политическим боссам. Через такие инструменты, как взносы в избирательные фонды, предоставление инсайдерской информации поддерживаемым политикам и отказ в кредитных средствах, промышленные и финансовые магнаты держали партийные машины под жестким контролем. Этот контроль усиливался политической активностью юристов и рекламных агентов, чья верность сообществу в целом иногда оказывается подчинена их лояльности своим деловым нанимателям.

Преступный мир

В крупных городах Соединенных Штатов, где знают толк в выпивке и многие придерживаются либеральных взглядов на про-

---

¹ Park R.E. The Immigrant Press and Its Control. – New York : Harper & Brothers, 1922.

² United States Congress, Senate. Hearings Before a Special Committee Investigating Campaign Expenditures in Senatorial, Primary and General Elections, 1926 / 69th Cong., 1st Sess. – Washington, D.C. : Government Printing Office, 1926; New York Legislature. Investigation of the Departments of the City of New York. Report by Samuel Seabury, Counsel to the Legislative Committee. – New York, 1932. – Jan. 25, 1932.

ституцию, азартные игры и другие человеческие слабости, существование мощного преступного мира, с его альянсами с бизнесменами и машинными политиками, можно считать само собой разумеющимся. Комбинацию сил, способную благодаря своей политической власти дать иммунитет от закона, называют иногда Большим сговором (Big Fix).

В американских городах бутлегеры, рэкетеры, хозяева игорных домов, сводники, воры и прочая шпана пользуются необычайной защищенностью от вмешательства со стороны правоохранительных органов¹. Когда к лидерам преступного мира обращаются с просьбой внести вклад в избирательную кампанию или обеспечить результаты в день голосования, они не могут очень уж сильно отказываться. Когда передается слово от гангстерских главарей, все владельцы баров, букмекеры, грабители, карманники, сутенеры, проститутки, скупщики краденого и им подобные вытягиваются по струнке. Они и сами составляют значительную часть избирателей, и часто повышают свою ценность для машины с помощью грязных избирательных практик. Всякого рода самозванцев, избирательных многостаночников, карусельщиков, нечестные избирательные комиссии набирают из рядов организованной преступности². В пустошах наших городов те, кто вовлечен в пограничную активность, часто образуют контролирующий элемент политических машин.

Особенно важны для партийных боссов бутлегеры и хозяева игорных заведений. Политические клубы часто представляют собой всего лишь бары или игорные притоны. Исследование Сибири показало, что принадлежащий к машине Таммани полицейский инспектор был лично заинтересован в работе подпольной винокурни. Денежные суммы, вовлеченные в эту подпольную деятельность, ошеломляют. Поскольку законы против бутлегерства и азартных игр очень трудно провести в жизнь, ввиду легкости сокрытия правонарушений и судорожности интереса общественности к такого рода вопросам, политики, бутлегеры и короли игорного бизнеса объединяют свои интересы в увековечивании политической машины. Те самые банды, которые контролируют оборот алкоголя и азартные игры, распространили недавно свои операции в сферу бизнеса, используя методы вымогательства, которые были названы рэкетом.

---

¹ National Commission on Law Observance and Law Enforcement. Report on Police; Report on Prosecution. – Washington, D.C. : Government Printing Office, 1931.

² Landesco J. Organized Crime in Chicago // Illinois Crime Survey. – Chicago : Illinois Association for Criminal Justice, 1929. – Part 3. – P. 815–1087.

Использование работников

Любознательный человек может спросить: как возможно выстроить политическую машину из столь разнородных элементов? Будут ли люди из церквей, журналисты, банкиры, юристы, бизнесмены, бутлегеры и игорные бароны работать гармонично на воспроизведение данного политического режима? Взаимосвязи между этими группами сложны. Лидеры бизнеса часто желают получить политическое покровительство, и они обнаруживают, что лидеры машины понимают их язык. Антиобщественный деловой магнат и политический босс встречаются на общей почве¹. Церковные люди иногда готовы не замечать недостатки машины, оказывающей ощутимую поддержку сухому закону и другим моралистическим делам. Кроме того, функцией машины является выработка разделения труда. Есть некоторые районы, где игорный король будет завоевывать мало голосов, но есть и такие районы, где не будут приветствовать человека, развернувшего крестовый поход против порока. Задача политического управляющего – подогнать части машины к затрагиваемым конкретным ареалам.

Машина в действии

Политические машины держат избирателей под контролем благодаря тому, что прилагают все усилия для установления и поддержания контактов лицом-к-лицу с индивидуальными гражданами. Такие контакты зависят от кропотливой агитационной работы и политических митингов, обладающих развлекательными свойствами, информативных и удовлетворяющих эмоции. Эта муторная работа обычно не предпринимается в Соединенных Штатах, если за нее не предлагается какое-нибудь конкретное вознаграждение в виде денег или политической должности. Эти должности обычно распределяются партийными комитетами, преуспевшими в проталкивании своих кандидатов на первичных выборах или на партийных съездах. Могущество членов районных комитетов зависит от энергии и эффективности находящихся под их началом партийных участковых. Эти участковые чиновники – костяк любой политической машины,

---

¹ Ferguson H. A Plea for Inefficiency in Government // Nation's Business. – 1928. – Vol. 16. – N 12, Nov. – P. 20.

и на них лежит ответственность за то, чтобы присматривать за избирателями и заручаться их поддержкой.

Одна из особенностей американской политики – небольшой размер единиц, сообщающих о результатах выборов. По всей стране среднее число избирателей на один участок – около 400 человек. Партийные участковые берут на себя труд лично познакомиться со всеми на своем участке. Успешный участковый чиновник хвастается своей способностью поговорить с каждым из своих избирателей. Он может помолиться вместе со старушкой, может поговорить о расах с любителем азартных игр и может также подбить на разговор кого-нибудь из «высоколобых».

Услуги для избирателей

Любыми способами, не слишком дорогостоящими, рядовые участники машины пытаются оказать избирателям конкретные услуги, которые останутся в памяти на день выборов. Когда партийный участковый не может решить эту задачу сам, он входит в контакт с кем-нибудь в организации, кто может это сделать. Так, машина будет предоставлять на безвозмездной основе юридические услуги, продукты питания, медицинские услуги, аренду, уголь, одежду. В период безработицы, когда подобные виды деятельности быстро перегружают партию, члены комитетов в более бедных районах просто отсылают своих избирателей в соответствующие властные инстанции и стараются заработать как можно больше очков на оказываемой помощи. Партийные чиновники действуют также как агенты по трудоустройству на должности в государственных службах и в некоторых полугосударственных бизнесах.

Услугами, которые партийная машина почти всегда может оказать, являются услуги, напрямую связанные с функционированием правительства. Члены партийных комитетов и их помощники готовы в любое время выслушать жалобы своих избирателей на то, как действия правительства на них сказываются. Лицам иностранного происхождения непонятны тонкости законов о натурализации и многочисленные раздражающие проволочки. Крупные и мелкие собственники пребывают в постоянной тревоге по поводу того, что может происходить год от года с их налоговыми оценками. Людям, желающим заняться каким-нибудь делом, бизнесом или профессией, которые лицензируются правительством, не терпится получить необходимые разрешения. Те, кого задержала полиция,

независимо от того, виновны они или нет, обвиняют их в крупных нарушениях или мелких, хотя бы смягчить для себя связанные с этим тяготы, расходы и правовую волокиту.

У хорошо окопавшихся партийных машин есть люди, обученные и готовые выслушивать эти жалобы. Некоторые из них понимают процедуру натурализации и могут провести робких через трудные места; кто-то знает, как можно скорректировать налоговые оценки и зафиксировать налоговые счета¹; кто-то может помочь в получении правительственных разрешений и лицензий; а кто-то знает, что делать при получении квитанций о задержании транспортных средств, предъявлении обвинения, поручительстве, судебных решениях и других распоряжениях правоохранительных органов. Благодаря многочисленным покровительствам, которые может предоставить машина, ее агенты могут рассчитывать на то, что будут выслушаны, когда придут в дни предварительных и окончательных выборов, и могут попросить отдать голос за нее.

Контроль над выборами

Другим элементом могущества партийной машины является контроль, который она осуществляет над механизмом выборов в нашей стране. Законы разных штатов предусматривают, что избирательные комиссии набираются из представителей двух основных партий². По обычаю в большинстве штатов рекомендации относительно избирательных комиссий даются партийными комитетами. Махинации на американских выборах, особенно первичных, осуществляются по большей части с помощью тайных сговоров участковых избирательных комиссий. Иногда сотрудников избирательных органов привлекают к оказанию партийных услуг, полностью выходящему за рамки их правовых обязанностей. Даже в скудные времена, когда данная партийная машина не находится у власти, она может рассчитывать на покровительство, связанное с управлением выборами.

Хотя прямая покупка голосов в нашей стране не так распространена, как это было раньше, у партийных машин, распоряжаю-

---

¹ Simpson H.D. Tax Racket and Tax Reform in Chicago. – Chicago : Northwestern University, 1930.

² Committee on Election Administration. Model Election Administration System // National Municipal Review. – Supplement XIX. – New York : National Municipal League, 1930. – P. 637.

щихся огромными избирательными фондами, есть методы для эффективного использования денег в день выборов. Во многих штатах деньги тратятся на наем партийных работников, которые раздают агитационную литературу на улицах или ходят от дома к дому, вытаскивая избирателей на участки. Наем этих работников является косвенным методом покупки их голосов и голосов их близких родственников и друзей. Борясь с машиной, независимые и реформистские группы находятся в крайне невыгодном положении, так как у них нет фондов для «текущих расходов» и найма работников.

Цена машинной политики

Каков баланс машинной политики в Соединенных Штатах? На стороне кредита в ее бухгалтерской книге следует поместить: помощь, оказываемую механической реализации выборного процесса в стране, где свыше 65 млн потенциально голосующих и около 40 млн реально голосующих; помощь, оказываемую некоторым неассимилированным элементам нашего населения; приспособление некоторых наших жестких и неработоспособных правовых норм к реалиям человеческого опыта; концентрацию ответственности, которая в противном случае была бы распылена между множеством конфликтующих и пересекающихся властей – общенациональных, штатских и местных; роль, сыгранную ею в быстром использовании тех экономических возможностей, которые были связаны со стремительным ростом городов.

Со стороны дебета следует перечислить: искривление избирательного процесса демагогическими и коррупционными практиками; ограбление более слабых экономических элементов; перенаправление отправления правосудия на службу особым интересам; ослабление веры масс в политические методы; разрушение морального духа государственных служащих; усугубление неравенств в нашей экономической системе.

Партийные машины лежат тяжким и дорогостоящим бременем на американской демократии, и, по всей вероятности, страна более бедная и менее экстравагантная не потерпела бы их в их нынешней форме. Есть ли какие-нибудь признаки того, что могущество политических машин убывает? Экономический кризис, начавшийся в 1929 г., существенно уменьшил наш национальный доход и привел к тому, что бремя налогообложения кажется относительно большим, чем в прошлом. Политическая машина расце-

тает в период благоденствия, когда стоимость недвижимости, доходы, прибыли от аренды растут как на дрожжах. В такие времена налогоплательщики не так активны, как во времена затягивания поясов, а общественность проявляет больше безразличия к неприкрытому взяточничеству и растраниванию общественных фондов. В период же экономической депрессии ресурсы политических машин значительно сокращаются.

В последние годы политические боссы под давлением финансовых интересов были вынуждены перейти в режим строжайшей экономии. Сборы налогов были недостаточны для покрытия правительственных расходов, а неоплачиваемый государственный служащий для политической машины – не ахти какой актив. Банки были не готовы ссужать деньги, пока совокупные общественные расходы не будут урезаны. Хотя многие из мер по экономии средств не повысили правительственную эффективность и все еще остаются бастионы покровительства и продажности, произошел ряд решительных улучшений, оставивших политическим боссам меньше простора для работы. Возросшая публичность в отношении налоговых оценок и налоговых сборов разрушила хватку, позволявшую коррумпированным политикам некогда цепко держать этот щедрый источник избирательных фондов. Спрос на экономию содействовал движению за консолидацию властных органов, дублирующих друг друга, и концентрацию официальной ответственности за фискальные дела.

Ослабевают ли машины?

Но экономический кризис, возможно, временный; во всяком случае, мы на это надеемся. Если он оставит после себя некоторую конструктивную экономию, то все мы можем быть ему за это благодарны. Есть ли какие-то долгосрочные тенденции, которые постепенно изменяют характер американской партийной организации? Партийные машины были сильнее всего в быстро растущих городских сообществах, особенно в тех их частях, которые населяли беднейшие иммигрантские группы. Демографические данные показывают, что темп роста населения в нашей стране падает, отчасти из-за прекращения иммиграции, отчасти вследствие снижения рождаемости¹. В будущем замедление роста городов и стойкое сокращение

---

¹ President's Research Committee on Social Trends. Recent Social Trends in the United States. – New York: McGraw-Hill Book Co., 1933. – Ch. 1. – P. 1–58.

числа граждан иностранного происхождения уменьшит приток избирателей, с готовностью откликающихся на машинную тактику.

В области государственного управления происходит ряд процессов, которые постепенно ослабляют влияние раздачи государственных постов в качестве добычи на нашу политику. Наблюдается тенденция к устроению контроля за органами, собирающими налоги на местном уровне, и новые формы налогообложения менее открыты для политических злоупотреблений. Успехи в развитии управления общественным благосостоянием делают все более ненужными социальные услуги, предоставляемые членами участковых комитетов. Становится меньше случаев, когда партийные чиновники могут подключиться и смягчить суровость закона. Развитие таких услуг, как условно-досрочное освобождение, испытательный срок, индивидуальная работа в общинах, реабилитация и общественные бюро по трудоустройству, понизило значимость районных участковых как агентов сообщества. Наконец, развитие системы заслуг в общественных службах, пусть даже и медленное, подтачивает возможности политического покровительства.

Борьба с машинами

Прямые атаки на политическую машину можно предпринять в сфере управления выборами. Долгое голосование, многочисленность выборов, малый размер избирательных участков, обременительность регистрационных требований и отсутствие адекватной защиты от фальсификаций – все это факторы, прямо играющие на руку политическим боссам. Укороченное голосование означало бы, что машине будет труднее уходить от ответственности.

Если бы избирательные участки были укрупнены, то общее число сотрудников избирательных органов сократилось бы, и политическим боссам было бы труднее манипулировать каждой мелкой единицей электората. В Великобритании нет районных участковых, отчасти потому, что голоса считают не по мелким участкам, а по большим районам¹. Распространение постоянной централизованной регистрации избирателей с использованием подписи избирателя как средства идентификации и обстоятельных методов обновления

---

¹ Голоса на парламентских выборах подсчитывают по избирательным округам, среднее число голосующих в каждом – около 35 тыс. человек.

избирательных списков понизило опасность таких явлений, как раздутые реестры, самозванцы и избиратели-многостаночники¹.

Контроль, который машины имеют над избирательными комиссиями, можно было бы сократить, отменив требования проживания на территории участка и представления одной из двух основных партий. На некоторых участках очень трудно найти людей должной квалификации, проживающих в пределах участка, для включения в состав избирательных комиссий, а требование партийного представительства не спасало от двухпартийных заговоров, нацеленных на осуществление фальсификаций. Высший тип участкового избирательного служащего в нашей стране мы находим в тех городах, где не требуется проживание на территории участка и где не следуют рекомендациям партийных машин.

Сокращение фондов

Методы, используемые в настоящее время партийными машинами для финансирования различных своих деятельностей, можно поставить под более строгий контроль. Многие штаты имеют неадекватные законы в отношении коррупционных практик, а в трех штатах – Иллинойсе, Миссисипи и Род-Айленде – вообще нет законов, регулирующих избирательные фонды. Пока партии опираются на взносы бизнесменов, стремящихся заполучить особое покровительство, преступных элементов, ищущих защиты от вмешательства правоохранительных органов, и должностных лиц, ставящих верность партии над верностью государству, элементы машины будут оказывать развешающее влияние на нашу политическую жизнь.

Яркий свет публичности до и после выборов помог бы уменьшить объемы партийных средств, получаемых из нежелательных источников. Публичное освещение расходов на избирательные кампании оказало бы оздоравливающее воздействие на партийные организации. Запрет платить партийным работникам и наблюдателям на выборах значительно сократил бы объемы машинного голосования. В некоторых штатах такие меры уже опробованы, и они показали свою благотворность.

Правительство могло бы, как это делается в Англии и во Франции, оказывать помощь всем кандидатам в виде бесплатных почтовых

---

¹ Harris J.P. Registration of Voters in the United States. – Washington, D.C. : The Brookings Institutions, 1929.

услуг и уменьшить тем самым относительные преимущества, которыми пользуются кандидаты от машин и богатые кандидаты.

Необходимые гражданские действия

В борьбе против продажных политиков нужны правовые регуляции, но их недостаточно. Если кандидаты от машин будут избираться на важные должности, то они найдут способы обойти законы о гражданской службе. Когда одна из партийных организаций старого образца добилась контроля над городом, управляемым советом, она переименовала весь план управления городом в свою пользу. Продажные политики всегда могут манипулировать образцовой избирательной системой, если как следует их не контролировать.

Борьбу с партийными машинами нужно доверить гражданам. Нужно изобрести более демократические методы финансирования политических кампаний, как это было сделано в Англии, где британская Лейбористская партия поддерживается небольшими взносами, которые выплачиваются ее индивидуальными членами. Необходимо организовать движения граждан в защиту честности и достоверности избирательного процесса, как это было сделано в Детройте, где практически нет жалоб на фальсификации выборов. Крайне важно также организовать гражданский политический комитет, как в Цинциннати, где Уставному комитету удалось создать корпус добровольных участковых работников, искоренивший одну из сильнейших партийных машин, которые когда-либо видела наша страна. Что нам нужно, так это возрождение гражданского морального духа в крупных городских сообществах нашей страны.

Г.Ф. Госнелл

СТАТИСТИКИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНЫЕ¹

В своей классической книге «Человеческая природа в политике», опубликованной в 1908 г., Грэм Уоллес говорил: «Мы должны стремиться найти столько релевантных и измеримых фактов о человеческой природе, сколько только возможно, и должны попытаться сделать всех их полезными в политическом размышлении»². Хотя точка зрения, которую тогда выразил Уоллес, принята далеко не всеми и сегодня оспаривается такими, например, авторами, как Чарльз О. Бирд³, с тех пор сделаны некоторые шаги в сторону ее признания.

Уоллеса особенно впечатляло успешное применение количественных методов экономистами, а впечатлителься тут было чем. Возьмем только один пример, работу Ф.И. Эджуорта: содержащиеся в ней измерения полезности, алгебраическое или диаграммное определение экономических равновесий, применение теории вероятности для построения моделей и для измерения экономической ценности и индексов цен демонстрировали тенденцию эпохи в области экономики. XX век ознаменовался ускорением этой тенденции. В использовании статистики политические ученые не только плелись в хвосте у эко-

---

¹ Источник: Gosnell H.F. *Statisticians and Political Scientists* // *American Political Science Review*. – 1933. – Vol. 27, N 3. – P. 392–403. Русский перевод впервые опубликован в журнале: *Политическая наука*. – 2023. – № 3.

² Wallas G. *Human Nature in Politics*. – London : A. Constable & Co., 1908. – P. 140.

³ Его имя появляется под заголовком «Политическая наука» в главе 9 книги: *Research in the Social Sciences: Its Fundamental Methods and Objectives* / Gee W. (ed.). – New York : The Macmillan Company, 1929. См. также: Gooch R.K. *Government as an Exact Science* // *Southwestern Political and Social Science Quarterly*. – 1928. – Vol. 9, N 3. – P. 252–263.

номистов; отчасти они проявляли и заметное сопротивление движению в этом общем направлении. Как объяснить эту ситуацию?

Очевидно, что в политике единицы измерения найти труднее, чем в экономике, где есть данные, выраженные в стоимостных единицах, такие как данные о ценах и заработной плате, а также производственные данные, представленные в физических единицах. Каковы единицы измерения в политической науке? Джордж Э.Г. Кэтлин решительно утверждает, что в политике единицу измерения задает голос и что это аналог ценовой единицы в экономике¹, но этот взгляд встретили энергичными возражениями². Ясно, что в странах с диктатурами, таких как фашистская Италия, Россия и Турция, голос не имеет такого же веса, каким он обладает в Англии, Франции или Соединенных Штатах; и даже в так называемых демократических странах вес голоса меняется в зависимости от социальных и административных условий. Голос как единицу политической поддержки необходимо еще привести к некоторому стандарту. Еще одним основанием для медленного прогресса статистического метода в политической науке, по сравнению с экономикой, является то, что политологов по традиции учат истории, философии и праву, а не статистике и математике. Кроме того, получаемый ими состав политической теории не переводится с готовностью в постановку проблем в количественных терминах. Многие так называемые экономические законы, которые верифицировались статистическими исследованиями, по ходу дела пересматривались и переформулировались.

Вдобавок к тому измерительные исследования давали эмпирические законы, такие как закон циклических колебаний, которые экономисты-теоретики пытались объяснить. Политическая теория пока не достигла этой стадии. Дж.Э.Г. Кэтлин, П.С. Флоренс³, Стюарт А. Райс⁴, Герман К. Бейль¹ и др. приступили к переопреде-

---

¹ Catlin G.E.G. A Study of the Principles of Politics: Being an Essay Towards Political Rationalization. – New York : The Macmillan Company, 1930.

² Elliott W.Y. The Possibility of a Science of Politics: With Special Attention to the Methods Suggested by William B. Munro and George E.G. Catlin // Methods in Social Science: A Case Book Compiled Under the Direction of the Committee on Scientific Method in the Social Sciences of the Social Science Research Council / Rice S. (ed.). – Chicago : University of Chicago Press, 1931. – P. 84–85.

³ Florence P.S. The Statistical Method in Economics and Political Science: A Treatise on the Quantitative and Institutional Approach to Social and Industrial Problems. – New York : Harcourt, Brace and Company, 1929.

⁴ Rice S.A. Quantitative Methods in Politics. – New York : Alfred A. Knopf, 1928.

лению политической теории в терминах, делающих возможным выдвижение гипотез для эмпирических исследований. Кэтлин рассмотрел несколько так называемых политических законов; Флоренс разработал понятия отношений управления, отношений совместной работы и отношений укомплектованности людьми; Райс работал с «имеющимися данными относительно тех факторов, или “сил”, которые порождают политическую активность и придают ей форму и направление». Это первые шаги в сторону статистической политической науки, и они очень важны.

Хотя большинство политологов по традиции продолжают работать в русле истории и публичного права, в их поле вторглись экономисты, социологи, психологи и педагоги, оснащенные статистическими техниками, которые нашли себе в сфере политики интересные проблемы. Возможно, стоит здесь вкратце рассмотреть, как применялись некоторые статистические техники при решении политических проблем неадминистративного типа. Значимость приводимых нами исследований существенно различается, так же как и правомерность обращения к этим техникам. При имеющихся у нас ограничениях невозможно дать исчерпывающий обзор данного предмета. Критики количественных методов в политической науке могли бы воспользоваться некоторыми из упоминаемых исследований для отстаивания своей позиции, требующей применения других методов. В связи с этим следует заметить, что ни один авторитетный статистик не утверждает, что количественный метод необходимо применять в ущерб другим методам. В части плодотворности гипотез и интерпретаций статистические исследования зависят от качественного дескриптивного анализа.

Первый шаг в любом статистическом исследовании связан с вопросом о единицах, терминологии, шкалах и опросных листах².

---

¹ Beyle H.C. The Identification of Attribute-Cluster-Blocs. – Chicago : University of Chicago Press, 1931.

² При обсуждении этой статьи проф. Ф. Стюарт Чэпин настаивал, что измерение следует тщательно отличать от регистрационного учета. Измерение предполагает выбор произвольной шкалы, в то время как регистрационный учет – не более чем подсчет. Как полагал Грэм Уоллес, социальные ученые вряд ли откроют какую-то новую физическую единицу вроде ампера или длины волны. В этой статье слово «измерение» используется не в том смысле, в каком его используют в физических науках. Измерение здесь означает проведение как можно более точных, объективных, ясных, адекватных и сопоставимых наблюдений. Вопрос о единицах всесторонне рассмотрен в книге: Lundberg G.A. Social Re-

Само собой, глупо подсчитывать данные, которые неопределенны, неточны и двусмысленны, и ожидать получения точных результатов. Так же смешно использовать изошренные математические формулы в отношении данных, которые полны ошибок, сделанных в ходе исходных наблюдений и регистрационных записей. Так, в Чикаго было проведено несколько исследований голосований на референдумах с использованием табулирования и корреляции, прежде чем выяснилось, что были огромные погрешности и подтасовки при подсчете голосов¹. Скорее всего, применение статистического метода в политике будет какое-то время ограничиваться по большей части тестированием единиц и стандартизацией терминологии. Это вовсе не простая задача, ведь измерения в социальных науках обычно не прямые и очень трудно указать, насколько тесно подсчитываемые данные связаны с изучаемым качеством. Как мы покажем на ряде примеров, задание единиц или шкал для некоторых проблем предполагает основательное знакомство со всей областью статистики.

Творцы Конституции Соединенных Штатов столкнулись с проблемами статистической терминологии, закладывая основы федеральной переписи. Определение «негров» подняло много деликатных вопросов, и некоторые из них до сих пор стоят перед федеральными властями². Кто были эти «другие люди»? Как должен был устанавливаться свободный статус? Как надо было учитывать полукровок? По мере того как масштабы федеральной переписи расширялись, возникало все больше проблем с обозначениями. Любой политический ученый, пользующийся федеральной переписью, должен принимать во внимание пригодность определений переписи для своих целей. Например, пытаясь показать связь между неграмотностью, как она видна из переписи, и реакциями в сфере голосования, нужно не забывать о том, что переписчики не проводят действительной проверки грамотности, а просто задают прямой вопрос, на который вряд ли будут давать правдивый ответ там, где грамотность принято считать социальной необходимостью.

---

search: A Study in Methods of Gathering Data. – New York : Longmans, Green and Company, 1929.

¹Maynard D. Fraud and Error in Chicago Referendum Returns // National Municipal Review. – 1930. – Vol. 19, N 3. – P. 164.

²Об этом см.: Young D. Statistical Studies in Race Relations // Statistics in Social Studies / Rice S.A. (ed.). – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1930. – Chap. 5.

В связи с анализом голосований законодателей и законодательных групп было разработано несколько единиц и шкал. Голоса законодателей легче поддаются статистическому анализу, чем голоса избирателей, так как они не секретны и гораздо разнообразнее по характеру. Президент Лоуэлл¹ одним из первых это признал и уже более тридцати лет назад предложил свое оригинальное определение партийного голосования в законодательном органе². Более двадцати лет его работа оставалась вызовом, на который никто так и не ответил, пока Райс не разработал так называемые индексы сплоченности и сходства между законодательными группами³. Также Райс попытался определить в более общих терминах законодательный блок на основе взаимосвязи согласий между парами законодателей⁴. Герман Бейль тоже работал над этой проблемой и изобрел обозначение, называемое у него «индексом значимого сцепления пар». Хотя логика метода Бейля и полезность его процедуры открыты для обсуждения, действительные шаги, которые он предпринимает в обращении со своими данными, определенно предложены, и его метод может быть проверен с помощью других статистических техник. Л.Л. Терстоун уже предложил иной подход в статье, очерчивающей применение метода многофакторного анализа для выявления *блоков*⁵. В отличие от метода Бейля, метод Терстоуна вовлекает все данные и требует подготовки таблицы 2x2 для каждой возможной пары измерений и вычисления тетракорического коэффициента корреляции для каждой пары. Работа Терстоуна предполагает, что определение законодательного блока требует проработанной математической логики.

Использование массовых голосований для изучения вариаций в политических установках требует проверки материалов и

---

¹ Лоуэлл Эббот Лоуренс (1856–1943) – выдающийся американский правовед и политолог, президент Гарвардского университета в 1909–1933 гг. – *Прим. ред.*

² Lowell A.L. The Influence of Party Upon Legislation in England and America // Annual Report of American Historical Association, for the Year 1901. – Washington : Government Printing Office, 1902. – Vol. 1. – P. 431–542.

³ Rice S.A. Farmers and Workers in American Politics. – New York : Columbia University Press, 1924.

⁴ Rice S.A. Quantitative Methods...

⁵ Thurstone L.L. Multiple Factor Analysis // Psychological Review. – 1931. – Vol. 38, N 5. – P. 406–427; A Multiple Factor Study of Vocational Interests // Personnel Journal. – 1931. – Vol. 10, October. – P. 198–205. Тетракорический коэффициент r обсуждается в: Kelley T.L. Statistical Method. – New York : Macmillan, 1924. – P. 253.

продуманного установления категорий. Каков механизм определения числа правомочных голосов? Какой метод будет использоваться для определения партийного голосования? В исследовании массовых голосований на трех британских парламентских выборах, опубликованном в 1898 г., Эджуорт столкнулся с проблемой того, что делать с неоспариваемыми избирательными округами, с двухмандатными районами и с кандидатами от мелких партий¹. У.Ф. Огборн в своем анализе политического мышления социальных классов в Орегоне, основанном на измерении голосований на референдумах (1916), столкнулся с необходимостью определения того, что имеется в виду под социальными классами, урбанизмом и «радикальным» или «консервативным» характером мер, относительно которых проводилось голосование². Работая несколько лет спустя над схожими проблемами, Райс разработал свой так называемый индекс прогрессивизма и коэффициент избытка национальности³. Трактовка голосований в Конгрессе у А.Н. Холкомба заключала в себе определение секционных и экономических группировок⁴. Можно упомянуть и ряд других исследований, но, вероятно, перечисленного хватит, чтобы прояснить суть дела.

Голосование – лишь очень грубый показатель политических установок, поскольку выбор тут в высокой степени ограничен. Для более тщательного анализа природы политических установок необходима более тонкая шкала. Поскольку голосование тайное, невозможно идентифицировать бюллетени и прямо связать данный род голосования с экономическими и социальными факторами. При изучении такой темы, как массовый интерес к голосованию, быстро становится очевидным отсутствие данных о числе правомочных избирателей и о характеристиках проголосовавших и не проголосовавших. Необходима полевая работа с помощью анкет и интервью, чтобы пролить свет на такого рода проблемы. У.Т. Дональдсон сообщает об исследовании числа и характеристик не голосовавших в двух городах штата Огайо в 1913 г.; исследование опира-

---

¹ Edgeworth F.Y. Miscellaneous Applications of the Calculus of Probabilities // Journal of the Royal Statistical Society. – 1898. – Vol. 61, N 3. – P. 534–544.

² Ogburn W.F., Peterson D. Political Thought of Social Classes // Political Science Quarterly. – 1916. – Vol. 31, N 2. – P. 300–317.

³ Rice S.A. Quantitative Methods... – P. 94, 198.

⁴ Holcombe A.N. The Political Parties of Today; A Study in Republican and Democratic Politics. – New York : Harper & Brothers, 1924.

лось на очень простую анкету¹. Примерно десять лет спустя в Чикагском университете было начато несколько исследований голосования с использованием более полных опросных листов². Опросный лист, использованный во втором чикагском исследовании, и тот, которым пользовался Бен Арнесон при исследовании в небольшом городке в штате Огайо, содержали улучшения по сравнению с прежними опросными листами с точки зрения объективности и ясности³. Более проработанная техника была использована Гордоном Олпортом в 1928 г. при исследовании состава политических установок. Различные вопросы были оценены компетентными людьми на предмет выраженной в них степени радикализма. С помощью этого индекса далее ранжировали обследованных, и параллельно добывалась некоторая другая релевантная информация⁴.

Наиболее проработанную технику измерения установок предложил Л.Л. Терстоун⁵. Используя аналогию с психофизическими методами, он разработал процедуры приписывания шкальных значений каждому из серии высказываний. В одной из его процедур в качестве шкального значения того или иного высказывания используется интерполированная медианная оценка группы экспертов относительно его положения в установочном *континууме*. Совершенствование шкалы предполагает и требует солидной подготовки в области статистики. Шкалами Терстоуна, уже стандартизированными или находящимися в процессе стандартизации,

---

¹ Donaldson W.T. Compulsory Voting and Absent Voting, With Bibliographies. – Columbus, Ohio : The F.J. Heer Printing Co, 1914. – (Ohio Legislative Reference Department Bulletin ; N. 1).

² Merriam C.E., Gosnell H.F. Non-Voting: Causes and Methods of Control. – Chicago : University of Chicago Press, 1924; Gosnell H.F. Getting out the Vote. – Chicago : University of Chicago Press, 1927.

³ Arneson B. Non-Voting in a Typical Ohio Community // American Political Science Review. – 1925. – Vol. 19, N 4. – P. 816–825.

⁴ Allport G. The Composition of Political Attitudes // American Journal of Sociology. – 1929. – Vol. 35, N 2. – P. 220–238. Из этого исследования делается вывод, что политическое поведение не специфично, а связано с инклюзивными настройками, или установками, заключенными в личности. Политический характер людей в целом связан со множеством заключенных в их личностях родовых черт.

⁵ Thurstone L.L., Chave E.J. The Measurement of Attitude: A Psychophysical Method and Some Experiments With Scale for Measuring Attitude Toward the Church. – Chicago : University of Chicago Press, 1929. См.: Vetter G.B. The Study of Social and Political Opinions // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1930. – Vol. 25, N 1. – P. 26–39; Murphy G., Murphy L.B. Experimental Social Psychology. – New York : Harper and Brothers, 1931, где дается обзор литературы на эту тему.

которые могли бы заинтересовать политологов, являются шкалы в отношении Конституции Соединенных Штатов, закона, соблюдения воскресенья, войны, сухого закона, коммунизма, патриотизма, государственной службы, смертной казни, иммиграции, свободы торговли, боеготовности, Лиги Наций, виновности немцев в войне, свободы слова и доктрины Монро. Бейль приспособил эту технику к формированию шкалы для измерения установок по отношению к кандидатам на выборах¹. Модификация его метода была использована для построения так называемой шкалы враждебности, репрезентирующей установку одной страны по отношению к другой, проявляющуюся в отобранных газетных передовицах².

Из приведенных примеров видно, что отбор подходящих единиц для статистических исследований в политической науке – задача трудная, но решаемая. Как только данные собраны, следующей проблемой становится отбор подходящих статистических инструментов для работы с ними. Сначала рассмотрим применение в политических исследованиях средних, измерений дисперсии и смещений распределения. Эджуорт в уже упоминавшемся выше исследовании интересовался тем, ведут ли разнообразные мотивы, влияющие на избирателей на спорных выборах, к результатам, разбросанным вокруг некоторого среднего согласно нормальному закону распределения. С этой целью он проанализировал связь между средним отклонением, квартильным отклонением и формой стандартного отклонения. В 1912 г. Ф. Стюарт Чэпин исследовал то, что он называл «вариативностью массового голосования на президентских выборах», с помощью стандартного отклонения³. К сожалению, для расчетов в этом исследовании не были отобраны правильные единицы: среднеквадратические отклонения высчитывались прямо из сырых данных по партийным голосованиям

---

¹ Beyle H. A Scale for the Measurement of Attitude Toward Candidates for Elective Governmental Office // American Political Science Review. – 1932. – Vol. 26, N 3. – P. 527–544.

² Относительно статистического анализа материала газет и периодики см.: Woodward J.L. Foreign News in American Morning Newspapers: A Study of Public Opinion. – New York : Columbia University Press, 1930; Hart H. Changing Social Attitudes and Interests // Recent Social Trends in the United States. Report of the President's Research Committee on Social Trends. – New York : McGraw-Hill Book Company, 1933. – Vol. 1. – P. 382–442; Foster S. American News of Europe, 1914–1917 / University of Chicago Ph.D. thesis. – Chicago, 1932.

³ Chapin F.S. The Variability of the Popular Vote at Presidential Election // American Journal of Sociology. – 1912. – Vol. 18, N 2. – P. 222–240.

для каждых выборов. Даже простая проверка этой работы с помощью коэффициента вариации показывала, что выдвинутые в исследовании утверждения не были хорошо обоснованы.

Исследование, больше похожее на исследование Эджуорта, представил Райс, которого интересовала социальная плотность установок в отношении Лафоллета¹, измеряемая через процент голосов, поданных за него в округах некоторых штатов². На основе коэффициента вариации он пришел к выводу, что сила Лафоллета была положительно связана с низкой относительной изменчивостью этих процентов. Еще одно применение средних мы находим у У.Г. Коули в исследовании характеристик лидеров и нелидеров в трех разных ситуациях³. Для определения того, позитивно или негативно обладают той или иной чертой, измеряемой с помощью определенного теста, лидеры одной из его экспериментальных групп, он рассчитывал стандартную ошибку разницы двух средних.

Одной из самых драматичных и обсуждаемых политических проблем, в связи с которой использовались разные средние, было перераспределение мест в Конгрессе. Двумя ведущими участниками этого спора были У.Ф. Уилкоккс из Корнеллского университета, выступавший за применение метода основных фракций, и Э.В. Хантингтон из Гарвардского университета, который отстаивал метод равных пропорций⁴. Когда после шквала расчетов, осно-

---

¹ Лафоллет Роберт Марион (1855–1825) – американский политический деятель, конгрессмен (1884–1891) и сенатор (1906–1925) от штата Висконсин, губернатор этого штата в 1901–1906 гг. Один из ведущих деятелей прогрессивного (левого) крыла Республиканской партии. На президентских выборах 1924 г. был выдвинут в качестве кандидата от третьей партии (коалиции левых сил, движений и профсоюзов, объединившихся в Конференцию за прогрессивное политическое действие) и показал в этом качестве один из лучших в американской электоральной истории результатов (16,6%). – *Прим. ред.*

² В книге «Количественные методы в политике». См. также: Fletcher R., Fletcher M. The Frequency Distribution of Voting in St. Louis // *Social Forces*. – 1930. – Vol. 8, N 3. – P. 427–429.

³ Cowley W.H. Three Distinctions in the Study of Leadership // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. – 1928. – Vol. 33, N 2. – P. 144–157.

⁴ Huntington E.V. A New Method of Apportionment of Representatives // *Publications of American Statistical Association*. – 1921. – Vol. 17, N 135. – P. 829–870; Huntington E.V. Methods of Apportionment in Congress // *American Political Science Review*. – 1931. – Vol. 25, N 4. – P. 961–965. Метод основных фракций использует форму среднего арифметического, а метод равных пропорций – форму среднего геометрического.

ванных на переписи 1930 г., битва стихла и дым рассеялся, выяснилось, что в плане конкретных цифр результаты были одинаковы.

Если экономисты проводили множество эмпирических исследований деловых циклов и тенденций и сформировали теорию для их объяснения, то политическим циклам и тенденциям было посвящено сравнительно мало статистических исследований. Правда, ежегодники и альманахи публиковали данные, на основании которых можно было сделать такие исследования, и некоторые политические ученые ссылались на качание электорального маятника. Но мало что делалось для анализа амплитуды и ритма политических циклов. Сэр Ричард Мартин обсудил качание маятника в британской политике в 1906 г. Проанализировав результаты выборов, он пришел к выводу, что колебание маятника в 1906 г. было оттоком 10% голосов избирателей от победившей партии к другой стороне¹. В ряде исследований использовались простые временные графики для демонстрации тенденций голосований за партии и участия избирателей в выборах в нескольких странах².

В 1926 г. Райс отчитался о более смелой попытке проанализировать сменяемость власти в Нью-Джерси за период с 1877 по 1924 г. и показать связь между политическими и деловыми циклами³. При калькулировании политического цикла он выбрал процентную долю совокупных голосов за республиканских кандидатов в члены законодательного собрания от общей суммы голосов за всех кандидатов. Очистив свой так называемый политический цикл от долгосрочного тренда, он выяснил, что коэффициент корреляции между деловым и политическим циклами составляет $-0,247$. Есть ряд вопросов, которые это исследование оставляет без ответа. Чем можно доказать, что республиканские голоса за членов законодательного собрания в Нью-Джерси типичны для республиканских голосов в стране в целом? В какие годы Республиканская партия была у власти? Резонно предположить, что когда она не находилась у власти, она могла набирать очки за счет неблагоприятных экономических условий. Когда о партии говорят, что она у власти? Когда она контролирует законодательное собрание штата? Когда контролирует губернаторский пост? Когда контролирует Конгресс? Когда

---

¹ Приводится по: Florence P.S. Op. cit. – P. 114–115.

² Siegfried A. Tableau politique de la France de l'Ouest sous la Troisième République. – Paris : Armand Colin, 1913; Holcombe A.N. Op. cit; Gosnell H.F. Why Europe Votes. – Chicago : University of Chicago Press, 1930.

³ Rice S.A. Quantitative Methods in Politics. – Paris, 1928.

контролирует президента? Какова в Нью-Джерси связь между голосованиями за эти различные посты? Эти и другие проблемы придется решить, прежде чем тонкие математические техники можно будет применить к политическим циклам.

Кларк Тиббитс в статье о «голосах большинства и деловом цикле» отметил, что чтобы условия для бизнеса и популярность партий изучались вместе, выборы должны проходить во время периодов роста или депрессии или непосредственно вслед за ними; ведь отдаленная проблема имеет мало значения для колебаний в настроениях электората¹. При этом Тиббитс, похоже, не дал удовлетворительного ответа на вопрос о том, что имеется в виду под партией, находящейся у власти. Другой тип исследования временных рядов мы находим у Ч.Х. Титуса. Его интересовала тенденция массового участия в выборах в Калифорнии². Он выстроил прямые линии для числа проголосовавших на 1000 человек населения и для числа голосов на 1000 избирателей. Но он не предлагает истолкования своих данных в свете таких релевантных факторов, как изменения в голосованиях, сдвиги в относительной силе основных партий, изменения в суммах денежных средств, потраченных на выборы, и т.д. Эти исследования временных рядов показывают, что получение значимых результатов в этой области зависит от тесного сотрудничества политолога и статистика.

Есть много других политических временных рядов, которые можно было бы изучить, такие как тенденции в голосованиях на референдумах по тем или иным вопросам³, подъем и упадок мелких партийных движений, изменчивые характеристики представителей⁴ и т.д. Подобные исследования потребовали бы основательного знания соответствующих количественных политических факторов, а также принятых измерительных техник.

С тех пор как около 35 лет назад Карл Пирсон и другие ученые усовершенствовали методы корреляционного анализа, наме-

---

¹ Tibbitts C. Majority Votes and Business Cycle // American Journal of Sociology. – 1931. – Vol. 36, N 4. – P. 596–606.

² Titus C.H. Voting in California Cities, 1900–1925 // Southwestern Political and Social Science Quarterly. – 1928. – Vol. 8, N 4. – P. 383–399; Rural Voting in California, 1900–1926 // Southwestern Political and Social Science Quarterly. – 1928. – Vol. 9, N 2. – P. 198–215; Voting in California // Southwestern Political and Social Science Quarterly. – 1929. – Vol. 10, N 1. – P. 76–94.

³ Woody C.H., Stouffer S.A. Local Option and Public Opinion // American Journal of Sociology. – 1930. – Vol. 36, N 2. – P. 175–205.

⁴ Rice S.A. Quantitative Methods in Politics. – Chap. XXI.

тилась тенденция определять причинность в терминах зависимости между переменными. Экономисты и теоретики образования широко пользовались корреляциями. В политической науке эти методы, похоже, не получили в достаточной мере общего признания. В 1919 г. Огбурн совместно с Голтра использовал метод частной корреляции для выяснения того, как голосовали женщины по сравнению с мужчинами на некоторых избирательных участках Орегона по нескольким мерам, выносившимся на референдум¹. Частная корреляция – мощный метод, берущий в качестве постоянных все факторы кроме того, в отношении которого нужны измерения. Голоса мужчин и женщин в Орегоне не регистрировались по отдельности, и, следовательно, то, как голосовали женщины, нужно было выяснить из того, как обстояли дела на участках с относительно высокой долей голосующих женщин. Частные коэффициенты корреляции позволили исследователям принимать в качестве постоянного фактор, который они называли фактором консерватизма – радикализма.

Десять лет спустя Огбурн и Талбот применили ту же технику к анализу факторов на президентских выборах 1928 г.² В этом втором исследовании были проанализированы пять факторов, которые, как выяснилось, оказали некоторое влияние на результат выборов, и при помощи уравнений регрессии была найдена относительная значимость каждого из них. Оказалось также, что пять отобранных в этом исследовании факторов – влияние иностранного происхождения, сельское влияние, демократическое влияние, католическое влияние и влияние сторонников разрешения продажи спиртных напитков – включали довольно большой процент действенных влияний, как показал множественный коэффициент корреляции. Однако при анализе выборов с помощью этого метода дело, возможно, не всегда обстоит так; это видно из анализа выборов в Иллинойсе, проведенного Вудди и Стауффером³. Исходя из частных коэффициентов корреляции, рассчитанных по данным об

---

¹ Ogburn W.F., Goltra I. How Women Vote // Political Science Quarterly. – 1919. – Vol. 34, N 3. – P. 413–433.

² Ogburn W.F., Talbot N.S. A Measurement of the Factors in the Presidential Election of 1928 // Social Forces. – 1929. – Vol. 8, N 2. – P. 175–183. См. также: Neprash J.A. The Brookhart Campaigns in Iowa, 1920–1926. – New York : Columbia University Press, 1932.

³ Woody C.H. The Case of Frank L. Smith: A Study in Representative Government. – Chicago : University of Chicago Press, 1931. – Appendix 5 : Statistical Studies of Illinois Elections.

итогах голосований с 1918 по 1928 г., эти исследователи сделали вывод, что важным фактором на выборах в Иллинойсе была партийная дисциплина. Как хорошо известно, на выборах 1930 г. в Иллинойсе принципы партийной дисциплины дали сбой. Между тем один из моих студентов обнаружил, что коэффициент корреляции между голосованием за республиканцев в 1926 г. и голосованием за республиканцев в 1930 г. по округам был высоким: +0,79¹. Иначе говоря, потери, понесенные Республиканской партией в штате, были по разным округам довольно постоянными. Там, где изменения распределены так равномерно, как в этом случае, больше подходит метод временных рядов.

Метод корреляции полезен и при исследовании других политических проблем. Д-р Мэдж МакКинни исследовала некоторые характеристики гражданства, соотнеся комбинированные рейтинги с тестовыми баллами по опросным листам². Терстоун задумал серию исследовательских проектов, предполагающих нахождение взаимных корреляций между баллами по нескольким его установочным шкалам. Он надеется, что это в какой-то мере прольет свет на паттерны нетипичных мнений. Возможности плодотворного использования корреляций, видимо, ограничиваются отсутствием доступных данных по некоторым проблемам, недостаточным знакомством политологов с этой техникой, трудоемкостью этого процесса и дефицитом убедительных гипотез.

Есть также много других статистических техник, которые можно было бы использовать при решении политических проблем, но ввиду недостатка места мы не можем здесь их обсудить. Среди этих техник следует упомянуть картографирование³, индексные показатели⁴, прогнозирование⁵ и разные применения теории вероятности, особенно для построения выборки. Метод частной корреля-

---

¹ М-р Макс Уайт.

² Докторская диссертация, защищенная в Чикагском университете в 1927 г.

³ Карты президентских выборов см.: Paullin C.O. Atlas of the Historical Geography of the United States / Ed. by J.K. Wright. – Washington ; New York : Carnegie Institution of Washington : American Geographical Society of New York, 1932. В какой-то мере карты используются и в моей книге: Gosnell H.F. Why Europe Votes. – Chicago : University of Chicago Press, 1930.

⁴ Lundberg G. Op. cit. – Chaps. 10–11.

⁵ Robinson C.E. Straw Votes; A Study of Political Prediction. – New York : Columbia University Press, 1932. См. также предварительный анализ сведений об итогах выборов 1932 г., собранных в опросах «Literary digest» и Херста, опубликованный Робинсоном в: New York times. – 1932. – October 16. – Section 8.

ляции предполагает использование иного типа выборки, а именно выборки, сохраняющей некоторые факторы постоянными. В моем исследовании «Привлечение голосов» была предпринята попытка измерить влияние непартийной агитации на привлечение голосов избирателей путем сопоставления половин отобранных избирательных участков по нескольким релевантным факторам. Терстоун измерил влияние конкретного кинофильма на установки учеников средних школ, применив одну из своих установочных шкал до и после показа фильма¹. Есть разные способы создания того, что могло бы быть названо контрольной группой.

В этом кратком обзоре я попытался очертить некоторые из возможных применений статистики в таких областях, как изучение политических партий, общественного мнения, гражданства, законодательной деятельности и политической психологии. Статистический метод – один из многих методов, которые могут быть использованы для изучения политического поведения. Очень часто количественное исследование указывает путь для интенсивных качественных исследований того или иного рода. Интерпретация любых статистических результатов требует логических умозаключений и общего знакомства с материалом. В наличии есть несколько мощных статистических техник, разработанных другими дисциплинами, которыми политологи могут воспользоваться в связи с политическими исследованиями сразу, как только у них появятся какие-нибудь рациональные гипотезы, и сразу, как только будут найдены методы для сбора более полных и надежных данных. Если так называемые законы политической науки когда-нибудь будут изобретены, то выражены они будут, скорее всего, не как инвариантные механические связи, а как тенденции, тренды и средние соотношения.

---

¹ Thurstone L.L. Influence of Motion Pictures on Children's Attitudes // Journal of Social Psychology. – 1931. – Vol. 2, N 3. – P. 291–305.

Г.Ф. Госнелл

СИМВОЛЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ¹

Символы национальной солидарности, будь то вербальные или невербальные, – это те репрезентации, состоящие из звуков, знаков, объектов или выражений, которые создают чувства лояльности по отношению к национальному государству. Во имя священных символов индивидуального гражданина могут призывать жертвовать своим временем, своими благами, своими удобствами, своей жизнью. Символы, ключевые слова, фразы, мелодии или объекты, выбираемые для того, чтобы убедить людей покупать облигации военного займа, отказываться от удовольствий мирного времени, сражаться или отправлять на войну своих сыновей, должны иметь могущественную эмоциональную привлекательность, чтобы достигать поставленных целей.

Разные реакции

Урожденные американцы, которых с молодых ногтей, как только они начинали пользоваться английским языком, учили уважать национальные символы и чьи опыты не побуждали к тому, чтобы ставить под сомнение или оспаривать эти ранние уроки патриотизма, с готовностью реагируют на эти призывы, когда страна в опасности.

---

¹Источник: Gosnell H.F. Symbols of National Solidarity // Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 1942. – Vol. 223, N 1. – P. 157–161. Русский перевод впервые опубликован в журнале: Политическая наука. – 2023. – № 2.

Жители Соединенных Штатов, родившиеся не здесь, чей родной язык не английский, которых в юности учили лояльности другой стране, чей опыт жизни в Соединенных Штатах был не вполне удачным или чьи ожидания в отношении Америки не оправдались, могут не реагировать на патриотические символы так, как урожденные американцы, находившиеся в предпочтительных обстоятельствах. Опыт первой Мировой войны показал, что успешнее всего к группам иностранного происхождения можно подойти через прессу на иностранных языках, разные этнические объединения и признанных и пользующихся доверием лидеров разных этнических групп. Комитет общественной информации пользовался этими средствами искуснее, чем некоторые другие органы, занимавшиеся американизацией¹. Джордж Крил и его сотрудники старались показать тем или иным группам иностранного происхождения, что будут значить для них победа или поражение Союзников².

По множеству причин, отличных от тех, которые относятся к людям иностранного происхождения, реакция негров на патриотические призывы тоже отличается от реакции коренных белых. Сегрегация, дискриминация и несправедливое обращение привели к тому, что часть негров относится к белым враждебно и не идентифицирует себя с символами белого общества. К Америке как своей родной стране и к идеалу американского общества, толерантного и лишённого расовых предрассудков, негры предельно лояльны; но они без колебаний указывают, даже во время войны, на то, что многие из тех, кто у власти, недотягивают до американских идеалов. Негров заботят главным образом ведение войны, внутреннее управление военными усилиями, а не вопросы внешней политики. Чего они хотят, так это равных шансов на работу в военных отраслях и равных шансов умереть за свою страну в любом роде войск³. Обращаясь к символу «V» как сим-

---

¹ Mock J.R., Larson C. *Words that Won the War*. – Princeton : Princeton University Press, 1939.

² Комитет общественной информации, или Комитет Крила, – независимое агентство, созданное администрацией президента Вудро Вильсона после вступления США в Первую мировую войну в апреле 1917 г. Основной задачей Комитета Крила было ведение информационно-пропагандистской работы в США и в союзных странах. Руководителем Комитета был Джордж Крил (1876–1953) – известный журналист, писатель и политический деятель. Комитет Крила был упразднен в августе 1919 г. – *Прим. ред.*

³ Weaver R.C. *With the Negro's Help* // *Atlantic Monthly*. – 1942. – June. – P. 696.

волу победы, лидеры этой расы говорят о «двойной победе» – победе за рубежом и победе у себя дома на фронте борьбы с дискриминацией, расовой ненавистью и социальными и экономическими барьерами.

Еще слишком рано в разгар войны пытаться оценить попытки создать национальную солидарность. Как и в случае других демократий, осознание Соединенными Штатами угрозы войны происходило очень медленно. Нужно было японское нападение на Перл-Харбор 7 декабря 1941 г., чтобы донести до американского народа серьезность его положения. До этой катастрофы во многих частях страны были сильны изоляционистские настроения. Изоляционисты были самые разные, от пятой колонны, которая сознательно стремилась помочь державам оси, до пораженцев, считавших сопротивление бесполезным, эскапистов, искавших иные выходы для своей озабоченности военной ситуацией, чем вступление в бой, и жертв самоуспокоенности. Комитет «Америка прежде всего»¹ собрал в себе большинство официально действующих фашистских организаций США. Члены Германского Бунда и других фашистских групп массово влились в это движение, ибо оно давало им респектабельность, аргументы, новообращенных и покровительство. За ширмой антикоммунизма и утопического социального идеализма отъявленные враги Соединенных Штатов пытались расколоть и запутать американский народ².

Паттерн призыва

Уже задолго до нападения на Перл-Харбор президент Рузвельт и его советники хорошо понимали необходимость объединения нации перед лицом международного кризиса. Выступление президента Рузвельта перед Конгрессом 6 января 1941 г. заложило базовый паттерн американской внешней и внутренней заявки на

---

¹ Комитет «Америка прежде всего» (America First Committee) – влиятельная изоляционистская группа давления, созданная в сентябре 1940 г. с целью воспрепятствовать вступлению США во Вторую мировую войну. На пике своей активности Комитет насчитывал более 800 тыс. членов; активными участниками Комитета были предприниматель Генри Форд и авиатор Чарльз Линдберг. Комитет прекратил свое существование 11 декабря 1941 г., спустя четыре дня после нападения Японии на Перл-Харбор. – *Прим. ред.*

² Hartshorne E. Y. Reaction to the Nazi Threat: A Study of Propaganda and Culture Conflict // Public Opinion Quarterly. – 1941. – Vol. 5, N 4. – P. 625.

поддержку. Поводом для этого послания послужил запрос на принятие закона, разрешающего продавать, сдавать в лизинг или в аренду военное оснащение любой стране, защиту которой президент сочтет жизненно важной для защиты Соединенных Штатов. В этой речи президент обрисовал основы сильной и здоровой демократии, а также провозгласил «четыре свободы», которые должны стать основой любого послевоенного урегулирования. Это следующие свободы: свобода слова и выражения мнений, свобода каждого человека исповедовать свою веру, свобода от нужды и свобода от страха. В Атлантической хартии, принятой президентом Рузвельтом и премьер-министром Уинстоном Черчиллем на их конференции в августе 1941 г., и в последующих речах, произносимых после объявления войны, делались отсылки к этим свободам.

Символы, используемые президентом Рузвельтом и его сотрудниками для поднятия американского патриотизма, не обладали во всех группах одинаковой эффективностью. Слова были общими, иногда двусмысленными, и каждая группа вчитывала в призывы собственные значения. Когда слова не соответствовали фактам их опыта, члены группы могли реагировать на патриотические лозунги негативно, а не позитивно.

Равенство возможностей

В своей речи о «четырех свободах» президент Рузвельт говорил о «равенстве возможностей для молодых и всех прочих» как об одной из основополагающих вещей, ожидаемых американским народом от своей политической и экономической системы. В Соединенных Штатах есть ряд иноязычных групп, которым оказывалось трудно понять эти слова. Среди этих групп наиболее погрязшими в нищете являются, наверное, мексиканцы. Живя в культурной изоляции от своих соседей, оставаясь по большей части группой испаноязычной, мало или вообще ничего не зная об американских институтах и идеалах, страдая от серьезных ущемлений и проживая в трущобах или на землях, находящихся в плачевном состоянии, мексиканцы с трудом понимают смысл этих слов. Дискриминируемые в школах, лишённые доступа в общественные досуговые учреждения, страдающие от унижений, они имеют фаталистическое видение своей судьбы.

Еще одно непопулярное меньшинство в Соединенных Штатах, негритянская группа, тоже придавало словам о «равенстве возможностей» собственный смысл. Для него эти слова устанавливают задачу, цель, которой нужно достичь, а не сложившийся образ жизни, который нужно защищать. Члены этой группы смотрят на военные усилия как на средство преодоления некоторых накладываемых на них ограничений. Для них военные лозунги – это инструменты, используемые в их борьбе за упразднение сегрегации и дискриминации в армии, военно-морском флоте, военно-воздушных силах, учебных заведениях, библиотеках, общественных парках, государственных больницах и в других сторонах американской жизни. Как говорит Уолтер Уайт, исполнительный секретарь Американской ассоциации содействия прогрессу цветного населения:

«Хотя 13 миллионам американских негров зачастую отказывали в демократии, они являются американскими гражданами и, как и во всякой войне, окажут безоговорочную поддержку защите своей страны. В то же время мы не ослабим ни на йоту нашу борьбу за полные гражданские права здесь, в Соединенных Штатах. Мы будем сражаться, но мы требуем права сражаться на равных во всех родах войск».

Негры считают себя жертвами дискриминации со стороны правительства и частной промышленности. В негритянской прессе муссируются лишения негров, недопущение негров к оборонным должностям, грубое обращение с негритянскими солдатами, ограничения, накладываемые на них на флоте и в военно-воздушных силах, а также продолжающееся наложение на них ограничений в гражданской жизни. Негритянские лидеры восприняли военную ситуацию как возможность интенсифицировать свою борьбу против дискриминации и расовых предрассудков.

Свобода выражения мнений

Первая из четырех свобод, свобода слова и выражения мнений, затрагивает самое сердце демократической системы, но прозябающему в нищете и неграмотности меньшинству трудно понять ее важность. Человек иностранного происхождения, который живет в иммигрантской колонии, отгороженной от остального сообщества языковым и культурным барьерами, будет, скорее всего, равнодушен к любому упоминанию свободы слова. Зависия в полу-

чении новостей и в помощи в представлении своих нужд от своего локального лидера, он слабо представляет, что могло бы принести ему правильное пользование публичностью. Редактор его иноязычной газеты может скорее эксплуатировать его, чем направлять. У самых обездоленных вообще может не быть своих газет. Если взять крайний пример, неграмотный мексиканский козопас в захолустном горном сообществе вряд ли придаст свободе слова высокую ценность. Битва за свободу слова для таких жителей становится борьбой с оковами неграмотности, невежества и ограниченного опыта.

С другой стороны, более образованные и красноречивые иноязычные группы ценят важность этой свободы. Они видели, что ее отсутствие связано с тиранией и деспотизмом.

Свобода вероисповедания

Вторая свобода, свобода вероисповедания, находит сильный отклик у либерального немецко-американского меньшинства, ставшего свидетелем преследования религиозных лидеров в Германии, у католиков, понимающих, что им в Америке нужна защита от таких фанатичных движений, как Клан¹, и у евреев, встревоженных всемирным антисемитским движением, имеющим в Америке свои аналоги². Также, возможно, в этой свободе есть некоторые антикоммунистические подтексты. Американское правительство в связи с программой ленд-лиза было очень обеспокоено обращением с религиозными меньшинствами в Советском Союзе. Для евреев эта свобода означает, что американское правительство официально противостоит антисемитизму дома и за рубежом, что правительство с симпатией относится к чаяниям евреев в Палестине и что оно будет стремиться к возмездию за то зло, которое было причинено еврейскому народу нацистами. Для некоторых она означает, что американское правительство поддержит план Еврейской армии в Палестине. Недавний рост множества антисемитских

---

¹ Речь идет о втором Ку-клукс-клане – ультраправом движении, возродившемся в 1915 г. как легальная (в отличие от первоначального Ку-клукс-клана) организация. Наряду с расизмом, ксенофобией и антикоммунизмом, представителей второго Ку-клукс-клана отличало резко негативное отношение к католикам. – *Прим. ред.*

² Strong D.S. Organized Anti-Semitism in America: The Rise of Group Prejudice During the Decade 1930–40. – Washington : American Council on Public Affairs, 1941.

движений в Соединенных Штатах очень беспокоил евреев, и они с удовлетворением смотрят на упадок этих движений после объявления войны.

Свобода от нужды

Третья свобода, свобода от нужды, как ее истолковывал для внешнего и внутреннего применения вице-президент Уоллес¹, прямо взывает ко всем меньшинствам в Соединенных Штатах. Все – приезжие из Европы, негры, мексиканцы, евреи и выходцы с Востока – чувствовали дискриминацию в получении и сохранении рабочих мест. Ключевые позиции в американской экономической системе, по их мнению, были заняты старыми американскими семьями, окопавшимися в цитаделях капитала и большого бизнеса. Свобода от нужды, как и равенство экономических возможностей, – это скорее цель, которой нужно достичь, нежели достояние, которое нужно отстаивать.

Интересно отметить, что в сегодняшнем противостоянии надежда на лучше устроенную экономическую систему играет в американских военных целях куда более заметную роль, чем в Первой мировой войне. Президент Рузвельт издал указ, запрещающий дискриминацию при приеме на военную службу по признаку расы, вероисповедания, цвета кожи или национального происхождения. Для исполнения этого указа и осуществления этой свободы был создан Комитет по обеспечению справедливого найма. Хотя Комитет критиковался меньшинствами в связи с тем, что у него не было адекватных полномочий для осуществления своих рекомендаций, в некоторых ситуациях он был эффективен. Он фокусировал общественное внимание на проблемах дискриминации меньшинств при найме на работу².

---

¹ Генри Эгард Уоллес (1888–1965) – вице-президент США в правительстве Ф.Д. Рузвельта в 1941–1945 гг. – *Прим. ред.*

² Lewis E.S. An Evaluation of the Fair Employment Practice Committee // Opportunity : Journal of Negro Life. – 1942. – Vol. 20, N 5 (May). – P. 135.

Свобода от страха

Последняя из «четырёх свобод», свобода от страха, имеет далеко идущие следствия, как внешние, так и внутренние. В плане наших внешних сношений она означает свободу от страха перед постоянной угрозой войны. Во внутреннем плане она означает свободу от страха перед дискриминацией, социальным унижением, нетерпимостью, физическим насилием со стороны безрассудной толпы или жесткими действиями, которые могло бы совершить само правительство в отношении непопулярного меньшинства. Те, кто сталкивается с возможностью социальных ударов со стороны неожиданных кругов, линчеваний, расовых бунтов или перспективой полного искоренения самим правительством, смотрят на эту свободу как на драгоценную цель, которой необходимо достичь.

Расовый бунт по поводу жилищных условий в Детройте¹, чувства небезопасности, созданные регистрацией иностранцев, и правительственная программа переселений означали для некоторых меньшинств, что до этой цели еще очень далеко. Обращение с японцами на тихоокеанском побережье² вызвало тревогу и беспокойство среди лиц иностранного происхождения. Военное управление по переселению может выполнять свои функции самым гуманным образом, но факт остается фактом: американские граждане были выселены из своих домов и помещены в места содержания заключенных. Из 120 тыс. лиц японского происхождения, которых это затронуло, две трети были рождены в Соединенных Штатах.

Лица японского происхождения – всего лишь небольшая часть тех, чьи родители родились в странах, с которыми мы теперь воюем. Будут ли лица итальянского и немецкого происхождения эвакуированы из оборонительных районов? До сих пор из миллио-

---

¹ Имеются в виду беспорядки на расовой почве в Детройте зимой – весной 1942 г., вызванные тем, что прибывших на работу в этот город афроамериканцев в рамках федеральной программы размещали в районах, где жили преимущественно белые. – *Прим. ред.*

² В соответствии с Чрезвычайным указом президента Франклина Рузвельта от 19 февраля 1942 г. около 120 тыс. жителей США японского происхождения были насильственно выселены с западного побережья в концентрационные лагеря для интернированных («военные центры перемещения»). В январе 1945 г. решения о переселении японцев были отменены. – *Прим. ред.*

на вражеских иностранцев итальянского или немецкого происхождения в места содержания заключенных были помещены лишь считанные тысячи. Политика, которую проводит правительство, будет определять установку тех иностранцев вражеской национальности, которые еще остаются на свободе. Большинство из них – люди преклонного возраста, и, следовательно, маловероятно, что они будут деятельно участвовать в каком-либо движении пятой колонны. Многие из них – ярые антинацисты. Высокопоставленные должностные лица призывали к принятию либеральной политики в отношении этой группы¹.

Применение и интерпретация символов

Объединяющая сила символов, призванных создать национальную солидарность, зависит от того, какая политика будет принята в поддержку этих символов, и от понимания этой политики меньшинствами, лояльностью которых требуется заручиться. Недостаточно просто провозгласить широкие общие принципы национальной солидарности. Нужно еще, чтобы значение «четырех свобод» было конкретно донесено до конкретных групп. Это могут сделать выдающиеся лидеры, чьи имена обладают большим весом для всех групп. Призыв вице-президента Уоллеса, произнесенный по-испански, был необычайно эффективен.

Работа по объединению страны требует совместных усилий со стороны правительственных служб на всех уровнях. Национальная программа гражданского образования призвана обеспечить такое сотрудничество в связи с ассимиляцией лиц иностранного происхождения. В комбинации с разными федеральными органами, органами штатов и местными службами она подчеркивает справедливое обращение с людьми, которые родились за границей, искоренение нетерпимости и предрассудков по отношению к этим людям из-за цвета кожи, расы, вероисповедания или национальности, а также использование английского языка как

---

¹Lasker L.D. Friends or Enemies? // Survey Graphic. – 1942. – Vol. 31, N 6 (June). – P. 277. Примеры сильных патриотических призывов среди итало-американцев можно найти в любом выпуске *Nazioni Unite*.

общего¹. Помощь частных ассоциаций и индивидуальных граждан также необходима для убеждения непопулярных меньшинств в том, что «четыре свободы» относятся и к ним тоже.

---

¹ Burdette F.L. Education for Citizenship // Public Opinion Quarterly. – 1942. – Vol. 6, N 2. – P. 268–279; Defense on Main Street: A Guide-Book for Local Activities for Defense and Democracy. – New York : Council for Democracy : National Federation of Business and Professional Women's Club, 1941.

**ЛЕОНАРД ДЮПИ УАЙТ
(1891–1958)**

Л.Д. Уайт

ПОЛИТИКА И ГРАЖДАНСКАЯ СЛУЖБА¹

Пятидесятая годовщина закона Пендлтона, введшего в формирование федерального правительства принцип опоры на заслуги, служит удобным поводом, чтобы оценить прогресс «гражданской службы» в нашей стране.

До 1883 г. агитация, призывавшая защитить родники американской демократии путем сокращения объемов покровительства, выпадающего на выборщиков на каждом крупном выборах, была настойчивой, но тщетной. Наблюдатель, пишущий в 1880 г., отметил бы почти полное доминирование системы покровительства, доходившее в худшем случае до таких вакханалий воровства, как «шайка Твида». Он заметил бы, что покровительские ресурсы нации, штата, округа и города одинаково беспрепятственно эксплуатируются партийными машинами обеих главных политических групп.

Единственное ограничение, которое можно было найти, исходило от просвещенного эгоизма. Сенатор Марси², пытавшийся в бытность свою государственным секретарем защитить штат своего департамента законом о заслугах, в ответ на напоминание о его знаменитой ремарке «Добыча принадлежит победителям» возражал, что вовсе не собирался этим сказать, что станет грабить собственное гнездо. Правительству надо было работать, и рядом с по-

---

¹ Источник: White L.D. Politics and civil service // Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 1933. – Vol. 169, N 1. – P. 86–90. Русский перевод впервые опубликован в журнале: Вестник Пермского университета. Политология. – 2023. – Т. 16, № 2.

² Марси Уильям Лернд (1786–1857) – американский политический деятель, сенатор от штата Нью-Йорк (1831–1833), военный министр (1845–1849), государственный секретарь (1853–1857). – *Прим. ред.*

литическим растратчиком, приходящим и уходящим с каждым поворотом политического колеса, даже в самые мрачные дни предвоенного периода можно было различить неброскую фигуру «регулярного» работника, на которого политик опирался в выполнении необходимых минимальных функций.

В 1933 г. сцена изменилась. Американское муниципальное управление, поначалу характеризовавшееся Брайсом¹ в 1888 г. как наш самый вопиющий провал, теперь год от года привлекает выдающихся исследователей управления из-за рубежа. Целые сектора муниципальных работников и служащих практически свободны от всякого политического вмешательства; в 11 штатах формальные требования создают более или менее эффективный барьер для раздатчиков покровительства; огромное число из 470 тыс. позиций в федеральном правительстве подчинено конкурсному отбору. Сильные организации государственных служащих, развивающие мастерство и эффективность своих членов, встречаются на каждом шагу; многие издадут журналы со свежей информацией; некоторые занимаются исследованиями. Короче говоря, лучшие образцы американской государственной службы ныне заслуживают того, чтобы их поставили вровень с лучшими образцами тех стран, чьи стандарты повсеместно приняты в качестве моделей для всего мира.

Система заслуг на уровне нации, штата и округа

Основополагающее значение для заметных улучшений, принесенных последними 50 годами, имеет постепенное, но неуклонное убывание покровительства в американской государственной службе. Одобрение закона Пендлтона в 1883 г. установило систему заслуг для менее чем 14 тыс. позиций, т.е. примерно для 10% правительственной гражданской службы. Благодаря президентскому указу и в некоторых случаях акту Конгресса число позиций, охваченных законом Пендлтона в 1930 г., составило 462 тыс., или 75% правительственной гражданской службы. Вопреки упорному сопротивлению произошла настоящая революция в характере фе-

---

¹ Брайс Джеймс, 1-й виконт Брайс (1838–1922) – британский государственный деятель, правовед, историк и путешественник, в 1907–1913 гг. – посол Великобритании в США. Автор широко известной книги «The American Commonwealth» (1888; название в русском переводе – «Американская республика»), которую нередко ставят в один ряд с «Демократией в Америке» А. де Токвиля. – *Прим. ред.*

деральной службы, абсолютно необходимая для должного выполнения тех деликатных и трудных задач, с которыми она в настоящее время сталкивается.

Влияние этой революции на престиж национальной государственной службы очевидно. К федеральной службе у общественности, несомненно, доверия больше, чем к любой службе штата или локальной службе; и хотя отчасти это обусловлено очарованием далекого, это обусловлено также и репутацией, которую «правительство» заслужило своим честным, надежным и эффективным управлением. Недавний эксперимент, обобщивший взгляды 7500 человек, статистически показал, что престижность федеральной службы составляет около 80 баллов по 100-балльной шкале; для штатской службы она была около 70 баллов, для городской – около 58. В целом дружелюбное отношение общественности к федеральной службе может быть подтверждено общественными реакциями на службу лесного хозяйства, дипломатическую службу, службу национальных парков, налоговую службу; но переменные успехи службы по соблюдению сухого закона, вероятно, выявили бы в этот момент иной уровень престижа. Необходимо также признать, что в кругу федеральных служащих циркулирует немало критики, что вызвано отчасти нынешней необходимостью сокращения жалований и привилегий.

В штатах прогресс системы заслуг был относительно медленным. 12 штатов законодательно ввели эту систему; из них один штат (Коннектикут) вернулся к покровительству. В последнее десятилетие законы штатов нового типа ввели элементы классных разрядов и стандартизации оплаты труда без законодательного требования отбора достойных или установления резонных гарантий сохранения должности. Реальное применение законов о заслугах сильно варьировало. В Массачусетсе, Нью-Йорке, Нью-Джерси и Мэриленде стандарты были в целом удовлетворительными; в других штатах многое оставляет желать лучшего; в некоторых враждебно настроенные губернаторы или законодательные органы фактически свели смысл законов о заслугах на нет.

Округа после полувека агитации остаются почти не затронутыми системой заслуг, несмотря на существование отдельных комиссий окружной гражданской службы и, что выглядит более многообещающе, отдельные случаи менеджерских форм управления округами.

Система заслуг в городах

В крупных городах система заслуг все еще втянута в окопную войну с покровительством. Некоторые сектора определенно отвоеваны, такие как инженерия, библиотечное дело, медицина и конторская работа. Другие открыто остаются в руках организации, в частности юридические услуги и услуги по найму рабочей силы. Третьи добились признания заслуг в ходе конкурсного отбора, но остаются под глубоким влиянием политических соображений при назначениях, переводах, продвижениях и увольнениях, как, например, полиция, пожарная и инспекционная службы.

В группе средних городов достигнут весьма заметный прогресс. Он достигнут не столько благодаря формальному введению в действие законов о заслугах или принятию статей об учете заслуг в хартиях самоуправления, сколько благодаря усилиям группы, включающей около 425 городских менеджеров, призванным обеспечить в их городах непартийное управление. Устойчивый прогресс схемы управления по типу «совет – менеджер» был одним из самых могущественных факторов, способствовавших в последние 15 лет упразднению покровительства, и с расширением влияния этого типа муниципального управления система заслуг будет продолжать укрепляться.

В этих городах и городах меньшего размера тренд в сторону непартийных выборов также действительно готовил почву для повышения стабильности в государственной службе, даже без гарантий и поддержки законов о заслугах. Хотя мы и не можем в точности выяснить, какой эффект можно отнести на счет таких влияний, как развитие конкурирующих типов массового интереса вроде «кино», автомобиля и радио, можно утверждать, что они много сделали для отвлечения внимания от избыточного интереса к тому виду личностной «политики», который превозносил поколение тому назад мистер Дули¹. Больше и лучшее образование расширило кругозор за пределы участка или квартала.

Итак, при весьма скромных недавних завоеваниях формальной системы заслуг, как ее понимало старшее поколение реформа-

---

¹ «Мистер Дули» – вымышленный образ ирландского иммигранта, созданный американским журналистом и юмористом Финли Питером Данном. В пользовавшихся большой популярностью газетных колонках, которые Данн писал с 1893 по 1915 и с 1924 по 1926 г., от имени мистера Дули, говорящего с сильным ирландским акцентом бармена в одном из чикагских пригородов, давались комментарии по множеству вопросов внутренней и внешней политики США. – *Прим. ред.*

торов гражданской службы, можно параллельно констатировать явный прогресс в существенных элементах здоровой кадровой практики: это и назначение на должности по достоинствам, как бы они ни удостоверяться, и должностное продвижение на благо службы, а не ради выгоды индивида или партии, и дисциплина и исполнительность, ориентированные на защиту высоких стандартов, а не на потакание обидам или капризам какой-либо фракции.

Союзники системы заслуг

Во многих секторах, однако, окопная война все еще в порядке вещей, и с каждым изменением в политическом контроле силы и решимость армии покровительства обновляются. Система заслуг, даже будучи закрепленной в законодательстве, не всегда находится в безопасности. Целеустремленные демократы в Иллинойсе последовали примеру, поданному в этом трудном штате предыдущей республиканской администрацией, и пытаются отменить закон штата о гражданской службе *in toto* или по крайней мере вернуть его в то убогое состояние, в котором он находился в 1911 г. Когда пишутся эти строки, этот натиск вроде бы еще сдерживается; но и надежды на успешное контрнаступление и отвоевание новых территорий тоже уже нет. В штате Висконсин сенат поддержал отмену закона о заслугах и передал этот вопрос на рассмотрение в палату представителей; на июнь 1933 г. решение еще не было принято.

Замена покровительства как критерия назначения на должности учетом заслуг – вещь совершенно элементарная с точки зрения экономии. Но лиги налогоплательщиков и национальные группы бизнесменов, стремящиеся сократить общественные расходы, вряд ли это понимают. Эти поборники экономии, похоже, сбиты с толку верой в то, что административные службы сократить невозможно, и совершенно не видят того, что упорядоченные процедуры увольнений и сокращения штата являются существенной частью любого набора правил, регламентирующих гражданскую службу.

Итак, бизнес не показал себя союзником системы заслуг в нынешнем кризисе. Организованный труд, находясь, несомненно, под влиянием того, что работодателем многих его членов является государство, и признавая ценности безопасности в ненадежном мире, настроен в отношении нее более дружелюбно. Организации гражданских служащих, функционирующие в федеральном правительстве, в штате Нью-Йорк и в некоторых крупных городах, действительно

входят в число наиболее влиятельных групп, активно поддерживающих систему заслуг. Общество муниципальных служащих Чикаго, разумно управляемое и широко поддерживаемое более чем пятью тысячами городских служащих, является, по сути, главной опорой системы заслуг в этом городе. Чикагская ассоциация гражданской службы утратила то влияние, которым некогда обладала; деловые группы явно не заинтересованы в этой системе, индифферентны к ней или того хуже; какая-то газета будет выступать смело и эффективно во время крупного кризиса, но другие молчат; некоторые граждански-мыслящие группы, особенно среди женщин, активны, но в ограниченном масштабе. Реально защищать систему заслуг выпало тем, чьи жизненные шансы зависят от ее внедрения.

В более широком масштабе постоянным и полезным союзником системы заслуг является Лига женщин-избирателей. Интересно и, наверное, значимо то, что в национальном масштабе мужчины существенно ослабили активную поддержку системы учета заслуг, в то время как женщины вышли на передний план как ее защитницы.

Влияние профессиональных групп и федеральной власти

Помимо организаций гражданских служащих, основными союзниками обоснованной процедуры подбора кадров в нашей стране сегодня являются профессиональные группы государственных чиновников. Напрямую они не всегда готовы прийти на помощь коллегам по государственной службе, сталкивающимся с покровительством, так, как можно было бы ожидать или желать, но поддержка инженеров в деле «Дэвис против Дэвиса» кое о чем говорит. Косвенно, задавая стандарты эффективности, которым не могут отвечать люди без должной квалификации, направляя вес профессионального неодобрения против практик, которым они не могут потакать, и постепенно изолируя случаи политического контроля, они приносят бесценную пользу обществу.

Одно из важных последних новшеств, способствующих укреплению влияния профессиональной группы в государственной службе, – размещение значительного числа организаций государственных служащих в Чикаго по соседству друг с другом в окрестностях Чикагского университета. Одна за другой такие организации, как Ассоциация городских управляющих, Бюро по управлению государственным персоналом, Ассоциация американских законодате-

лей, Информационный центр по вопросам государственного управления, Американская ассоциация общественного благосостояния, Американская муниципальная ассоциация, Конференция мэров Соединенных Штатов, Ассоциация муниципальных финансовых служащих и Ассоциация правительственных исследований, открыли свои офисы в Чикаго, где держат общую библиотеку и эффективно сотрудничают в развитии своих программ.

Быстрое развитие профессиональной подготовки для государственной службы и внутри нее в последние пять лет также содействовало ограничению влияния сугубо личных или фракционных соображений при назначении на должности и управлении государственными службами. По мере расширения профессиональной подготовки и профессионального опыта партийность вынуждена отступать.

Влияние федеральных властей на штаты в ряде случаев было очень полезным для обуздания неуместных влияний в управлении совместными проектами, имеющими грантовую поддержку. В распределении федеральных средств, выделяемых на оказание помощи, сложилась отчетливая тенденция требовать надлежащего распоряжения выделяемыми ресурсами. Покойный д-р Аллен рассказывал, что в департаменте сельского хозяйства федеральная власть использовалась иногда для сдерживания намечавшихся политических рейдов на опытные сельскохозяйственные станции.

Корпорация финансирования реконструкции, предоставляющая займы частным корпорациям, уже создала прецедент, устанавливающий, что там, где ждут федеральной помощи, чрезмерные жалованья чиновников терпеть не будут. Схожим образом влияние федерального правительства можно было бы решительнее бросить на поддержку высоких стандартов государственного и локального администрирования. Это могло бы, в свою очередь, потребовать реформы в некоторых федеральных кругах.

Эффекты партийной системы

Фундаментальное значение для окончательного искоренения системы покровительства в государственной службе имеет некоторое преобразование основы, на которой держатся американские партии. Д-р Госnell отмечает в этом выпуске «Анналов», что «моторная работа по поддержанию контактов с избирателями не предпринимается партийными работниками, если за нее не предлагает-

ся какое-нибудь конкретное вознаграждение в виде денег или политической должности»¹. Американская партия сохраняет свое могущество за счет перспектив предоставления должностей или иных преимуществ. Есть ли какая-то другая основа для обеспечения выполнения той огромной массы детальной и плотной работы, которой требует от политических организаций ситуация партийной конкуренции? Партии в своем состязании за власть еще явно не нашли никакой другой эффективной основы.

В муниципалитетах меж тем мы находим поразительные иллюстрации успешных политических организаций, вообще не зависящих ни от какого покровительства. Наверное, самым ярким примером здесь будет Комиссия по уставу города Цинциннати. Эта комиссия, почти всецело опирающаяся на добровольные усилия, за которые не предусмотрено никаких вознаграждений (кроме удовлетворения от победы в борьбе за хорошее правительство), уже лет десять держит под контролем муниципальные выборы в Цинциннати, расширила за это время свое влияние на округ и работает в тесной гармонии со школьными властями. «Город-королева» тем самым дает пример нового типа политической организации, вполне конкурентоспособного в борьбе за выживание, поддерживающего высокие идеалы правительственной работы и не зависящего в своем существовании от покровительства.

В другой области Ассоциация общественных школ Балтимора достигла впечатляющего успеха в защите от покровительства и партийных влияний муниципальных школ города. С политической стороны точкой приложения усилий этой ассоциации стали выборы мэра, назначающего, в свою очередь, местный школьный совет. Этой ассоциацией движет желание обеспечить разумное, непартийное управление школами, и она вполне в этом преуспела, не будучи вынужденной строить свою силу на партийных соображениях.

В более широком масштабе мы еще ждем доказательств возможности успешной политической организации, опирающейся на ту или иную основу, исключаящую покровительство. Опыт других стран показывает, что партии могут организовываться по-разному. Пока американские партии не найдут силу в других опорах, которые позволили бы им поступательно двигаться к успеху, можно ожидать, что они будут цепляться за любое покровительство, которое будет допускаться законом и общественным мнением.

---

¹ См. перевод статьи Г. Госнелла «Политическая партия versus политическая машина» в настоящем сборнике. – *Прим. ред.*

**ЧИКАГСКАЯ ШКОЛА
ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
(1920–1940-е годы)**

**сборник переводов
под ред. Д.В. Ефременко**

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование
и компьютерная верстка Л.Н Синякова
Корректор Я.А. Кузьменко

Подписано к печати 25 / VII – 2023 г.
Формат 60x84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 16,3 Уч.-изд. л. 15,7
Тираж 300 (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ № 160

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»,
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У